

проза

публицистика

Пеан

Р свобода

№45 декабрь 2015

е эротика

фанфик

поэзия

Мансёнз

порт
та

м
и
с
т
и
к
а

Д
е
т

хокку

PS.

антиутопия

сарказм

Ж любовь
новелла

рубай

киберпанк

позма

скетч

и

пародия

литературное

юмор

песня

интернет

лирика

п
о
э
м
а

повесть
религия

сонеты

издание

шансон

видения

литература

СТИМПАНК

рассказ

мемуары

действие

Драпа

СТИХ

Ф
э
н
т
е
з
и

Рубай

ирония

фантастика

роман сюрреализм

Читать не вредно! Вредно не читать!

драматургия

критика

ю
ч
е
н
и
я

Философия

сказка

Последний месяц года волшебно-волнующий. Подводим итоги и верим в чудеса. И конечно что-то планируем и на следующий год.

В этом номере редакция «PS» подвела итоги Года Литературы и нужно сказать, что итоги у нас весьма неплохие.

Мы поздравляем своих авторов и читателей с Новым Годом! Желаем жить с вдохновением, ведь именно это чувство придает сил и смелости в осуществлении задуманного. Авторам, также, желаем найти своего читателя, а читателям ту историю, которая станет для него особенной.

С Новым Годом!

ВНИМАНИЕ!!!

Журнал является **НЕ** коммерческим изданием. Все участники журнала работают бесплатно, на добровольных началах. Мы **НЕ** взимаем плату за публикацию произведений, **НЕ** производим пересылку номеров авторам с их произведениями и **НЕ** платим гонорары.

Авторские права на размещенные произведения принадлежат их авторам, и защищены Законами об авторском праве Украины и РФ, а так же международными законодательными актами об авторском и смежном правах.

Пунктуация и орфография авторов сохранена.

ВНИМАНИЕ!!!

Некоторые произведения содержат сцены насилия, секса, не пристойного поведения и психологические тяжелые сцены. Поэтому, не рекомендуется для прочтения лицам младше 18 лет.

Прочтение возможно с разрешение родителей, опекунов, либо лиц выполняющих их функции.

При копировании материала ссылка на АВТОРА и «Литературное интернет-издание PS» ОБЯЗАТЕЛЬНА!

Итоги. 2015	7
Nadin Reeves и Александр Маяков	
Важно быть бойцом, а не победителем	9
Катерина Лёвина (Тори Дарк)	
"Я слишком импульсивный человек"	13
Катерина Лёвина (Тори Дарк)	
"Моя первая книга началась... во сне"	16
Катерина Лёвина (Тори Дарк)	
Снег	19
Андрей Ткач	
Как партизан	19
Андрей Ткач	
Учитель	20
Андрей Ткач	
Прогулка	21
Андрей Ткач	
Когда мне будет 99 лет	22
Андрей Ткач	
Грезы ноября	23
Дионисия Вяземская	
Ремейк на бис у Гераклита	23
Галина Римская	
Всё течёт, всё меняется	24
Галина Римская	
Законы диалектики	24
Галина Римская	

Просыпаться, чтобы жгать	25
Кристина Waadada	
Магия любви	26
Кэтрин Гилберт	
Письма из Амбера - Э Джулиану	26
Катерина Лёвина (Тори Дарк)	
Зимняя ярмарка	27
Ирина Ханум	
Я слышала, как море стонет...	28
Ирина Ханум	
Осенние яблоки	29
Ирина Ханум	
Она любила...	30
Ирина Ханум	
И почудится мне...	30
Ирина Ханум	
Последний день	31
Черный Голубь	
Жизнь моя рулетка	32
Александр Махов	
Саморазрушение	33
Nector Grace	
Греховодная	34
Дунаев Николай	
Только пыль на ковре и тетрадь сожжена	36
Оксана АндрЭ	

Что мне нужно на этих просторах...	37
Евгения Савера	
Призыв к позитиву!	37
Ануш Межлумян	
В Карелии	38
Елена Гута	
Мужская любовь	39
Александр Маяков	
Арташа	41
Лев Клиот	
Сёсино горе	48
Светлана Грачёва	
Сказка про кота Касика	59
Иван Петух	
Я скучаю, Принц	63
А. Караченцевая	
Возьми меня за руку	67
Александр Розачев	
Багряная Арена	72
Дарья Аредова	
Хроники тараканов	78
Борис Петренко	
Джекпот	86
А. Караченцева	
Beata stultica	91
Егор Алексеев	

Немного правды о Правде и Неправде Александр Астер	98
Новогодних чудес не будет Смирнова Марина	102
Бетпак-Дала Эрих Лаутен	108
Дождь Эрих Лаутен	110
Встреча в поезде Евгений Парушин	114
Короткий зимний отпуск Карин Гур	127
Опавшие листья Грачева Светлана	137
Олеся Нарт Орстхоев	138
Первый опыт полётов во сне и наяву Натали Бизанс	141
Любовь любви рознь Лариса Евсикова	145
Воскресный Пирожок Елена Косилова	146
Весна Иван Манойло	149
Притча об Источнике и садоводах Цыплаков Петр	153

Пираты	155
Диана Вольз	
Фанаты	162
Александр Целинский	
Летописи межмирья	168
Александр Маяков	
Евангелие от Лейлах. Труп звезды	174
Вадим Доннерветтер	
Кто похитил Стива	179
Карин Гур	
Наваждение	182
Татьяна Уразова	
Исповедь проститутки	190
Владимир	
Рожденная воином Врата Нурберила	199
Хиль Де Брук	
Брутальная быль	215
Александр Черкасов	
Судьба и воля	225
Лев Клиот	
История одного андрогина	237
Роттен Морган	
Emrath	241
Елена Косилова	

Итоги. 2015

Как ни банально это звучит, но время летит быстро, и снова наступил декабрь и скоро новый год вступит в свои права. Конец года – подведение итогов, это уже как традиция и маленький ритуал для всех. Каждый из нас подводит итоги уходящего года.

Журнал «PS» не исключение. К тому же для нас этот год был особенным, как и для всех кто связан с писательской и издательской деятельностью, в России 2015 год был объявлен как Год Литературы. Наш журнал русско-украинский и события, происходящие в сфере культуры и искусства обеих стран, многое определяют и в жизни журнала.

В 2015 году «PS» вышел на новый уровень по сравнению с прошлым годом, у нас увеличилось число авторов и читателей. Полноценно работает сайт журнала, на котором посетители узнают новости из мира литературы и кино, а

также всегда могут прочитать любой из уже выпущенных номеров журнала. Также любой может подписаться на рассылку новостей, и получать новости литературы на свой почтовый ящик.

Основным правилом «PS» с самого начала существования стало соблюдение авторских прав, для редакции журнала, как людей пишущих очень важно, чтобы права наших авторов не нарушались, и мы за этим следим, для подтверждения публикации в «PS» в 2015 году мы стали выдавать сертификаты о подтверждении публикации.

Также у нас увеличился редакторский состав, в нашей команде появился редактор-корректор Элина Ким и редактор Катерина Львова. И в связи с тем, что у нас теперь есть корректор, авторы в форме на отправку текста на публикацию могут дать согласие или отказаться от редактирования текста

на предмет орфографических и пунктуационных ошибок.

И хотя «PS» является Интернет-изданием, бесконечными его номера быть могут, и чтобы в номера оставались разнообразными и в тоже время форматным, нами был введен лимит на публикацию в одном номере текста объемом не более одного авторского листа.

Крупные произведения, такие как повести и романы публикуются в рубрике «Литературный сериал» и в настоящий момент в «PS» публикуются пять литературных сериалов, почти у всех из них есть постоянные читатели.

И, конечно же, ценность любого журнала это его авторы. И на сегодняшний день у нас опубликовались 252 автора. У нас есть постоянные авторы, и некоторые из них любимцы публики, чему мы рады, так как хороший автор и интересные произведения заслуживают любви и

внимания. Новые авторы также радуют нас и читателей своими произведениями и нам особенно приятно, что у нас печатаются лауреаты литературных конкурсов, фестивалей и уже издаваемые авторы. Мы рады их успехам.

Из наших постоянных авторов в этом году издали свои книги Инна Нюсман повесть «Муза», Морган Ротген «Там, где вечный холод». Из редакторов журнала Год Литературы выдался плодотворным для главного редактора Александра Маякова, у него издан сборник

рассказов «Мой мир» и три первые книги фэнтези-саги «Летописи Межмирья», у старшего редактора Надин Ривз «Убить ангела» и «Кровные узы».

Год Литературы прошел для журнала хорошо, нас читают и, согласно статистике посещаемости сайта, читают в 61 стране мира. Для писателя главное найти своего читателя и быть услышанным, а в какой стране живет читатель не важно, как и писатель.

Искусство стирает границы в мире и го-лове, оно объединяет и

исцеляет. Литература способна достучаться до человека и многое ему дать. Это то, что вечно.

Итоги подводила Надежда Леонычева

P.S. От себя, как от главного редактора, добавляю: читайте книги, а не смотрите «ящик». Желаю вам мирного неба над головой и родной земли под ногами. С новым годом!

Главный редактор литературного интернет-издания «PS» Александр Маяков

Важно быть бойцом, а не победителем

Боец умеет вставать после падения, а победитель раз за разом умеет только побеждать. И что будет с ним, если он упадет?

"Мисс P.S." Диану Вольз, у которой я нашла эту любопытную мысль из книги Маркуса Зуака, помимо решительного характера отличает еще и философский взгляд на вещи.

- **Быть постоянно кем-то одним крайне сложно. Всегда есть направле-**

ния, сферы, виды деятельности, где мы выступаем в разных ролях. Диана, если делать раскладку "по Зуаку", в чем ты безусловный лидер без права на ошибку, а где умеешь проигрывать?

- Победитель умеет только побежать, а боец и то, и другое. Я считаю себя бойцом: умею выигрывать, и вставать, даже после нокаута. И биться не только на результат, но и ради самого про-

цесса.

- **Во всем без исключений?**

- Пожалуй, ни в чем и во всем. Я не могу быть абсолютным лидером, потому что всегда есть кто-то лучше меня - и слава Богу. Это позволяет развиваться и не останавливаться

(занимаясь каким-то проектом или работой, я делаю это с максимальной ответственностью и включенностью. Просто если смотреть в масштабах

жизни, любая неудача становится мелкой и легкой).

Проиграть могу во всем, и это не менее полезно, как и становиться первой. Боец — это жизненная позиция, вероятно. Не бьешься — не добьешься.

- Бывают моменты, когда ты сама перед собой не имеешь права на ошибку?

- Моя самая главная ценность — сама жизнь: пока ты дышишь и мыслишь, все возможно изменить и исправить. Поэтому перед собой я не имею

права на ошибку только в ситуации угрозы жизни.

Однако по профессии я психолог, и работа с людьми обязывает быть максимально ответственной за свои слова и действия, ибо я несу половину ответственности за то, что происходит или может произойти с клиентом.

- А если сделать перенос на творческий процесс?

- Та же ситуация: написанное тобой может повлиять на читателей, и половину ответственности за это несешь ты.

- Мы затрагиваем сейчас очень важную тему — ответственности в творчестве. Про авторскую уточнили, поделись своим видением читательской. В чем она проявляется?

- Думаю, в осознанном подходе к чтению. В анализе прочитанного, и как оно влияет на ход мыслей, какие моменты "откликнулись" и почему. В выборе: что я заберу с собой, а что нет.

- К слову, о выборе. Еще одна твоя запись на стене "вк": "Видимо, это

мое жизненное кредо - постоянно быть на грани выбора. Меня эта ситуация волнует, конечно, но не пугает. Достаточно лишь не относиться к этому как к чему-то невероятно серьезно или фатальному". К участию в конкурсе ты тоже относишься философски? Насколько серьезным оказалось для тебя такое решение?

- Принимать участие вообще не собиралась. Красота - однозначно не то, чем горжусь и что в себе

культивирую. На решение повлияло сообщение главного редактора Александра Маякова, что люди, оказываются, ждут. Побеждать изначально намерения не было, но когда увидела, что люди голосуют, решила - а почему бы и нет? Навероятно благодарна всем, кто меня подержал!

- Ты азартный человек?

- Для меня азарт - когда весь расчет сводится к анекдоту про блондинку и динозавтра: "Либо встречу,

либо нет". Тогда это участие ради участия, а не ради победы. И в любом случае остаешься в выигрыше.

- Возвращаясь к вышесказанному, чем ты гордишься в себе и какие качества культивируешь?

- Ценю желание развиваться, самокритичность, умение видеть красоту в себе и окружающих, быстрое реагирование, умение вовремя остановиться (не во всем, но в большинстве ситуаций).

- Поговорим о самокритичности в

творческом процессе. Расскажи как работаешь над текстами, много ли правишь, переписываешь, насколько довольна результатами?

- Основная критика происходит до написания, во время вынашивания идеи, в моем случае это долгий процесс, так как мне очень трудно вносить серьезные правки в уже готовый текст. Обычно я не приступаю к написанию сцены, пока не пойму, о чем она будет. Сперва прорабатываю "скелет", а потом уже детали. Я, как правило, остаюсь довольна. В любом случае, интересно возвращаться к написанному спустя долгое время. Помню, когда перечитывала "Марлу" через два года после публикации и психовала от поступков героини. А когда поймала себя на этом, долго смеялась: надо же было так написать, что саму задело!

- Твои герои, какие они: есть ли автобиографические пересечения, прототипы в реальной жизни, насколько

вообще сильна личностная окраска твоих произведений: детали, места, ассоциации?

- Герои так или иначе отражают меня или мою жизнь. Думаю, это неизбежно. Кроме того, если автору не интересно взаимодействовать со своими персонажами, вряд ли читатель оценит подобную искусственность.

У некоторых моих героев есть реальные прототипы, но чаще всего сборные - от нескольких людей понемногу. Автобиографические пересечения тоже присутствуют. Их много в "Девяти месяцах из жизни Даррена". Иногда в жизни происходит такое, что нарочно не придумаешь - почему бы не использовать удачный ход? Кстати, при написании этой повести я практиковала этюдные прогулки - шла и описывала места, которые показались мне интересными. Так что если кто-то захочет увидеть загорающую курочку-гриль из повести - могу показать.

- Если бы появилась возможность

отмотать время назад и поменять одно или несколько решений в ключевых моментах жизни, ты воспользовалась бы ею?

- Нет. Даже неприятные, болезненные моменты жизни сделали меня такой, какая я есть. И я благодарна, что все случилось именно так.

- Ты считаешь, что наши мысли могут становиться материальными. Что бы ты пожелала нашим читателям в канун Нового года?

- Веры в чудеса, конечно. Если верить, они непременно произойдут.

Штрихи к портрету

Диана Вольз - уфимский аналитический психолог, член Союза журналистов.

Занимается литературой с 11 лет, публиковалась в интернет-журнале «Пролог». В 2013 году принимала участие в Форуме молодых писателей России в Липках с рассказом «Марла».

Автор: Катерина Лёвина (Тори Дарк)

"Я слишком импульсивный человек"

Один из таких импульсов привел школьницу из Витебской области на конкурс "Мисс P.S. - 2015". Елизавета Кекиш хотела таким образом расширить свою читательскую аудиторию и "просто посмотреть, сколько людей готовы поставить под моим постом лайк".

Итог - второе место, что уже можно назвать успехом для начинающего прозаика. В журнале девушка дебютировала с миниатюрой "Серая".

- Елизавета, как бы ты сама в общем охарактеризовала рассказы, с которыми выходишь на широкую аудиторию: о

чем они?

- Самые известные из них поднимают тему одинокой женщины в современном мире, не важно, замужем она или нет. Мои героини постоянно обманывают себя и чего-то ждут. Так вот, я хотела показать, что лгать самой себе и ждать принца бессмысленно.

- Ты часто ставишь акцент на моментах непонятости, одиночества, все эти девушки порой производят впечатление потерянных и отчаянно ищущих что-то в жизни. Насколько они отражение тебя самой?

- Думаю, каждый включает немного автобиографии и опыта в свои произведения. И я не исключение. Хотя мне всего лишь семнадцать, как и мои героини, я иногда чувствую себя с другой планеты и задаюсь слишком простыми вопросами.

- Какими же? Можешь поделиться с нами размышлениями и выводами, к которым приходишь?

- С ходу трудно вспомнить, скажу лишь, что одну из идей как раз выразила в миниатюре "Серая". Порой тоже хочется оградиться от мира, работать в каком-нибудь маленьком городке и стать... бесчувственной, что ли... Конечно, понимаю, что так невозможно: я слишком импульсивный человек и все же хочу жить в обществе, неважно, сколько это приносит боли.

- Ты добились успеха в конкурсе, участие в котором для человека, склонного к подобному уединению, может стать серьезным испытанием. Как ты вообще решилась на такой шаг и что для тебя признание (как писательское, так и финалистки конкурса красоты)?

- Я подумала, что было бы хорошо расширить круг читателей, да и просто посмотреть сколько людей готовы поставить под моим постом лайк. Для меня, как начинающего литератора, важно мнение людей, способных дать моим текстам настоящую конструктивную критику, со всеми минуса-

ми и плюсами. На мой взгляд, эти аспекты помогают автору сформироваться как публичной личности.

- Ты довольно плодовитый писатель, работаешь "по графику" или "по вдохновению"?

- О, не могу назвать себя плодовитой: при моих многочисленных идеях пишу крайне мало. А уж если начинаю, то запала хватает ненадолго, поэтому обычно ограничиваюсь миниатюрами. Хотя сейчас работаю над рассказом и надеюсь, что все-таки смогу его закончить и выработать в себе трудолюбие.

- Хороший вариант - миниатюры, если длительный процесс утомляет. А в каких еще формах пробовала или планируешь попробовать свои силы?

- Мечтаю написать роман. Честно признаться, начинала трижды: в первый раз осилила аж две части, затем - всего пару глав, ну а в третий - лишь пролог. Исходный сюжет и тот, что крутится теперь у меня в голове, разные, хотя есть и много общего. Второй вариант

под названием "Неизвестный мир. Новое дыхание" можно прочитать на сайте Книга Фанфиков (мой профиль - kekish), а третий - на Проза.ру.

- Насколько ты довольна своими работами: речевыми оборотами, логикой повествования? Как считаешь, чего недостает в предыдущих рассказах и что не устраивает сейчас, когда уже есть писательский опыт?

- Порой, перечитывая что-нибудь из старого, прихожу в ужас: воспринимаю их как сочинения ребенка. Этим, думаю, все и сказано. Теперь же бываю недовольна построением предложения или когда не могу подобрать нужное слово. Кстати, если раньше я выкладывала главу без проверки, то теперь стараюсь читать ее вслух. Да, со временем тексты становятся лучше, но далеко не всегда меня радуют.

- Судя по всему, человек ты целеустремленный. Летом это качество наверняка тебе пригодится. Не хочешь поделиться ожиданиями от грядущего 2016-

го?

- Ух, следующий год... Он круто изменит мою жизнь и, уверена, принесет новое и в мою писательскую деятельность. Сдача экзаменов и поступление в университет - вот самые значимые его моменты. Я выбрала банковское дело. Нелегкие четыре года в вузе, зато ближе к писательской элите страны.

- А что пожелаешь читателям журнала?

- Прежде всего внутренней гармонии. Ведь, если она есть, то и самые крутые повороты судьбы будут пройдены без потерь.

Штрихи к портрету.

Елизавета Кекиш живет в городе Сенно, это в Беларуси.

Увлекается историей.

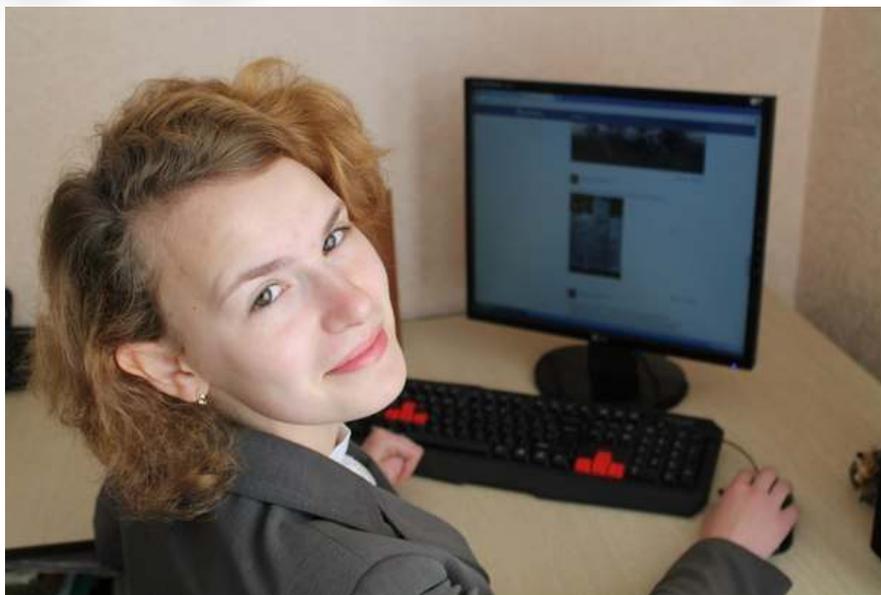
Из ключевых фигур особенно импонируют две королевы: Елизавета I и Виктория, про которых наша героиня написала исследовательскую работу.

"Они совершенно разные: Елизавета - волевая, твердая, решительная, во время ее правления Англия укрепила свои позиции как мировая держава, и Виктория - романтическая, сильная и счастливая. Ей, в отличие от Елизаветы, удалось создать крепкую семью и родить девять детей, они с Албертом

очень сильно любили друг друга. Кстати, ее внучка стала последней русской императрицей. Не зря же Викторию признали "Бабушкой Европы".

Мне всегда хотелось написать роман про одну из этих великих женщин, но пока не хватает решимости взять на себя писательскую ответственность за персонажи, которые реально существовали. Мой первый шаг в этом направлении - работа над "Закоулком X", рассказывающим про мать Елизаветы.

Автор: Катерина Лёвина (Тори Дарк)

„Моя первая книга началась... во сне“

Подтверждаю: все так и было. Персонажи и название романа финалистке конкурса "Мисс P.S." Инне Ньюсман приснились. По словам девушки, это стало началом ее осознанных писательских опытов.

- В то время я увлекалась вампирами, вдохновлялась творчеством Энн Райс и захотела создать своих вампиров, особых, с личными историями и переживаниями. Назвала роман "Красное золото", именно оно пришло ко мне во сне вместе с персонажами. Я видела, как выглядят герои, как себя ведут.

Тогда у читателей я ассоциировалась именно с этим романом, но впоследствии вампирская тема стала чересчур популярной, я его забросила, но до сих пор часто возвращаюсь к сюжету. Чем старше становлюсь и развиваюсь, тем больше он "зреет". Надеюсь, когда-то все же допишу, потому что, если честно, книга

висит на мне мертвым грузом.

- То есть писательство в значительной степени связано у тебя со сновидением. Не сновидением, а именно сновидением, то есть мистическим началом провидчества.

- У меня очень редко, но бывают вещи сны. Не знаю почему, но они сбываются очень точно. Мистика - это вообще именно то направление, в котором мне хотелось бы работать в будущем. Кстати,

тут сильно влияние творчества Стивена Кинга. Кроме того, вдохновляют готические фильмы Тима Бёртона, персонажи из потустороннего мира: монстры, духи, одним словом, непознанное.

- Кто ты в творчестве?

- Разгильдяй чистой воды, как и в жизни. Была бы организованной и не такой ленивой, написала бы очень многое. В голове целыми днями рождаются идеи, но мало какие из них реализую. То, что удастся

перенести на бумагу, сочиняется обычно очень долго - самые близкие мои читатели поймут. Во многом творчеством я обязана любимой музыке. Если бы не она, я бы, наверное, не писала никогда.

- Ты выступаешь слушателем или сама играешь?

- Единственный инструмент, который пыталась освоить - барабаны. Несказанно благодарна судьбе за этот прекрасный опыт.

- Опыт оказался удачным?

- Мечтала играть в группе, но не собиралась достигать ка-

ких-то супер высот. Скорее, для души. У меня был очень хороший учитель. С перерывами, но я занималась, ходила на репетиционную базу, а дома тренировалась на чем угодно: на старых книгах, коробках, ящиках, собственных коленях, брала палочки и выстукивала заданные мелодии.

Игра на музыкальных инструментах вдохновляет и развивает как физически, так и духовно, стимулирует мозг. Музыка - мой главный источник вдохновения.

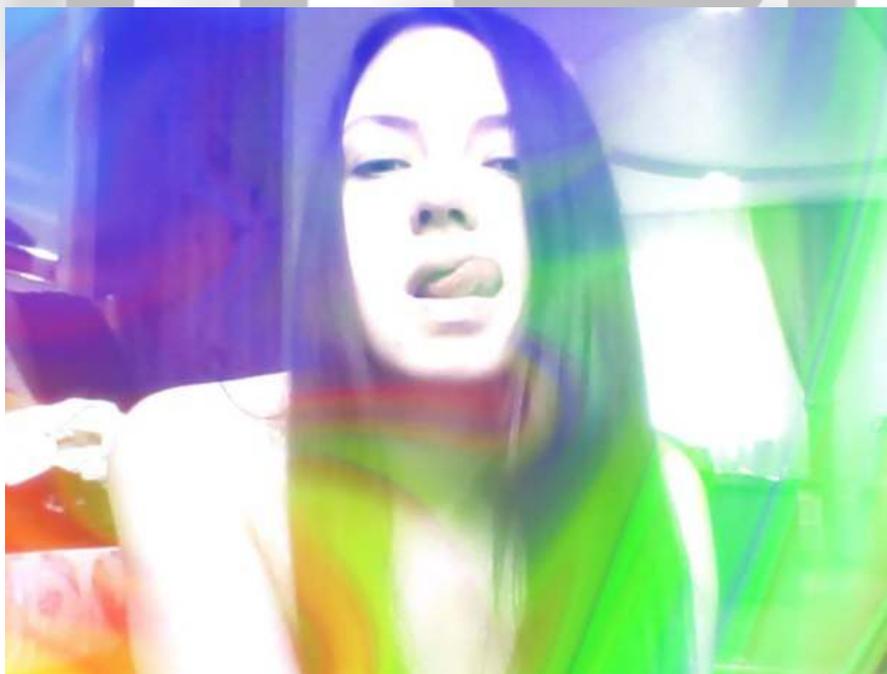
- Какая музыка дает тебе импульс

творчества?

- На меня огромное влияние оказали группы "Rammstein", "Him", "Apocalyptica" и подобные им "киты". То, что перечислила, тяжелой музыкой не назовешь, но постепенно я открываю для себя новые группы, причем тенденция к "утяжелению" заметна. Многие любимые треки легли в основу рассказов. Заслушивала их "до дыр", и из звуков складывались слова.

- Какой необычный поворот! Приведи пример.

- Моя пока единственная изданная

книга "Муза" полностью написана под влиянием финской группы "Him". Люди, далекие от творчества этой команды, будут воспринимать "Музу" исключительно как литературное произведение, но если среди читателей попадутся фанаты, уверена, они проведут несколько часов в приятной ностальгии и каждый найдет там что-то знакомое для себя.

- Вот интересно, узнают ли они конкретные песни в твоих текстах?

- Возможно, ведь даже когда перечитывала ее и редактировала, на определенных фрагментах книги четко слышались треки, под которые я писала.

Рассказ "Душа" родился из "Swallow the Sun - out of the gloomy light". Интернет-новелла

"Bittersweet или Мед и Дёготь" - литературный кавер на клип группы "Apocalyptic" при участии "Him" и "Rasmus".

Интернет-новелла "Снег в апреле" написала под "Malrun" - "Winter's kiss", а рассказ "Трек номер 8", который показывает

негативную сторону опасных рок-концертов, создавался под влиянием музыкального направления metal-core.

- Интернет - новелла - как ты можешь определить этот жанр?

- Любимый многими Гугл такого понятия как вроде бы не знает, а значит это что-то новаторское? Не хочу хвастаться, но кажется, я придумала новый литературный жанр, если можно так сказать. Интернет-новелла в моем понимании - это небольшая история, действуют максимум два персонажа, описывается одна конкретная ситуация. По объему текст занимает примерно два стандартных листа. Многие назовут интернет-новеллы миниатюрами.

Думаю, такая форма может стать популярной. В наше время гаджетов и вечной нехватки времени именно такие короткие истории удобно читать на сайте с планшета или смартфона, пока едешь несколько остановок в автобусе или метро. За

это время успеваешь прочесть маленький рассказ, который, возможно, развлечет, заинтересует и даст повод задуматься о какой-то схожей ситуации в собственной жизни.

В последнее время мои интернет-новеллы стали более ироничными и поучительными. Мне видится в них некий способ заменить безобразный "сроч в комментариях" на более приличное литературное обличение современной реальности.

Планирую со временем издать сборник интернет-новелл. Может быть, кто-то из моих коллег заинтересуется таким жанром, и нас станет больше?

Штрихи к портрету.

Инна Нюсьман живет в Луганске. По профессии переводчик, по призванию - литератор. Рассказы публиковались в журналах "P.S.", "Cleverrussia", в сборнике "Двойной тариф". В 2015 году была издана книга "Муза".

Автор: Катерина Лёвина (Тори Дарк)

Снег

И будет снег.
Заснеженная летопись шагов останется нетронутой, покуда
Я не пройду по ней
В сопровождении теней,
Шагающих то медленно, то быстро.

Дорога вниз.
Изученная чёрточка лица – хранитель радости. Их было
Совсем немного, но о ней
Мне тени шепчут целый день,
То исчезая, то появляясь.

А вот и дом.
Ворота открываются простым велением сердца. Сразу станет
Внутри уютно и тепло,
Но ветром выбито окно,
И пустоты своей не скроет.

Здесь каждый год
Касанье тонких пальцев белых клавиш рождали день, а чёрных ночь,
Меняя ночь и день.
И свет мерцает в отражении стен.
И я ищу в нём откровение...

Автор: Андрей Ткач

Как партизан

Я смотрю сверху вниз глазами статуи Будды.
Среди запахов пран и в молитве Христа.
Я узнал, что стихи мои - древние Руны.
И жизнь мне дана во имя Святого Отца.

Он как ум мой, как совесть, как смысл сострадания.
Он как ветер свободы в моих парусах.
А она - мать Земля, а в душе как Невеста,
А в делах как союзница жара огня.

И они наблюдают, как каждое утро,
Строя планы на день, я беру барабан.
И стучу на нём ритм сердечного бунта.
И при этом молчу, как партизан.

Автор: Андрей Ткач

УЧИТЕЛЬ

Мой учитель шагает в гору, я не успеваю за ним.
В моём сердце отдаётся стук его сердца
Ароматом хмельным.
Но я, как нездешний мистик, постоянно сбиваюсь с тропы. Я
Пробираюсь сквозь страх свой и совесть.
Как индеец.

Мой учитель шагает в гору, я не успеваю за ним.
У меня, то веселье, то какая-то слабость, а то бесконечный экстрим.
А по ночам спасаясь в логовах сов или волчиц, я
Убиваю бессмысленно время.
Как террорист.

Мои мысли сушат моё тело, как сухое бельё.
Я большей частью молчу, но когда я скажу, я выскажу всё.
И по расчётам седых ловцов снов всё было известно давно. Но
Я стал математиком с горя.
Из расчёта уйти далеко.

И нет чудес на свете, о которых бы я не мечтал.
И нет такой тоски бесконечной, в которую бы я не впадал.
Сбежав из фруктового сада, где его медовый нектар, Я
Изначально рождён был безгрешным,
Но безгрешным так и не стал.

Лето. Время для канатоходцев пересекать ущелья границ.
А мой учитель шагает в гору, отрешённый от всех этих лиц.
С крестом за спиной, в камнем на шее, и пронзённый копьём. Так,
Глядя на него, я мудрею,
Воскресая в себе день за днём.

Так, раз за разом, побеждая свой скучный фантом,
Я понимаю – я жив. Но иногда, мне кажется, умер
Для некоторых людей. Прости,
Я, может, покажусь тебе скучным,
Но эти камни живут для реки. Они
Однажды окажутся в море
На дне глубины...

Автор: Андрей Ткач

Прогулка

Конец Марта. Первоцвет.
Каменная порода источает слёзы.
Наслоение времён.
Каждый пласт – целая эпоха.
Лёд воды.
Смелость камня -
Находиться в самом центре
Бурлящего потока,
Чтобы не лежать на месте.
Твёрдо стоят на своём – удел более сильных.

Неопознанный монолит. Горная тропа к нему.
Трудный путь – это и есть принятие веры.
Час у дольмена. Сны, взятые из воздуха.
Исцеление сном.
Лекарственные травы ждут своего часа,
Дабы утолить жажду того, кто понял.
Лекарь – один из тех.
Но и он не в силах прервать
Вереницу долгов.

Заповеди:
Не завидуй, не требуй, не оскверни,
Не желай чужого, но своим поделись,
Будь мудр – твои слова ни к чему,
Твои дела никого ни к чему пусть не обязывают.
Лишь словом добрым утетишься.
Как цветёт Адонис, и цветки его красивы,
Но он ничего не требует взамен.

Сорви его, и он украсит твой дом,
Наполнит его аурой солнца.
Без награды.

Вместе с тобой по пути к вершине горы
Возносятся запахи леса,
Чтобы обратиться в таящий ледник,
И стекать ручья серебристым соком
К травам.
И питать собой распутившиеся создания,
Направляющие лик свой к солнцу.
Без награды.

Насыщенный воздух.
Лёгкость дня.
По тропинке в гору.
Весна.
Первоцвет.

Автор: Андрей Ткач

Когда мне будет 99 лет

Я знаю, что не доживу до сотни.
Когда мне будет 99 лет,
Она мне на прощанье скажет:
"Ты мудр был, и я тебя любила!
Ты счастлив был, и я тебя ценила!
Когда твой голос наполнял мой храм,
Я покорялась всем твоим богам!
Сегодня умираешь ты,
Но предаваясь снам своей судьбы,
Я счастлива, умна и молода.
Иди же к Богу, и почти меня!
А я слезу свою укрою в волосах.
Твоей Невестой буду в Небесах!"

Автор: Андрей Ткач

Трезвы ноябрь

В твоём саду благоухает
Кустарник в облаке лиловом.
А я от холода страдаю
В гранитном городе портовом.

Поэзия

В твоей стране обетованной
От зноя тает лед в бокале.
Я грежу встречей долгожданной
Так тянут солнечные дали.

Скользит одежды шелк нагретый
В объятья, в колдовские ночи
Стремлюсь в мечтах своих заветных
А наяву ноябрь. Осень...

Автор: Дионисия Вяземская

Ремейк на бис у Гераклита

Не вняв урокам Гераклита, спешу опять всё в ту же воду,
Ремейк на бис о забытом, опять нырну, не зная брода.
Взбешён философ отчего-то, урок не впрок, ах, ученица!
Не золото, а позолота тускнела пройденной страницей.

Итак, философ, мне позвольте опять прийти на пересдачу,
Билетов пачку не мусольте, спокойна я перед раздачей.
Сказать? Вы – Сущность, я – Явленье, они плывут к Вам чередою,
Скажите, каждая для Вас влечение? И я вопрос тогда закрою.

Пронзил философ глубиною, но не познал он Сущность Пены,
Я восхищения не скрою: жить с Пенной? Нет, я не умею.
Смотрю в глаза: вода – не та же! хочу зачёт! пила однажды!
Клянусь, я не войду туда же, да хоть бы померла от жажды.

Философ мне: «Давай зачётку! Явленье в бане мы обмоем»,
Но Ксенофонта голос робкий: «Не выйдет ничего, не стоит.
Вы даже раза не войдёте, не насладитесь вы водою»,
Затихла я, ну, вы даёте! А что ж Любовь? Она – со мною...

Бегом! Зачётку хватъ под мышку! Философ смотрит с интересом.
Ведь не любить – о, это слишком! Вдобавок я ведь поэтесса.
Я накажу обоих, братцы, и прочь отсюда, прочь с дороги!
И буду, буду я влюбляться! ... За мной бежал философ строгий.

Автор: Галина Римская

Всё течёт, всё меняется

Читаю Гераклита, и действую, не вняв совету,
хочу войти второй раз в одну и ту же реку.
Ты плыл легко, свободно, а мне силёнок не хватило,
хочу войти в пространство, где счастливы мы были.

Я вытянусь в струну и, нарушая все законы,
к тебе плыву, презрев всех фарисеев, их каноны,
догнала посреди реки, о Боже, глубоко течение!
Твой взгляд глубинный – Сущность, а пена – лишь Явленье.

Одеты в пену, пытаемся проникнуть глубже, глубже,
А Ксенофонт последнее отнял... как ЧУДО нужно!
Тебя люблю! Зажав в зубах Подарок, плывём мы к Свету,
И всё же: почему вопросов больше, чем ответов?...

Не знаю я, открою ли секрет Вам вновь,
Что чудо бесконечно, оно – ЛЮБОВЬ...

Автор: Галина Римская

законы гвалектмику

Любимый первейший закон.
Лечу я к Тебе, как на крыльях,
хочу я быть взятой в полОн,
закон предлагает бессилье.

Осколки Любви сохраню,
единство борьбы не умножу,
напрасно, напрасно горю,
сгорает всё то, что негоже.

Законом вторым я дышу,
стихов вот твоих начиталась,
теперь и сама их пишу,
влюблённой Душе намечталось.

Чем больше читаю тебя,
тем ближе к заветной я цели.
Скрывать я не буду – огня
отведаем, как нам хотелось.

Поэзия

А третий! Волнует нам кровь,
в руках я твоих замираю...
но ты отрицаешь Любовь,
а я Нелюбовь отрицаю.

Автор: Галина Римская

Просыпаться, чтобы ждать

Теплые руки, ноги, взгляд.
Пишу я не в попад.

Я не поэт и пишу бред.
Но чувствую сердцем ритм.
И вижу каждый день полчища битв.

В чаще поют птицы чаще,
Чем пишешь ты мне.

Ты можешь смеяться, а можешь и нет,
Но прошу лишь - не плюй на алтарь моих жалких симпатий.

Я лягу спать, чтобы созерцать.
Я проснусь, чтобы снова страдать.
Я проснусь, чтобы ждать.

Автор: Кристина Waadada

Магия любви

Сегодня злюсь. Завтра забуду,
Когда увижу я тебя.
Ты поцелуешь мои губы
И злость исчезнет в никуда.
Опять смотрю в твои глаза.
Ответный взгляд плавит сетчатку.
И пламенеет страсть моя.
На чувствах шрам, как отпечаток...

Автор: Кэтрин Гилберт

Письма из Амбера - 3 Джулиану

Вчера я гуляла - отдельно от Тени, а еще говорят, это больно - и даже для нас... Что ж, пожалуй, согласна, с изнанки твоих сновидений так трудно пробраться в мои, даже сильно прищурясь, и швы разодрал... Даже видеть позволив себя без прикрас... Наши сны прорастают друг в друга все глубже, так слитно - канвы не отыщешь, а резать живое устала, и так позабавилась властью зашитыми ртами, стежками по шелковой коже да властью подреберных крючьев...

И все же ...

едва ли теперь разделить мы готовы все то, чем святы в том грешном единстве - неожиданно-проклятом, но тем и желанном, хранимом так трепетно в тайном узилище судеб...

Судьбы. На двоих.

Впрочем, хватит. Не станем искать оправданий прошедших обид, равнодушия, злости. Мы вытащим пули, друг друга заштопаем (теми стежками-по шелковому козам), а надобность будет- так вырастим заново кости (у брата же вышло, а мы помоложе).

И снова ты кликнешь псарей готовить арденскую свору на травлю...

Пожалуй, вот тут я тебя и оставляю. Мне Тень померещилась, поймать бы неплохо, прогулки такие чреватые потерей посмертья, уж мне ли не знать.

Не волнуйся, ну что ты!

В Ардене мне стражи не нужно, ты, Джулиан, мой охранитель.

До снов. И до швов поутру.

Люблю тебя, милый...

Удачной охоты!

Автор: Катерина Лёвина (Тори Дарк)

Зимняя ярмарка

Поэзия

Что за прелесть наши ярмарки
С незапамятных времён,
С новогодними подарками,
На лотках – сукно и лён.

Лавки славились пушниною –
Шкурки белки и лисы.
Саньный путь – дорога длинная,
Мёрзнут щёки и носы.

Глазированные пряники,
Пироги и куличи.
Сдоба пышная и пряная,
Будто только из печи.

Леденцы на тонких палочках,
Выбирай любимый цвет!
Петушки, зверюшки, бабочки –
Сладкий красочный букет.
Раскупают мёд кадушками
И увозят на санях.
Поросят румяных – тушками.
Колокольчики звенят.

Я куплю шкатулку с росписью
Для серёжек с бирюзой,
Розоватый жемчуг – россыпью
И сапфиринку – слезой.

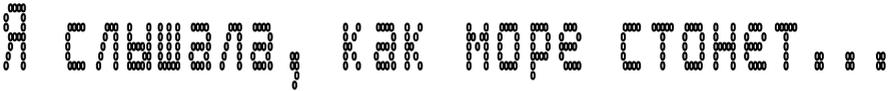
Загляну в ларёк с игрушками,
Где для ёлок серпантин.
Внукам – варежку с Петрушкой
И пакетик конфетти.

Что за чудо наши ярмарки!

Душу могут отогреть.
Сковородки, шубы, шарфики
И кондитерская снесь.

Путь домой – берёзы, ясени...
Всё укутано снежком.
Он скрипит, погода ясная.
Не спеша, иду пешком.

Автор: Ирина Ханум

литературное

интернет
издание

Я слышала, как море стонет
У пирса старого с фелюгой.
Я видела, как солнце тонет
В его нутре. А берег грубый

Казался мне оскалом волка
В потёках алого заката.
И щепня острые осколки
Валились в кружево наката,

Который в море возвращался
Распластанной подбитой птицей.
И птицу было очень жалко.
И это всё могло бы длиться
Часами. Бриз довлел над пляжем.
Октябрь был. Шумели стаи
Скворцов на серых спинах кряжа.
Прощались с Крымом, улетаая.

Автор: Ирина Ханум

Осенние яблоки

Поэзия

Осенние яблоки падают с веток...
Румяные яблоки в мокрой траве,
Горстями на крыше понурой беседки
И в прелой, кирпичного цвета, листве.

В бурьяне дорожки забытого сада...
Как много историй их память хранит:
Букеты, свидания, блюз листопада,
Признания, радость и солнца зенит.

И яблоко в тёплых девичьих ладонях,
Блаженство от сока на юных губах.
Бывали здесь Ани, Наташи и Тони,
В саду, что листвою осенней пропах.

Мне Еву не трудно понять и Адама,
Отведавших мякоть запретных плодов.
От яблока спелого веет дурманом,
И каждый испробовать сладость готов.

Осенние яблоки падают с веток...
Хрустит от надкуса их сочная плоть.
В них солнце ушедшего крымского лета
И сила, которую дал им Господь.

Автор: Ирина Ханум

Она любила...

Она любила дымок сигары
И запах лилий в балконной кадке.
За чашкой кофе с подругой Ларой
Болтать о жизни и без оглядки
Бежать с восходом к полоске пляжа.
В волнах плескаться под ярким солнцем,
Следить, как карта в раскладке ляжет,
Как с клёнов в осень летят червонцы.

Читать романы, витая в грёзах,
И сны на даче за уйму неги.
Когда на праздник дарили розы,
И видеть зависть в глазах коллеги.
Сменить причёску, накрасить губы,
И вслед мужчине смотреть беспечно.
Ругать соседа за хмель и грубость,
За то, что любит без меры зелье.

Весну за запах цветущей кисти
Густой сирени и полдень жаркий.
Любила осень за шорох листьев
В аллеях скверов и старых парков.
В туманный город войти неспешно,
Лиловым шарфом укутав шею.
В делах и мыслях была безгрешной,
Жила мечтами, одна, старея.

Автор: Ирина Ханум

И почувдится мне...

Ты со свежим букетом стоишь у меня на пороге,
Из расстёгнутой куртки видна упаковка конфет.
Я, конечно, впущу, потому что ты прямо с дороги.
И накрою на стол, и полезу за стопкой в буфет.
После тёплого душа возникнешь в махровом халате,
И прижмёшь бесшабашно, и снова солжёшь, что ты – мой.
А пригубив коньяк, с наслажденьем закусишь салатом.
И почувдится мне, что и впрямь ты навеки со мной.

В наши чувства вплетётся душистость ночного букета.
Он сегодня из роз, я поставлю его у окна.
А свеча на трюмо нас укроет от яркого света.
И я буду опять безрассудна и очень нежна.
А когда чуть забрезжит и ночь уберёт покрывало,
Ты на кухне со мной перекинешься парочкой фраз.
Выпьешь кофе и в путь, и обронишь, что времени мало.
И что любишь меня, ты солжёшь не моргнув, в сотый раз.

Послесловие

Он уехал домой, где уже его ждут домочадцы.
Из далёкого рейса повёз им гостинцев пакет.
Им он скажет: "Устал и хочу лишь одно – отоспаться",
И упрячет, как в сейф, нашей ночи спонтанный сюжет.
Я же буду стоять, как всегда, у окна одиноко.
Будет утро к полудню сегодня идти не спеша.
С грустью буду смотреть, как уходит куда-то дорога.
И почувствую вновь, как томится в разлуке душа.

Автор: Ирина Ханум

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Я знаю, скоро время все сотрет,
Утратят в памяти события цвета.
Но лишь когда душа моя умрет,
Забывать твоих свет глаз сумею я.

Я знаю, дни летели без оглядки,
И каждый час с тобой был словно год.
Твои уста всё были столь же сладки,
А шея твоя пахла словно мед.

То сердце нежностью ты наполняла,
Что в вечной мерзлоте нашло покой.
Заботой и улыбкою пленяла
Мой дух, ведь для тебя он был простой.

Того, что жажду, я просить не смею,
Ведь ты всего лишь счастье серых дней.
Час нашей встречи каждый миг лелею,
И сохранить стараюсь в памяти моей

Твой нежный запах, словно райские цветы,
Сравнима с жизнью теплота груди твоей.
Мы расставались каждый вечер как мосты,
А ночь моя была безумия страшней.

Настало время нашего прощанья,
Последний поцелуй тех мягких губ
Секунды сохранит сего свидания,
И уж прости, порой я был так глуп;

Но то лишь из-за страсти безразмерной,
Пьянящих поцелуев в летний зной.
Ты будешь моей музою бессменной,
А я склоняю лико пред тобой.

Ты вправе ненавидеть каждый слог,
И вместе с ними ненавидь меня.
Я попрощаться только так с тобою смог,
И повторюсь, мне не забыть тебя.

Автор: Черный Голубь

Жизнь моя рулетка

Моя жизнь словно сшита из разных лоскутков
А эти лоскуточки, всего из двух цветов
Сперва одна полоска, потом наоборот
И это постоянство идет который год

Ах жизнь—марионетка
Бежит по кругу шар
Что выпадет сегодня
В момент бросает в жар
Всего-то две полоски
Зато какой контраст
Жистянка черно—белая
Ты отвяжись от нас

Рулетка жизни мчится как пленочка в кино
Но фильмов черно-белых, не видел я давно
Теперь три дэ всё в моде и полный наворот
Так может и житуха в цветную перейдет

Раскрасятся полоски в различные цвета
В природе же бывают такие чудеса
И хочется поверить, что грусть печаль пройдут
А серые полоски в историю уйдут

Автор: Александр Махов

Саморазрушение.

Пленный небесами посмотри ниже,
Слышишь, как верующие приговор тихо внемлют?
Они хотели к Богу стать чуточку ближе,
Но их Космос случайно упал на Землю.

Их сердца внезапно и резко остановились,
Наполняясь страхами, гневом и яростью.
И злые черные помыслы вмиг расплодились,
Затуманивая грань между тьмой и ясностью.

Жизнь существует лишь среди разрушения,
Окутывающего понятия светлого и прекрасного.
Не видно больше в наших глазах стремления,
Мы слишком потерянные и ужасные.

Сигареты делают людей спокойными,
А наркотики заставляют почувствовать счастливыми.
Депрессию невозможно вылечить настойками,
Мы не сможем душевно когда-нибудь стать красивыми.

Люди долго влюблялись в тех, кого не заслуживали,
Забывали друзей, в других находя замену.
Но ведь начать жить другой жизнью-не значит жить хуже,
Просто никто не приспособливается к переменам,

Никто не замечает, как медленно теряет себя,
Как слезы, скатываясь по щекам, попадают на стены.
И если я спрошу «Любовь-это навсегда»,
Вы сможете ответить, что до конца Вселенной?

«Я не могу выпить таблетку, не думая о передозировке,

Или проходить мимо зданий без желания прыгнуть.»
Это все? Вы все ожидали такой концовки
Для людей, которых кара не должна постигнуть?
Некоторые умирают, ища руку, за которую можно удержаться,
Осознавая, что слишком долго цеплялись за пустоту.
Им позволили мысленно внутри сокрушаться,
Им позволили равнодушно приближаться ко дну.

Не поджигай себя, чтобы согреть замёрзших других,
Иначе узрешь в зеркале недостатки.
Стань одним мертвым среди миллиона живых,
Будь соленым и горьким среди пряных и сладких.

И за охотником постоянно может идти охота,
Ясные дни вскоре заменят вечера.
Не грустно, когда ты намного хуже кого-то,
Грустнее, что хуже, чем был вчера.

У тебя могла бы быть огромная история,
Но ты выбрал жалкое существование в Интернете.
Я не считаю это плохим и с другими поспорила бы,
А теперь потанцуем под самую лучшую песню на свете?

Молчание-это трусость, недостаток общения,
Оно остается, когда слова уходят.
Подумайте, вы достигли духовного обогащения,
За года, мимолетно что так проходят?

В вопросах о деградациях и инволюции
Может молчание - и есть решение.
Вы можете устраивать войны и революции,
А я нахожу восстание в самоуничтожении.

Автор: Nector Grace

Греховодная

Хлеба просит гордыня? С жиру!
Злую в ладони ей корку с солью.
И - по тракту в цепи, проныру.
Да - с какофонией. За юдолью.
Как ещё относиться к миру?
Либо с иронией, либо с болью.

Алчность, мошну отвязывай.
Деньги - с ума сведут.
Тянешь пол-жизни лазаря:
Люд милосерд - дадут!
С музыкой гроб заказывай.
Жди - за тобой придут.

Глупо, зависть, копить маски.
Свет потушен, клакёр смолк.
Сколь умильны не строй глазки,
Лезет жаба... Какой толк?
А черна ли, бела... Сказки!
Все - обязаны. Всё - долг.
Веселей - не нашлось краски.
Ты сера - аки тот волк...

Гнев на милости менять?
Не подходит!
Кто иное гнёт понять -
За нос водит.
Благу дуру бы гонять -
Вечно шkodит -
Да огульно обвинять...
Счёты сводит!
Время ныне злу пленять.
Кровью бродит.

Похоть, пари-ка к донцу!
Бесы - на бис встретят.
Слёзы утри - по солнцу:
Звёзды - другим светят.
И - прибери иконцу...
Девок - клеймом метят.

Не тяни, брат лихой, руку к мясу.
Чай, пристало - порок побеждать.
Сколь ещё толковать, лоботрясу?
Чреву - стыд и позор угождать.
Вник, анафема? Пулей - в рясу!
Да галопом - овец убеждать...

Тоску-печальку - девушку серьёзную -
Прими, уныние, на цепь железную.
И сдуй с лица ухмылочку скабрёзную -
Чего её кривить-то, бесполезную?
В распыл пора тебя, под лиру слёзную.
Препровожу. Прости, не соболезную.

Автор: Дунаев Николай

Только пыль на ковре и тетрадь сожжена

Такая странная, то ли дикая, то ли печальная,
Зашла, села за стол, достала тетрадь.
Вытряхивала из карандаша фигуры овальные,
Или падала или переставала дышать.

Откусила косу, гребнем расчёсывала,
Зубья падали, цепляясь за седину.
Танцевала под воздухом, целовала плечо своё,
Только тетрадь-то чистая, не пойму.

Два денька да поступью: «Ты не хочешь, я допью»,
Бродила с цепью, тетрадь пополам.
Фигуры да нолики, говорит: «В стакан налью».
Коса, потёртый ковёр – хлам.

Тетрадь исписана какими-то длинными числами,
Удивляется, прячется от себя под диван.
Вытирает, хлопает полотенцами чистыми,
Рядом с цифрами скроет в тетради обман.

На баяне Петенька, ноты в пальцы тесненько,
За стеною под лесенкой, заболит голова.
Она - числа да буковки, он - этюды да песенки,
Ещё час или день, сей кусок суховат.

Ни косы, ни баяна, ни квартиры под лестницей.
Петя молится, крестится: «Где тетрадь? Где она?».
Убежала, умчалась, Петя хочет повеситься.
Только пыль на ковре и тетрадь сожжена.

Автор: Оксана АндрЭ

Что мне нужно на этих просторах...

Поэзия

Что мне нужно на этих просторах?
Где по скалам - брусника и мох,
Где внизу - громоздящийся город,
А вверху только небо и Бог?
Бог языческий - дух многоликий -
Чайка в облаке, свет на воде.
Глянцевитые листья брусники
На сухой моховой бороде.
И куда по тропе каменистой
Ветер свистом печально зовет.
По буграм - кочковатым и мшистым
Направляя незримо мой ход?
Не туда ли, где пусто и дико,
Где печаль соразмерна глуши,
Где, быть может, Великий Владыка
Скажет слово для тихой души?..

Автор: Евгения Савера

Призыв к позитиву!

Я читаю многих хороших поэтов.
Понимаю, им есть что сказать,
Но зачем так много памфлетов?!
Начните о радости писать!

Пожирая ваши мысли
Человек сидящий в вас,
Разочаруется в жизни
И возьмет у смерти временной аванс.

Ведь все мысли материальны.
Им нужна подпитка позитива,
Будьте пожалуйста благоуханны.
И не будет в жизни негатива.

Автор: Ануш Междумян

В Карелии

Сквозь розовость вечерних облаков
Голубишной просвечивает небо.
Как запах хлеба и огонь костров,
Чарует вечер холодеющего лета.

Мы у костра, и тихий разговор
Ведем с тобой о чем-то понемногу,
Забыв про новости, про всякий сущий вздор,
И рыба ходит рядом под водою.

Мы здесь на острове, над нами шепчет лес
Сопровожденьем голоса глухого.
Здесь край земли, где горизонта срез
Приближен зримо яркой полосой.

Небытие не страшно здесь ничуть,
И дикий зверь не удивит неожиданно.
Там крест кладбищенский - наискосок чуть-чуть,
Как третий собеседник нежеланный.

Нам крепкий чай вкусней из котелка,
Гитары звуки сердце заменяет...
Мы в ауре священного огня,
Что нас с тобой сейчас соединяет.

Автор: Елена Гута

«Горбатая гора» - рассказ писательницы Энни Пру о любви двух ковбоев. Я не видел до прочтения экранизации и ожидал увидеть нечто ванильно-слащавое, но, к счастью, этого в рассказе нет. Про фильм говорить не буду, не знаю. Нам показывают двух молодых парней с легкой судьбой. Каждый из них с детства самостоятельно проби-вал себе дорогу. И вот, судьба привела их на Горбатую гору. Сезонная работа, пасти овец. Тяжелые условия, жизнь в палатке, охота на койотов. Много алкоголя, скудная еда, дешевый табак. Обычная мужская

компания, где за выпивкой обсуждают женщин, политику и прочие темы. Но в один момент, выпивши, парни... переспали. И с этого момента началась история их любви.

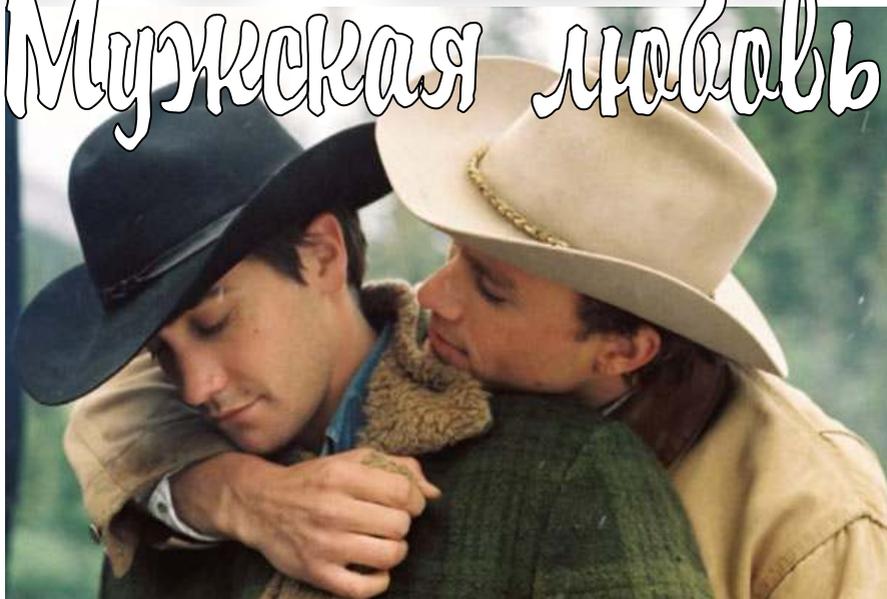
Странно, но у каждого из них, потом, после Горбатой горы, будут семьи. У Энниса две дочери, у Джека сын. Каждый из них пойдет своим путем, но они запомнят Горбатую гору, как самое прекрасное время в жизни. Из-за осуждения общества, они вынуждены скрывать свои отношения. Для большинства обывателей, они просто друзья. Хоть Джек и леле-

ет мечту о совместной жизни с Эннисом на ранчо. Но судьба распорядилась иначе...

Атмосфера. Я уже говорил, слащавости в рассказе нет. Два грубых, неотесанных мужика занимаются любовью в палатке, под сенью деревьев, в дешевом отеле, где все воняет табаком, старьем и дерьмом. Вот и все. Все грубо, жестко, можно сказать, по-мужски.

Америка - не страна грез. США показана в рассказе как жестокая держава, где правит капитализм. Нет розовых очков, небоскребов, гламура. Эннис перебивается мелкими заработками,

Мужская любовь

мечтает о собственном ранчо и выслушивает недовольство жены. Джек же устроился немного лучше, но и его жизнь не сахар. Оба несчастны, но оба тянут свою лямку.

Критика. Уж так получилось, что перед тем, как познакомиться с рассказом, я познакомился с критикой рассказа. Скажу прямо, я не был удивлен тому, что многие высказывали негодование и отвращение к теме гомосексуализма. Люди не принимают геев и лесбиянок, считая, что это что-то отвратительное и не правильное. Возможно, они и правы, но я сторонник другого мнения. Гомосексуализм является частью нашей жизни, нашей истории из покол веков. И искоре-

нить его невозможно. Да, общество будет против, будет выражать протест, но ничего не сможет сделать. Геи как были, так и будут. Я считаю, что все дебаты о геях, это просто попытка уйти от других проблем. У нас коррумпированное правительство? Плевать! Геи на улицах! У нас разваливающаяся экономика? Плевать! Геи на улицах! Олигархи захватили власть? Плевать! Геи на улицах! Церковь богатеет за счет верующих? Плевать! Геи на улицах! Причем, протестуют, в основном, те, кто и представители противоположного пола не возбуждаю (уж извините за откровенность), не говоря уже о геях и лесбиянках. Такие лю-

ди, прочтя мою статью, могут заявить: «Да автор сам гей!». Это из-за ограниченности мышления. Да и в этом вопросе всегда две крайности: если поддерживаешь – гей, если против – гомофоб. Тут надо понимать, что с кем спать, человек решает сам и это его личное дело. Хочет мужчина спать с женщиной, а не женщиной, это его дело. Просто примите это, не надо быть «за» или «против».

Насчет рассказа. Если вы относитесь к теме гомосексуализма нейтрально, то советую вам прочесть. Это интересный взгляд на мужские отношения.

Автор: Александр Маяков

— Ну, мы и козлы, — нарушил мрачную тишину Робка рыжий.

— Да, перегнули, — поддержал второгодник Васильев, его сосед по парте.

Даже они! Нет, не даже, а именно эти двое отверженных. Робка числился в мелких пакостниках — ну, рыжий в худшем проявлении этого представления о несчастных рыжих — «рыжих-рыжих, конопатых». А Васильев, туповатый тюфяк, единственный терпел Робку, переносил стоически все его выходы. Вот они почувствовали первыми, как глубоко мы вонзили свои юные жестокие клыки в слабую плоть души незащищенного панцирем цинизма человека. С удовольствием отстегал бы того себя, семиклассника, розгами. Розги я представляю в виде ивовых прутьев, вымоченных в соленой воде, от которых на белой заднице остаются синие вздувшиеся полосы.

Да, именно так бы я себя и отстегал... Но кое-что из тех Валиных уроков отпечаталось в памяти. Ко-

выль... Ковыль-трава с серебристой метелкой на конце. Видов этой травы несколько, но запомнился этот — «ковыль серебристый».

Красиво клонится этот колосок ковыля, подчиняясь дуновению ночного ветра. Особенно когда он не один, а их несколько, а даже не несколько, а несметное количество, целое поле. Бескрайнее поле, начинающееся у обрывистого холма и плавно уходящее в ночь. Волны переливающегося серебра, охваченного ярким светом полной луны. Завораживающее зрелище.

Три часа ночи, у края холма среди этого удивительного серебристого мерцания стоит рота — сто двадцать человек личного состава, четыре взвода во главе с сержантами. В двадцати метрах лицом к ним группа офицеров — командиры взводов, замполит, ротный и четверо старших офицеров штаба округа. За ними еще метрах в сорока отбрасывает на колеблющееся серебро хищную тень застывшая махина вертолета

Ми-8.

Трава достигает высоты в шестьдесят сантиметров, и люди, стоящие в ней, кажутся меньше ростом — обман зрения. Рота колеблется, иногда амплитуда колебания совпадает с серебряной волной, иногда идет ей навстречу, но это не обман зрения.

Рота качается реально, потому что весь личный состав роты пьян. Пьяная рота, с трудом удерживающаяся на ногах, качается в соответствии с возникшим противоречием между законом всемирного тяготения, который тянет их тела к земле, и законом устава воинской службы подразумевающий стойку «смирно».

Неделю тому, как батальон, собранный из четырех родов войск Сибирского военного округа — рота связистов, рота пехоты, артиллеристы и мы, авиация, — для оказания помощи в сборе и вывозе урожая нашего передового сельского хозяйства, был переброшен из лагеря, разбитого под Новосибирском, в котором он пробыл более месяца, к границе

Казахстана, где мы должны были дожидаться формирования эшелонов для отправки в междуречье Амударьи и Сырдарьи.

Лагерь разбили по всем правилам походной жизни — с полевой кухней, палатками в три ряда, с сортирами и, главное, со щитами для боевых листов.

Личный состав был таким, каким и мог быть сформирован по алгоритму, который заложили в это странное сочетание, в этот неудобоваримый симбиоз армии и сельского хозяйства руководители социалистического способа производства.

Кого мог отдать командир части в неконтролируемую им структуру и кого оставил себе? В результате уборочная рота получала худших из худших.

Происходило в натуре это так. Группу солдат к нам в лагерь привозил кто-то из в/ч (войсковой части) по разнарядке, спущенной в эту в/ч из штаба округа. Вместе с солдатами приходила техника — бензоаппаратчик, грузовики ГАЗ-

66, ЗИЛ-157 и более свежие 130-е, техника и «козлик» — коммандирский «газик». Как правило, присылали зампотеха, но случалось, и сам командир приезжал, если чувствовал, что у его замов харизмы на втягивание всего этого дерьма не хватит. Про качество бойцов уже сказано выше, а вот техника — это особая статья. Ну, к примеру, такой эпизод, чтобы уже ото дна оттолкнуться. Привез один капитан ЗИЛок 130-й, сильно юзанный, жесткой сцепкой прикрепленный к 66-му ГАЗону, ну, вроде как для экономии горючего. Через неделю полетел у того ЗИЛка движок, а когда его разобрали — поршни из дерева выточены были! И это никакая не байка. Так что сопровождающие привозили с собой калым, чтобы мы закрывали глаза на тот хлам, который они нам для уборки так необходимого стране урожая пригоняли.

Правда, была в этом действии некоторая отмазка и даже логика. Для уборочных батальонов существовала определенная

привилегия по доступности к складам запчастей. Действительно, в автороте при действующей части, авиационном полку, например, чтобы получить очередной ремкомплект, надо было наизнанку вывернуться. Не добиться без тысячи претензий, мол, неправильно эксплуатируете, нет дисциплины и в общем масло не то заливаете. И в округ, надо понимать, масла сливочного возите мало, а также свининки, телятинки и шнапса.

В нашем шмесе (школе младших авиационных специалистов) была своя свиноферма. Командир части был замечательный полковник белорус, очень это хозяйство любил и немало оно ему в его карьере поспособствовало. Так, в этом свином царстве комната была, куда я однажды заглянул, будучи дежурным офицером по части, и там на столе лежали аккуратные свертки с парной свининкой, на которых было написано: полк. Афанас. 4 кг, подполк. Кривор. 6 кг и так до 10 сокращенных для конспирации

фамилий и званий окружного начальства.

А на уборке снабжение запчастями шло по льготной линии и выполнялось сравнительно быстро, так что сопровождающие этот металлолом понимали, что за магарыч и плату небольшую мы это все примем и бандитов от мороженных сможем прижать легче, чем с ними в частях возиться приходилось. Привозили они три вещи: спирт, разбавленный дистиллированной водой, тоже двух видов. Шпага — это антиобледенитель, 60 процентов спирт, 40 — вода. Обычно была эта шпага с синеватым отливом и слегка припахивала керосином. И послабее был ликер шасси — ну, это, впрочем, кому как нравилось, так и называли. Второе направление — это настоящий коньяк. Армянский или молдавский. Позже, уже на уборке, популярным стал коньяк «Казахстан». Это лично для командира роты, замполтеха и — как же без него? — для замполита. Как говорил один директор совхоза в Казахстане, пригласив нас к

столу, без замполита наше угощение при вашем присутствии — это он к ротному обращался — что это будет? Просто пьянка, а с замполитом — мероприятие. Ну, и, конечно, закуска: тушенка всех видов и сухпайки авиационного назначения — вкуснейшая вещь по тем временам.

Солдат мы строжили со всем возможным в нашем положении набором репрессивных мер. А входило в этот перечень тоже три вещи.

Гауптвахта, которая могла легко закончиться определением в психиатрическую больницу. Одного такого героя, который по пьяни угнал в казахскую степь ГАЗ-66, разбив при этом два ЗИЛа, мешавших ему проехать. Три дня его искали, но он сам пришел еле живой из бескрайней степи, чудо что вообще дорогу нашел и выжил без воды в сорокоградусной жере. Газон утопил в песке высохшего арыка. В общем, получил большой флюс на лице от меткого замполитского удара и две недели дурдома. Так, когда он оттуда

вернулся, встал на колени и плача просил, если что — в тюрьму, в штрафбат, только не в дурдом. Вот какая у нас замечательная психоневрологическая медицина: две недели, и человек другим становится, законопослушным членом общества победившего социализма.

Штрафбат, который легко мог перейти в тюремное заключение и, простите, мордобой. Все это по мерам ответственности и по скорости исполнения в этих боевых оборочных соединениях отличалось от обыденной жизни в кадровых частях армии.

Ну вот совершенно невозможно предать себе, что на плацу какой-нибудь действующей воинской части какого-нибудь рас****я солдата привяжут к столбу и лично замполит батальона кнутом раскроит его хлопчатобумажную гимнастерку и брюки на ленточки, в прорезях между которыми видны будут кровавые рубцы от этого кнута. Кнута, которым в нашем случае орудовал невысо-

кий, кривоногий, оскалившийся в своем бешеном помутнении проводник идей партии и правительства в массы малосознательного солдатского коллектива в звании, кстати, аж подполковника. И было это в степях Казахстана, на току, уже опустевшем от собранного урожая риса. И было это абсолютной реальностью, совершаемой на глазах сотни солдат, офицеров и прапорщиков. И, что самое интересное, под одобрительные выкрики всех этих сынов отечества. Солдатик этот просто по злобе душевной или в отместку обидчикам поджег барак, служивший казармой всему личному составу роты, а дело было поздней осенью, и тепла добыть, кроме как в этом здании деревянном, не представлялось возможным. Снова в палатках, как под Новосибирском, когда еще снег не сошел и спали во всем обмундировании, укрывшись шинелью и еще плащ-палаткой сверху. Поджег грамотно, обложив его сеном и густо полив соляжкой. Никто не додумался ох-

ранять барак, и тушить тоже некому было. Все были в поле у машин, а командиры проводили совещание в здании совхозного правлений. И когда пламя достигло своего драматического превосходства над безвозвратно уничтожаемым, беззащитным деревом, представлявшим только что стены крышу, пол и нары для всего нашего воинства, пожар этот увидели несчастные командиры прямо из окон того помещения, предложенного им совхозным начальством для совещания. Все высыпали во двор, но было件件но, что поздно суетиться. Лучше расслабиться и досмотреть этот праздник огня. Так что били пиромана жестоко, но заслуженно. Нарушая, разумеется, всю социомораль, политику партии и правительства, кодекс строителя этого, как его... В общем, посадили его на два года, а замкомбата по политчасти пошел на повышение. В округе говорили: вот мужик! За всех нас плеткой поработал.

К этим обормотам -срочникам добавля-

лись «партизаны» — мужики с гражданки, по разнарядке военкоматов отправлявшиеся на шесть-восемь месяцев с оплатой заработка по месту работы на помощь колхозно-совхозному крестьянству. От семьи, от забот, по пьянствовать, по бабам пошустрить и вообще на свежем воздухе на парном молоке. Так эти 30—40-летние перцы представляли себе эту жизнь, не представляя и не желая признавать то, что они надели военную форму и обязаны выполнять все, что связано с армией, уставом и приказами своих командиров.

Это последнее — текст для стенной газеты или боевого листка, которые оформляли комсорги рот и взводов

Что делали эти бойцы, одетые в синие комбинезоны технического состава военно-воздушных сил? Ровно то, на что и нацелились. Они искали приключений, развлечения, выпивки, бабца, жратвы посытнее и работы такой, чтобы никакой работы. Молодняк подтягивался к ним, с удовольствием

слушал их откровения по части покорения женских душ, по части того, где бы чего украсить и на вырученное купить выпивки, и про то, что их ждет на гражданке с таким богатым набором знаний.

А стояли мы вблизи небольшого железнодорожного узла, на котором происходило переформирование эшелонов, замена тепловозов, были небольшое депо и магазин, в котором можно было купить незамысловатый набор самого для жизни сельской необходимости. Партизаны наши, обладавшие несравненным финансовым преимуществом перед срочниками, были частыми посетителями этого магазинчика. Конфеты, печенье конверты, сигареты, пакет молока — вот в основном и все меню возможностей. Спиртное по согласованию местного руководства и армии в этой торговой точке не продавалось.

Но как-то раз на станцию завернул состав, в котором находились цистерны-термосы с вином, как потом выяснилось, не вполне готовым к употреблению. Но это

для гурманов, а для нашей гопоты — «Шато Латур» тридцатилетней выдержки. Кто им продал эту информацию, неизвестно, но с этого момента в расположении роты запахло спиртным.

Первых пьяных притащили к командиру военные патрули, сопровождавшие в течение всего времени проведения уборки автобatalьоны. С этого момента офицеры забыли про сон. Искали по палаткам, вещмешкам, перерыли все барахло в кабинах машин. Ничего, и все пьяные. Допрашивали каждого, только что не пытали током, — ничего. Отмазка под дурака: бабка из деревни принесла, мужик за канистру бензина бутылку дал. И что интересно, вусмерть пьяных не было. Разве пару-тройку, но те спали — не разбудить. Увел в лесок комсорга Вацетиса Ивара. Такого себе подыскал латыша из Риги — исполнительный, дисциплинированный, художник хороший, и отношения были вполне доверительными. Не сказал. Сказал, если узнают, что сказал, — убьют, и это была

не шутка. Информация стала распространяться по поселку, по батальону. У станции так близко стояла только наша рота, но повара получали продукты централизованно. Машины с картошкой, макаронами, маслом, тушенкой и хлебом подъезжали ежедневно, и, видимо, шоферы между собой поговорили, поменяли кой-чего на продукты, получив взамен фляжку с вином. В общем, на третий день меня с ротным вызвали в штаб, подключили военную прокуратуру. Нашли на шестой день и потом уж раскололи тех, кто поумней, кто почувствовал, что это длинной тюрьмой грозит.

Дело было так. «Партизаны», разузнав о цистернах, собрали самых преданных слушателей их лабуды о прекрасной жизни и по темноте отправились добывать то что назвалось вином. И занимались они этим, проявляя невиданное трудолюбие две ночи на ничем не охраняемом пути, пока состав не ушел к станции своего назначения. Залили все имеющиеся

ся канистры и закопали их в землю прямо в палатках. Когда мы эти канистры повывали, не могли понять, отчего пьянка продолжалась, пока расколотившиеся не рассказали, что самые запасливые залили вино в радиаторы машин. К вечеру седьмого дня роту погрузили в кузов, за рулями сидели откомандированные из соседних подразделений, и вывезли поздним вечером за 100 километров в чисто поле, ковыльное серебристое море.

Стоял я и думал, до чего прекрасна эта ночь, эта луна и трава серебряная переливчатая. И как портит эту сказочную картину чистой природы человек, вроде считающийся ее вершиной. Из качающегося строя вышел «партизан» — сорокалетний мужик с Алтая. С трудом сохраняя равновесие, он дошел до середины разделяющей нас полосы, присел и спустил штаны. К нему направились двое сержантов, взяли бедолагу подмышки, поднесли к обрыву и, размахнувшись, на счет три кинули его, сложенно-

го пополам, со спущенными штанами с холма, и он покатился по крутому склону, размазывая по нескладному телу собственное дерьмо. Все это под цокот цикад без единого слова. Молчали все. Все смертельно устали.

Старшина, посетившись, накрыл за нами у вертолета походный столик: сало, лук, хлеб большими ломтями и две фляги шпаги. Подошли к столу, налили в эмалированные кружки синеватой жидкости, посмотрели на качающийся строй. Ротный мотнул головой старшине, и тот, подбежав к сержантам, отдал команду. Рота повалилась на землю, примяв своими телами траву, и сразу среди поля появилась черная полоса, о которую разбивались негодуя серебряные волны.

Рассказывал я эту историю в далекой Америке одному замечательному человеку, в раннем детстве покинувшему нашу прекрасную родину. Но очень этот человек тосковал по своему брату, который остался в Союзе, служил в

авиации и недавно умер, так никогда больше с ним и не встретившись. Очень этому моему собеседнику хотелось узнать хоть в общих чертах, как могла протекать жизнь его брата в той так давно оставленной им стране. Вот я ему и рассказал эту нетипичную историю.

— Так как же все-таки закончилось там, на поле? — закуривая очередную сигарету под глоток виски не удержался от вопроса Дэвид — так звали моего слушателя. — Не могли же все так молча разойтись, улететь на том вертолете?

— Разговоров не помню — о чем там говорить было? Это уж потом в Новосибирске разборы были, а тут нет, молча все. Хотя знаешь, когда кружки подняли, полковник Игнатьев, главный среди штабных, посмотрел на нас всех таким, знаешь, тоскливым взглядом и, перед тем как выпить, произнес негромко так, под себя: «Вот блядь».

Автор: Лев Клиот

Сёсино горе

Двадцать восемь лет назад в деревне средней полосы России в бедной семье Сёсиных появилась на свет девочка Алёна. Она не познала ни мягких байковых пелёночек, ни прогулок на свежем воздухе в красивой коляске, как другие младенцы в этой же деревне. Вместо этого, её крохотное тельце заворачивали в старые, порванные на пелёнки прохудившиеся простыни; вместо красной коляски, в которой, по тогдашним деревенским представлениям, обязательно нужно было возить девочку, её клали в большую чистую плетёную корзину, предназначенную для сбора урожая овощей, и выносили во двор дома.

Каждый день соседка-сплетница, наблюдая эту картину, выглядывала из-за тына и злорадно хихикала:

- Вынесли Сёсино горе.

Старшая сестра

Маша, пяти лет отроду, как умела, помогала Алёнке не умереть с голоду, пока мать была на ферме, а отец где-то пьянствовал со своими собутыльниками. Она совала в ротик пищавшего младенца соску, надетую на бутылку, в которой было холодное сцеженное материнское молоко – синюшнее, без жира, потому что питание матери было очень скудным. Но крошка довольствовалась и этим.

До шести лет Алёнкина жизнь была счастливой. Маленькой девочке хватало общения с подружками из таких же бедных семей, приглашавшими её играть в свой дом; хватало игрушек, которые ей отдавали соседи побогаче, если их детям они надоедали или были уже изрядно потрёпаны (не выбрасывать же деньги на ветер!); хватало одежды, которую дважды мать привозила из районного пункта помощи малоимущим

семьям (были даже красивые кофточки и платья из Германии); хватало интересных игр по вечерам со старшей сестрой, которая уже ходила в школу и говорила, что с Алёнкой интереснее, чем с одноклассницами.

Но Алёнка не понимала, почему Маше неинтересно в школе. Ей самой так хотелось в школу! Она представляла, как будет хвастаться красивыми куклами перед Зойкой и Людкой, которые не разрешали ей летом присутствовать на представлениях самодельного бумажного кукольного театра:

- Как только ты приходишь, все куклы падают

Худенькая Алёнка, будто тоненький листок, прилипла к окну веранды, чтобы увидеть спектакль, но Зойка закрывала тюлевыми шторами окна. Людка высовывала голову из-под шторы и дразнила Алёнку, показывая язык и ехидно

приговаривая:

- Ну, попроси, попроси. Хи-хи-хи! Встань на колени.

Алёнка отходила от окна, понимая уже, что над ней издеваются. Не знала тогда девочка, что Зойка с Людкой, дочери состоятельных деревенских родителей, только поиздевавшись, принимали в свой узкий круг «подружек» — завидовала тем девочкам, которые смотрели на веранде представление кукол.

А Людка, не дождавись Алёнкиного унижения, обидно выкрикивала за окном:

- Уходи, ты не нужна нам, Сёсино горе!

Алёнка продолжала

ходить под окнами в надежде хотя бы где-то обнаружить узенький просвет в окне, не закрытый шторой. Зойка бежала жаловаться в дом своей тётё. Бойкая тётя выходила на веранду и, глядя через стекло, прогоняла бедную девочку, как бездомную собаку:

- Ну-ка, уходи отсюда! Ты чего здесь бродишь?!

Приходя домой, Алёнка утешала себя:

- Подумаешь, бумажные куклы! Вот я пойду в школу, сделаю таких кукол, что эти две зючки будут мне завидовать, будут проситься в МОЙ театр, а я их не пушу!

Неожиданно для

Алёнки умер отец. Только позавчера он тихо, лёжа на кровати, рассказывал ей сказки. Раньше он никогда не рассказывал ей сказок. Ему было некогда. Мама часто искала его, а найдя привозила летом в тележке, а зимой в санках. И они втроём раздвали и разували его — «мертвецки пьяного».

Подросла Алёнка, пошла в школу. С гордостью пошла. В отличие от многих сельских сверстников-первоклашек она уже умела хорошо читать и писать. Научил её дядя Андрей, который год назад приезжал из Петербурга в их деревню на похороны отца. Дядя Андрей был ка-

ким-то большим начальником, и мать лебезила перед ним, металась, не знала, куда его посадить. Всё оправдывалась, стыдась своей бедноты. Девочка помнила, что дядя Андрей говорил об отце как об умном, грамотном человеке, который «сел не в свои сани». Он приехал в деревню, на родину молодой жены, которая не захотела жить в ладу с интеллигентной семьёй мужа.

- Русское захолустье многих умных людей сломало. Разве можно здесь, — указывал рукой дядя Андрей куда-то за окно, — найти смысл жизни? Разве может здесь реализовать себя талантливый человек? А уехать, бросить семью и детей он не мог. Вот и спился от безысходности.

Алёнка запомнила эти слова родственника. Видимо, ещё тогда, в раннем детстве, она бессознательно поддерживала их, а будучи старшеклассницей, тайно лелеяла мечту жить в большом городе.

Включая старенький телевизор, смотрела репортажи, внимательно наблюдая за

столичными людьми. Чтобы быть похожей на этих людей, много внимания уделяла своей внешности. А ещё она слышала, что эти люди никогда не прощают обид: позволяют хоть раз дать себя в обиду, и ты уже снизила свою цену. И Алёна никому не прощала даже малой обиды. Никогда.

Даже с мальчиками она пыталась дружить по принципу «я та, которая сама выбирает». Но что-то «принципиальная» дружба у неё не заладилась.

Не желая видеть насмешливых взглядов удачливых соперниц, повзрослевшая Алёна перестала посещать сельский Дом культуры и погрузилась в чтение. Читала запоем книги об искусстве, "заболев" позже искусством Древнего мира. Работники районной библиотеки поражались усидчивости сельской школьницы, часто видя её в читальном зале, а выбор ею серьёзных искусствоведческих книг вызывал у библиотекарей неподдельное уважение к увлечённой читательнице. Даже

стали выдавать ей такие книги на дом из читального зала, ведь у других читателей они спросом не пользовались.

- Пусть из бедной семьи, но зато умная и начитанная, — гордилась собой Алёна.

С каждым днём в деревенской девушке всё больше зрело желание окупиться с головой в культурную жизнь большого города и дать выход страстным порывам самореализоваться в искусстве. Выпускница с трепетом ждала окончания школы, надеясь на осуществление своей мечты.

Застенчивость, страх перед "учёными людьми" не позволили Алёне удачно сдать вступительные экзамены в Санкт-Петербургский вуз, первый же экзамен закончился провалом. Но успокоенная сестрой Машей она не отчаялась: в этот же год поступила в ближайшее областное училище культуры и искусства.

Быстро пролетели три года. И вот Алёна уже дизайнер в сфере искусства. С гордостью выходила мать из маленького домика и

присаживалась на трухлявую скамеечку возле убого покосившейся низенькой деревянной веранды, пристроенной к дому много лет назад ещё молодым мужем. Любопытные соседи, узнав, что Алёна Сёсина "выбилась в люди", присаживались рядом с обитательницей бедной хатки и расспрашивали, как устроилась её младшая дочь.

- Модной стала. Плывёт, что королева, – говорили соседи. – Наверно, на хорошую работу устроилась?

Мать хвалила свою "младшенькую" и, всплакнув, говорила, что очень скучает, сетовала, что дети не остались жить с больной матерью: старшая, выйдя замуж, переехала из родительского дома в дом мужа (правда, навещает каждый день), а младшая снимает комнату в городе, приезжая только на выходные.

Алёну не устраивала работа в районном городе: это было совсем не то, о чём она мечтала. Только мегаполис мог предоставить ей выбор. Но она не могла бросить

мать ради мечты!

Мать болела уже несколько лет. Сначала была инвалидом второй группы, затем получила первую группу. Врачи предупреждали, что смерть может наступить внезапно. Натруженное материнское сердце требовало дорогостоящей операции, но мать не хотела затруднять жизнь своих детей.

- Зачем тянуться? Жизнь прошла, – объясняла она дочерям. – Разве это жизнь – ждать каждый день смерти?

Младшая дочь купила в церкви икону Спасителя и принесла в городскую комнату. Повесила лик Иисуса Христа на стену напротив кровати. Каждый вечер, ложась спать, она глядела на Творца и молила его продлить жизнь матери. Старшая дочь продала мать переехать в свою семью – так легче присматривать за старым человеком. Мать наотрез отказалась:

- Где родилась, там и умру. В этом доме моя мать умерла, сюда и за мной смерть придёт.

В один из будних

дней, утром, неожиданно позвонила Маша и, плача в трубку, сообщила, что перед уходом на работу зашла навестить мать и покормить её, а она уже мертва, тело остыло.

Мысли стали путаться, голова закружилась. Волной накатил шум в голове. Несчастливая девушка заметалась по комнате, не понимая, что делать: сразу бежать на автовокзал и ехать в деревню к телу матери или позвонить на работу и отпроситься на несколько дней. Но ничего этого она не сделала, а бросилась к маленькой иконе Спасителя и закричала истошно:

- Зачем ты забрал у меня маму?! Я же молилась тебе... просила! Не буду больше молиться тебе, не буду! – И сорвала с гвоздя икону, бросила на кровать.

Алёна прислонилась к стене, хватала воздух открытым ртом, но воздух с трудом проходил в легкие; сердце тряслось; ноги одеревенели. Беспомощно цепляясь пальцами за стену, Алёна сползла вниз.

Осиротевшая девушка всхлипывала, сидя на полу...

После похорон матери Алёна приходила в родительский дом, думала остаться жить в нём. Стены давили тяжёлыми воспоминаниями, и она не могла находиться в доме и полчаса. Икону Спасителя Алёна хотела сначала вернуть в церковь, но затем принесла в дом матери и поставила на «божницу» рядом с другими ликами.

Смерть матери ускорила бегство Алёны в Петербург, к дяде Андрею: оборвалась нить, которая соединяла её с деревней.

Алёна Сёсина тогда ещё не знала, что в современных мегаполисах живут люди с другими представлениями о жизни, часто без особых нравственных ограничений, всяких сантиментов и скидок на провинциальность. В деревне же всё было просто: люди жили, а не играли – были людьми, а не актёрами. И Алёна тоже не умела играть, а потому не имела масок на разные случаи жизни. Никто не научил это-

му.

И наивная девушка из периферии пришлась не по нраву европеизированной супруге дяди Андрея. Супруга имела большое влияние на мужа-бизнесмена и убеждала его в том, что появившиеся в последнее время проблемы с партнёрами по бизнесу являются следствием нелепых высказываний деревенской родственницы при гостях.

От юной претендентки на родственные связи быстро избавились, устроив работать по объявлению секретарём-референтом в строительную фирму. У девушки не было опыта работы секретарём, поэтому работодатель установил испытательный срок – три месяца. Алёна сняла недорогое жильё. Поначалу нравилось.

Неискушённая в интригах провинциалка не могла понять, куда исчезали из папок подготовленные на подпись документы, а иногда и папки со стола. Виновника исчезновения деловых бумаг так и не нашли, но странным образом

пропавшие документы появлялись на столе руководителя уже с искажёнными данными. Девушка была уволена, не успев отработать испытательного срока. Огромный город вытолкнул Алёну Сёсину из своих недр.

Удивительно порой, как люди узнают подробности жизни своих знакомых, живущих вдаль от них. Иные просто какие-то папарацци: знают всю подноготную чужой личной жизни. Вот уже и деревенские молодухи Зойка с Людкой, работавшие в конторе коллективно-долевого хозяйства, расписывали в красках полученные новости о «местной» выскочке. И злорадно добавляли:

- Что тут скажешь? Сёсина горе.

Опора была только на старшую сестру, оставшуюся жить в своей деревне и обзаведшуюся семьёй – прочным тылом.

- Везде одно и то же, – пеняла Алёна сестре, – культуры никакой. Борьба с этим бесполезно, как с ветряными мельницами.

- И чего ты ерепе-

нишься? Сколько раз тебе ещё мать твердила: «Кто где родился, там и пригодился». Больно ты горда, сестрёнка!

- Не горда, а амбициозна. И я не одна такая!

- Тебе лучше знать, — безразлично отвечала Маша. И, оживляясь, добавляла: — А по мне, лучше нет людей в деревне ... открытые, добросердечные.

- И сплетники, — категорично добавляла Алёна.

- Как везде. А в большом городе сплетен нет? — не сдавалась сестра. — Отчего ты в деревню назад примоскотала? То-то, — многозначительно кивала она, глядя на притихшую сестрёнку. — А деревенские сплетни так — чох. Прочихались, и снова все вместе. Попроси — всегда и в любом деле помогут. Только не считай себя пупом Земли.

Ночами молодую особу часто мучила бессонница. «Лучше бы никуда не уезжала и не видела другой жизни, — сетовала она. И тут же, как будто очнувшись, ужасалась

своей предыдущей мысли: — А что делать в деревне среди тупоголовых?»

С людьми своей деревни Алёна близко не общалась. На замечания сестры заносчиво отвечала:

- Помилуй, о чём с ними говорить: о Тургеневе? Ван Гоге? Это для них высшие материи, им бы что-нибудь попроще.

- Огляделась бы вокруг, Алёна, — советовала Маша. — И в деревне умные люди есть. Замуж бы вышла, осела. Не заметишь, как годы пролетят.

Не один рабочий коллектив сменила привередливая барышня в районном и областном центрах. И снова возвращалась в родную деревню.

Размышляла, что, наверно, за границей лучше, особенно в Германии — там культурная нация. Алёна знала, что в Санкт-Петербургском университете культуры и искусств можно получить высшее образование по дизайну. Студенты-дизайнеры университета ездят на стажировку в Германию. Если повезёт, и она побывает в этой

стране. И решительная девушка уверенно шагнула навстречу своей мечте.

Учиться очно без помощи родственников было трудно, стипендии не хватало. Сестра и хотела бы помочь Алёне, но тоже нуждалась в деньгах: двоих детей поднимать непросто. За несколько лет учёбы Алёне пришлось вечерами подрабатывать промоутером-консультантом по чаю и кофе, раздавать на улице листовки ювелирных магазинов и торговых центров, даже получить опыт реставратора по фарфору, лепнине, гипсу в комиссионном магазине. Приезжала в деревню редко. Если приезжала, то с подарками. Деньги экономила на питании. Поддерживала себя шуткой: «Покупка подарков — хорошее средство для идеальной фигуры».

После окончания учёбы успешная студентка получила диплом. Осенью уехала в Штутгарт на месяц с русской группой дизайнеров по программе молодёжного обмена между Россией и Германией. Прожива-

ла в средней немецкой семье и была довольна этим: можно быстрее освоить язык и узнать национальные особенности немцев. Мечта не покидала. Может, в Германии повезёт.

От свежего немецкого воздуха, лишённого примеси русской ментальности, закружилась голова. В первые дни Алёна восторгалась всем: вежливостью людей, уровнем жизни, средневековой архитектурой, повсеместной ухоженностью и знаменитой немецкой пунктуальностью. В России девушка постоянно чувствовала страх быть раздавленной башмаком более успешного человека, чем она. Чем больше был город, тем сильнее страх. В Германии, как ей казалось, не было глухой стены между людьми. Немецкий образ жизни за несколько дней помог Алёне Сёсиной забыть о душевной ране, полученной в детстве.

Алёне понравились дочери в немецкой семье – Ханна и Лина: молодые немки не хотели быть захребетницами, а самостоятельно добивались

успеха в карьере, как и сама Алёна. Очарованную россиянку немного удивляло, что создание семьи и рождение детей сёстры считали невыгодным делом. Ханна объяснила:

- В Штутгарте очень дорогое жильё. Дороже, чем в других городах. Если у тебя есть дети, даже один ребёнок, то снять квартиру за умеренную плату невозможно. Первоначальный взнос – до четырёх тысяч евро.

Большой немецкий город восхитил россиянку не только своим величием, но и традициями. Понравился праздник пива в Штутгарте.

Мэр города вбил кран в первую бочку пива с возгласом «Откупорено!» – праздник начался. Музыка и пенное пиво воодушевляли многих на активный отдых. Вместе с горожанами, туристами и русской группой дизайнеров Алёна прошла по улицам города. Немцы, наряженные в национальные костюмы, и любопытные туристы шествовали колоннами. Впереди тряслись украшенные цветами

упряжки с пивом и мягко урчали автомобили с флажками. Несмотря на конец сентября, солнце было благосклонно к людям: стояло немецкое бабье лето. В прекрасном настроении дошли до ворот ярмарки. Пёстрые толпы немцев всех возрастов переходили от одного брезентового пивного шатра к другому, а туристы рассыпались по огромной ярмарочной территории, наслаждаясь аттракционами, игрой артистов, представлением фокусников, а позже и пивом.

Алёне с тремя дизайнерами посчастливилось занять свободные места за большим столом в шатре производителя пива Schwaben Brau – лучшего пива, хотя всю группу предупредили, что, возможно, в этом шатре в первый день праздника посидеть и выпить пива не удастся: места будут зарезервированы. Литр пенного тёмного напитка в стеклянной пивной кружке стоял перед каждым посетителем. Алёна смотрела на большую кружку и не знала, сможет ли

она осилить её. Рядом на длинной лавке сидели две пары молодых немцев. Девушки и парни мило улыбались, смеялись, о чём-то разговаривали, и Алёна прислушивалась, стараясь перевести на русский язык сказанное ими. Проскакивали знакомые немецкие слова, но связать эти слова в предложение русская девушка не могла: слишком быстро говорили немцы...

Человеческий мир так устроен, что за первыми радужными впечатлениями всегда скрывается неприглядная правда, ожидающая своей очереди. Человек часто пользуется чужими представлениями о жизни, заглушает голос своего сердца, считая его ничтожным, глупым. К сожалению, мечта, созданная разумом из ложных ориентиров, не приводит к счастью. И только чуткое сердце однажды подскажет гордому разуму путь к счастью.

Алёна каждый день обедала в небольшом уютном кафе с немецкой кухней на Шульштрассе. Местные жители тоже приходили сюда обедать. Всю

русскую группу дизайнеров устраивало это кафе с невысокими ценами: можно вкусно поесть и погасить обеденные купоны. Кроме того, именно в этом кафе была русскоговорящая официантка.

В тот день долго ожидали, когда примут заказ. Алёна, как и вся группа, не спешила: учебный семинар закончился в 12:30, потом – свободное время. Не считая русской группы, посетителей обедало немного. Были местные жители – видимо, служащие: мужчины средних лет, тщательно выбритые, на них надеты свитера и джинсы, только у одного из немцев на плечах поверх белой рубашки наброшен свитер с завязанными узлом рукавами; худощавые женщины с коричневым загаром, крашеные жгучие брюнетки, без макияжа казались безликими – их возраст трудно определить. Алёне очень нравилось, что можно было ходить всюду без макияжа, и никто не обращал на это внимания. Девушки из её группы тоже оценили "моду" современных немецких женщин.

За соседним сто-

ликом разместились две девушки. Одна сидела спиной к «русскому столику», миниатюрная, со светлыми крашеными волосами, как и Алёна. Другая села напротив подруги, и её можно было лучше разглядеть. Каштановые волосы, яркий макияж, золотые серьги в ушах, длинный маникюр – всё напоминало о Родине. Алёне показалось, что незнакомку она уже где-то встречала. К столику, за которым сидели фройлейн, подошла немецкая официантка с двумя кружками пива. Увидев пиво, Алёна вспомнила, что видела незнакомку в пивном шатре на празднике пива: она сидела рядом с другой девушкой в компании молодых немцев. Только на празднике девушка была без макияжа.

К столику немек вскоре подошли двое юношей и по-русски спросили, можно ли присесть. Немки неохотно общались с русскими молодыми людьми – были только вежливы, говорили по-немецки. Алёна про себя возмущалась такой напыщенностью. Когда «наши» парни

ушли, то немки заговорили на чистом русском языке.

- Наглые керлы*, – негодовала одна «немка». – Нигде от них нет спасения.

- Да уж, распозллись по миру русишен швайне, – поддержала подругу вторая «немка». – Уехали от них в Германию, и тут они достают. Сидели бы в медвежьем углу и не лезли со своими рожами в Европу. Тут и без них грязи хватает.

- Цвинкernуть** без них нельзя, – упиваясь своей исключительностью, проговорила первая.

Алёна забыла и про девушек-дизайнеров, с которыми сидела за одним столиком. В ней впервые за время пребывания в ФРГ всколыхнулось возмущение: уехав из России, эти девицы уже считали себя немками, не имеющими ничего общего с русской нацией. Но тут же подумалось: «Может, они хотят простого женского счастья: удачно выйти замуж за немцев». Следующая мысль асфальтовым катком прошла по первой: «Но почему такое хам-

ское отношение к русским людям? Счастья им не найти среди немцев, пока не научатся ценить своё, русское».

Тонкие лучики любви ко всему русскому пробились сквозь плотную пелену иноземного тумана. Алёне так захотелось кислых щей и русского хлеба, что она готова была броситься в аэропорт, чтобы улететь в Россию ближайшим рейсом. В этот момент девушка не хотела немецкой еды, которую заказала: густого супа с домашней лапшой, лукового пирога. Есть компот*** тоже надоело. А как она страдала без хлеба! Вспомнилась мать, которая рано утром топила печь, а после того как дрова прогорали, выгребала из печи угли и золу, подметала под**** и ставила в печь тесто для ржаного и пшеничного хлеба. Алёна помнила вкус «свойского» хлеба и его аромат в доме до вечера.

Иллюзии о безмятежной жизни в Германии быстро таяли, как сахар от воды. Очень смущали на улицах города – культурного центра страны

– агрессивные попрошайки, которые приставали к прохожим и даже оскорбляли их. Но улыбки немцев – повсюду! Русские девушки уже «познакомились» с немецкой улыбкой. Кому-то из группы очень нравилось, когда их встречали улыбающиеся люди, но Алёна видела в искусственной улыбке отсутствие настоящих человеческих эмоций. А ведь полагают, что немцы очень сентиментальны по сравнению с другими европейцами. Теперь же Алёна не понимала, как могут быть связаны между собой немецкая сентиментальность и фальшивая улыбка. «В российских мегаполисах под маской улыбки научились совершать очень неприглядные поступки. Возможно, здесь то же самое», – размышляла русская девушка.

Ещё более усилили отторжение немецкого образа жизни отношения в семье: всё было построено на выгоде. Немецкая практичность, будто удавка, душила русскую девушку. Отец семейства не дарил жене и дочерям цве-

тов: зачем бесполезные подарки? Алёна помнила рассказы матери о том, что отец, несмотря на то что был сильно пьющим мужчиной, дарил ей летом полевые цветы, когда возвращался из леса с полной банкой ягод или ведром грибов.

Мать-немка, практичная хозяйка, каждый день ходила по разным магазинам, сравнивая цены, чтобы выбрать товар подешевле; если цена не устраивала, то ждала, когда начнётся распродажа. Каждый день она рассказывала дочерям, сколько сэкономила денег, на какие покупки их отложила. Две сестры покупали вещи по низким ценам в интернете, а затем не обменивались ими, а продавали (!) друг другу. Когда Алёна узнала, что родители за плату, хотя и небольшую, сдают дочкам комнату, в которой они жили с детства, то ночью плакала в мягкую подушку. Её мать ничего не оставляла себе, последнюю копейку тратила на дочек, только бы они ни в чём не нуждались и могли «выйти в люди».

Сомнение терзало Алёну: «Если я осяду в Германии, то должна буду измениться, иначе не приживусь здесь. Тогда я погрязну в этом болоте и стану такой же вежливой, скупой и меркантильной».

Когда стажировка подходила к концу, Алёна Сёсина визу продлевать не стала: в Германии её мечте не суждено осуществиться.

Снова приехала в родную деревню. Попала на престольный праздник – Покров Пресвятой Богородицы. Сестра была рада встрече: накрыла стол. Вместе напекли тонких блинов: так каждый год делала мать, напоминая: «Кто не печёт блинов на Покров, тот счастье мимо себя пропускает». За столом одиннадцатилетняя племянница с восхищением рассматривала фотографии, привезённые тётёй Алёной из Германии, и приговаривала: «Вот бы мне так». Маша цыкала на неё:

- Нечего там делать. Баловство одно.

Шестилетний племянник возил по полу игрушечную автомашину, подаренную

тётёй, и не обращал никакого внимания на разговоры за столом.

- Как же в Германии люди живут? – спрашивал зять.

Алёна без утайки поделилась своими впечатлениями.

- Это хорошо, что ты решила в России остаться, одобряю, – расцвела Маша. – Лучше России – нет! За граница только портит русского человека. Ни то ни сё получается. Теперь ты сама это проверила.

Алёна хотела оппорить утверждение сестры, но промолчала: в чём-то Маша была права. «Проверила, – с горечью подумала девушка, – сначала в Петербурге, у дяди Андрея, теперь в Германии. Видно, нет на свете у меня никого ближе деревенских людей. Не зря, видно, мать говорила: кто где родился...»

Алёна захотела ночевать в материнском доме. Маша следила за домом: два раза в неделю топила печь, даже летом, иногда мыла пол и даже протирала пыль с мебели. Но всё равно Алёна убралась в доме вместе с сестрой и племянницей.

Втроём принесли еловых и берёзовых дров, разожгли печь. Так радостно было на душе у Алёны, когда сильно трещали еловые дрова в топке: почувствовалось, что и не уезжала она никуда из дома. Дом принял её, создав уютную атмосферу...

Проснулась утром – сквозь тюлевую шторку в спальню пробивался свет. «Долго я спала», – подумала девушка и протянула руку к старому стульчику, на котором лежали её дорогие наручные часы. Было начало шестого часа. Может быть, часы остановились? Встала, прильнула к окну, выходящему во двор. Ах... Первый снег запорошил всё вокруг!

Алёна быстро набросила полупальто на ночную рубашку, натянула модные сапоги на босые ноги и, как в детстве, выскочила во двор. Взяла в руки снег – он таял на тёплой ладони. Сгребла двумя руками мягкий снег с пожухлой травы и попробовала слепить комочек. Ком рассыпался в руках. Алёна робко оглянулась на соседский тын – за ним никого не было (вредная соседка недавно умерла) – и дотронулась губами до холодного комочка. Радость хлынула изнутри, как будто долго ждала, когда её разбудят детские воспоминания.

Тишина. Алёна осмотрелась. Красота – неброская, крестьян-

ская. Родная. Берёзовая рощица вдали покорно склонилась перед первым снегом, предвестником зимы. Показалось, что крыша низенького сарайчика от снега ещё больше просела, а высокий дровник покосился на правую сторону, словно просил белого властелина не давить на него.

«Всё ремонта требует, меня ждёт, – вздохнула Алёна. – Нужно привести в божееський вид родовое гнездо, чтобы было приятно возвращаться. А может, и... Посмотрим». Поёжилась от холода и забежала в тёплый дом.

Автор: Светлана Грачёва

Сказка про кота Касика

Жила – была одинокая старушка. У неё были дети, внуки и даже правнуки. Но все разъехались по миру и в результате оказались в разных странах. У каждого сложилась своя судьба, и про бабушку не было ни у кого времени подумать.

Много лет висит у старушкиной калитки почтовый ящик. Но письмо там было в последний раз несколько лет назад. Каждый день заглядывает бабушка в почтовый ящик, как сорока в мёрзлую кость, но там всегда ничего нет. Всё очень просто. Письма писать в компьютерный век все разучились, а компьютера, мобильного, даже телефона у бабушки нет.

Да и жаловаться старушке вроде - бы не на что. Пенсия сравнительно хорошая, как работнице тыла во время Великой Отечественной войны. Содержит козу, выращивает огурчики и помидоры, которые продаёт на базаре, и выручен-

ные денежки прячет «на черный день» в суннице, которую подарили её дедушке много лет назад, в его профессиональный праздник за заслуги перед родиной.

Одиночество бабушки скрашивает кот Касик. Вся нерастроченная забота на внуков и правнуков направлена на него. Спать уложит в коячку, пуховым платком накроет. Укачивает его. Кормила кота тем, что и сама ела: булочками и молоком от козы.

Когда наступает зима, Касик, покушав булочек с молоком, укладывается на постеленный для него матрасик у тёплой печки.

В марте-месяце старушка помогала своему коту решать его проблемы с другими котами. Для этого она поднималась по лестнице на крышу своего домика, чтобы защитить Касика от злых котов. В результате получила травму, и продолжительное

время находилась на амбулаторном лечении в хирургии.

Когда Касика надоело лежать у печки, он уходил на охоту на мышей. Охотник он был отменный. Успешно ловил мышей. Но хотелось чего - то большего. И он увлёкся охотой на птиц.

Часами он сидел в засаде в кустарниках, на деревьях, в бурьянах, ожидая, когда незадачливый воробушек окажется возле него на расстоянии одного прыжка.

Касик хорошо освоил ремесло ловли птиц. Но, так как каждому рыбаку хочется поймать самую большую рыбу, так и ему хотелось поймать большую птицу.

Недалеко от дома на дереве находилось гнездо аиста. Оно находилось на самой макушке липы, обожженной ударом молнии.

Когда бабушка отвлеклась от кота просмотром по телевизору сериалов, Касик не с меньшим интере-

сом наблюдал, сидя на подоконнике, за аистами. Он так увлекался этим зрелищем, что хвост его нервно подрагивал, а когти оставляли следы на окрашенной поверхности подоконника.

Как только в гнезде появились птенцы, кот и вовсе потерял покой. Он сидел у ствола липы, задрал голову вверх.

Однажды, когда взрослые аисты улетели за добычей, а маленькие с любопытством высовывали головы из гнезда, Касик решительно полез на дерево.

Медленно и осторожно пробирается котяра на вершину липы. Каждая частица его тела сосредоточена только в одном направлении.

Вот и вершина. Гнездо рядом. Кот сжался в пружину, готовясь к прыжку.

Вдруг, огромные крылья закрыли солнце. Страшный красный клев нанёс мощный удар по голове Касика. Касику показалось, что сноп огненных искр охватил его и понёс в какой - то туннель? Нёсся он с большой скоростью, а его окружала клубящаяся тем-

нота. Впереди показался свет. Его вынесло в какой – то светящийся фосфорным цветом зал. В зале стоял роскошный украшенный рубиновыми фигурками мышей, трон.

На троне сидел Бог котов Янук

Янук грозно произнёс:

- Глупый ты кот. Впрочем, как и все коты. Твоё ли дело на аистов охотиться? Может и самолёт, с помощью одних когтей захочешь поймать? Хоть бы вы какую-нибудь рогатку для котов изобрели! Тормозы! Проходят тысячелетия, а ваше развитие заморожено. Никакой эволюции, никаких открытий. Даже не научились социалистическому соревнованию. Все ваши достижения заканчиваются на том: Кто в марте-месяце громче на крыше завопит.

Учитесь у людей. Они не станут с крыши самку, надрывая горло, звать. По факсу её из Алматы в Костанай вызовут, или Кустанай, кто их людей поймёт? Даже боги запутаются с их переименованиями.

У людей даже недоношенный гов-

нюк, сидя на унитазе, корчит из себя крутого, разговаривая по мобильнику с соседним городом.

У них задрыванный алкаш, сидя на диване в Челгашах, наблюдает по телеку, как в Москве вокруг Белого дома мыши бегают.

У котов же никакого сдвига. Сидишь ты на помойке, как двести лет назад. Вы теряете авторитет и власть над людьми. При Фараонах коты считались священными животными, а сейчас ваших детей бичи за стакан водки в речке топят.

Так жить нельзя. Надо восстановить былую славу и развивать кошачью цивилизацию. Надо не беззаботно спать у печки, нажравшись бабушкиного молока, а думать, как совершенствоваться. Коты не умеют мыслить и в этом, видно, вся причина. Я дам тебе способность мыслить, как человек. И потом посмотрю, что из этого получится. Но я дам тебе только способность мыслить. Остальное всё бери на себя. Как говорится «в поте лица добывая себе пищу». Я ноги

тебе переставлять не собираюсь. Иди и думай.

Бог Янук закончил речь, направил на Касика из своих глаз два луча голубого света. Касик пришёл в себя, под злополучной липой в позе дохлятины.

Над ним кружились аист, готовый нанести ещё один сокрушительный удар. Касик подпрыгнул и галопом помчался домой.

Вся жизнь у Касика пошла наперекосяк.

До этого жил не тужил. Всё было прекрасно. Погуляет, поест, потом сладко спит под пуховым бабушкиным платком или медитирует у тёплой печки. Ну, что ещё нужно в жизни?!

Теперь всё рухнуло. И всё из-за этих мыслей. Как тараканы они бегают в башке и шуршат.

«Имя у меня какое-то дурацкое – Касик. Вот у бабушки имя почтительное. Когда приходят к ней соседи попросить денег от пенсии, они её называют Ириной Дормидонтовной. А я просто Касик. Самому

стыдно.

Назвали бы меня лучше Вальдемаром Фридриховичем. Нет. Это больно запуенно. Лучше – Касикбай Султанович. А ещё лучше Кас – ик – хан. Вот, это хорошо! Хан! Я Хан! В своём дворе я хан! Пусть все мыши передо мной дрожат! Я хан!

Пусть не посмеет ни один кот перейти границы моего двора, которые я пометил. Я хан!

Ни бабушка, ни коза не могут со мной сравниться. Без меня им ни одной мыши не поймать!

Хорошо поспал. Во сне видел жирную, жирную мышь. Только почему-то без хвоста и с мобильником. Но аппетит от неё появился наяву. Схожу в кустарник – может, воробья поймаю. Все эти бабушкины булочки насточертели.

А, если в кустарнике волк? Или охотник? Охотник, с пьяна, примет меня за зайца и пальнёт мне по хвосту. Касик посмотрел на свой хвост, пошевелил им и только сейчас понял, что хвост очень красив.

Нет, в кустарник

не пойду. Пойду лучше в бурьяны. Всё пыльно заросло. Охотникам и волкам там делать нечего. Вот только собак бродячих развелось полно. Бегают стаями, пока весенний праздник не подойдёт, и их на шашлыки торговцы не переловят. А, сейчас они опасны. К тому же могут и бешеными быть. У них это модная болезнь.

Пойду лучше охотиться в своём дворе. Забор нормальный. Собаки не пролезут. Вот только коза странная. Склонит голову и на меня смотрит. Что у неё в голове? Может чокнутая. Воц, рога у неё какие! Ткнёт вилами и кишки выпустит. Видел бы я эту козу в тумане вместе с ёжиком!

Пойду - ка я лучше в чулан и покараулю у мышиной норки. Всё равно она рано или поздно высунет свой хлебальник.

Развелось их много. Лазят везде, по помойкам, по гнилью. Жрут не стерилизованную пищу. Наверное, микробов, вирусов нахватались. Ещё, небось, и СПИД где-нибудь прихватили. Разве можно жрать

такое без проверки санипедемстанции?

Лучше уж булочки с молоком. Не пойду на охоту.

«Хорошо жить с бабушкой. Никаких забот. Накормит, напоит и спать уложит.

А, если она умрёт? Старая уж. Что тогда будет? Кто козу подоит? Кто печку затопит? Что со мной будет?

Да! Жизнь прожить не поле перейти. Может сразу повеситься?»

«С детства жизнь тяжёлая сложилась. Никаких праздников не видел. У мамы было восемь котят. Молока не хватало. Отец постоянно валерьянку жрал. Мышей не ловил. Исхудавшая мать поймает, бывало, за трапезную мышь, братья налетят, меня оттолкнув, всё сожрут. Ещё им и мало. Мне же приходилось мух ловить и тараканов.

Когда исполнилось мне месяц, хозяин посадил меня в «Жигули», отвёз в райцентр и выбросил возле рынка. Так я стал бомжом.

Натерпелся! Нагодался! Намяукался!

Хорошо, что ба-

бушка подобрала. А у бабушки тоже одна лажа.

Ни «Сникирсов», ни «Кити-кат», ни Краковской колбасы у неё ни разу не попробовал. Ни хрена у неё нет. Ту же мышь нечем поперчить и подсолить.

Да, и бабушка не сахар! Покушаешь, попьёшь молока, ляжешь у печки медитировать, а она мешает. Всё ходит и ворчит, ходит и ворчит. Если бы не печка, молоко и булочки, выгнал бы её на хрен»

«Какая сложная жизнь! Сплошной мрак и длительные ужасы! Бабушка когда-нибудь всё-таки умрёт. Я состарюсь. Зубы выпадут. Когти затупятся. Уши не услышат, где лазит мышь. Глаза перестанут различать, где хвост у мыши, где голова.

Что тогда делать? Как жить? Выход один. Жениться. Но на ком? Возьмёшь старую кошку, так ещё больше забот прибавится. Устанешь и её таскать по поликлиникам.

Взять молодую кошку? Сейчас! Ей только и не хватало твоей хаты и козы. А тебя она быстро нечаянно ночью подушкой

придавит».

Но не будем дальше наблюдать мысли кота Касика. Всё это мы можем узнать, наблюдая за своими мыслями.

А Касик прожил полностью свою жизнь, как описано в учебнике для ветеринаров. Умер в положенный срок.

Бабушка очень горевала. Заплатила бичу денежек на бутылку, чтобы он торжественно похоронил Касика, её самого близкого существа.

Бич денежку взял, а Касика схватил за хвост, раскрутил, и запустил его через забор в соседский двор.

Вот и вся история...

Только коза была спокойной. С довольной харей, она жевала какой-то лопух. Ей до лампочки было то, что с ней происходило до этого, и что будет после этого.

Главное, что приятно греет сейчас и можно наслаждаться листьями. А там придёт будущее и наложит руки так, как ему надо.

Автор: Иван Петух

Я скучаю,

П р и н ц

Строка прозы

Пару секунд назад она, словно вихрь цунами, влетела в кафе-терий. И теперь девушка-ураган сидит напротив, и ее восторженное волнение захлестывает меня горячей волной, в то время как горящие глаза рассказывают намного больше, чем слова. Если для всех детство неизбежно уходит, то в этой девушке оно будет жить вечно. Её серые глаза горят нетерпением. Таким, что бывает у маленьких детей, которые спешат поделиться своими маленькими— большими открытиями со взрослыми. Тала рассказывает увлеченно и я сама заражаюсь этим задорным настроением, хотя еще минуту назад вся жизнь представлялась мне, как дешевый растворимый кофе из пакетиков «3 в 1» - пьешь, потому что нет

другого.

- Я влюбилась – без вступления заявила она – и это без-возврат-но.

- Снова писатель? – я снисходительно улыбнулась. До сих пор не могу простить, что ее любовь к Достоевскому ограничилась лишь рассказами и была столь мимолетной, что Тала променяла его на Мураками.

- Хватит дуться – отмахнулась она – Он поэт.

Не скрывая удивления, я отодвинула свой кофе в сторону и откинулась на спинку стула:

- Я попробую угадать?

Тала засмеялась:

- Попробуй. Давай-ка сыграем в три вопроса. Идет?

Вместо ответа я сразу начала атаку:

- Он любвеобильный блондин?

- Нет. Даже эпо-

хой ошиблась – покачала головой она.

« Значит, сборник Есенина, который я дарила ей на день рождения, она не открывала» - мелькнуло у меня в голове и я заранее обиделась. В то же время продолжила лихорадочно перебирать в уме имена всех известных поэтов, о которых мы еще ни разу не говорили с ней.

- Значит... это иностранец, писавший о печальной любви? Тот самый у которого влюбленные решают проблемы суицидом?

- Неа. Это не Шекспир – покачала головой подруга – Но про любовь он тоже пишет – она сделала паузу – Осталась последняя попытка – в глазах бесстыжей мелькнуло торжество.

- Так про любовь все пишут – недовольно пробурчала я. И тут

мне в голову пришла мысль:

- Его убили на дуэли?

Тала снова засмеялась:

- Умирать ему еще рано – с нескрываемым удовольствием протянула она, и не дав мне сказать и слова, тут же продолжила – Да, он современный поэт. Даже ненамного старше нас с тобой. А зовут его... – тут последовала пафосная пауза – Арчет.

- Француз? – недоверчиво спросила я.

- Нет же, русский. Арчет – это псевдоним. Зовут его Андрей. Хотя имя...это не существенно – она немного помолчала.

- Помнишь...ты рассказывала мне про Асадова? Как ты в его строчках отражение себя находила.

Я кивнула:

- Разные стороны своего характера, о которых я порой и не задумывалась раньше. Все хорошее и плохое, в его поэзии, как в зеркале.

- А у меня так с Арчетом – подхватила Тала – Вот он пишет и я... мне впервые захотелось стихи наизусть учить.

Я ухватилась за эту реплику и забрала листочек с которого она приготовилась читать:

- Тогда Расскажи мне.

Это была маленькая месть за моё поражение в «3 х вопросах»

Тала нервно теребила салфетку.

- Хорошо. Называется...- тут она запнулась – Постой, не так. Скажи, а ты часто «Маленького принца» перечитываешь?

- Угу – откусывая кусочек пирожного, покривила душой я.

Вообще-то, в последний раз я читала его очень давно.

Обязательно делаю это, когда прихожу к Дашке – подруге моего детства.

Каждый раз, когда я прокручиваю в голове нашу дружбу – те отрывочные воспоминания, которые еще сохранились – вся острота внимания мимо воли останавливается у развязки истории. Она ознаменовалась моей первой сознательной крупной ссорой с родителями.

Мне было 6 и я была крайне любознательным ребенком.

Именно это и стало основой нашей дружбы с Дашкой – поиск ответа на вечный вопрос: «Что будет, если...?». Что будет, если разрезать жука? Что будет, если подстричь коту усы? Что будет, если прицепить курам на хвост прищепки? Мы жили в соседних подъездах и проводили свои «опыты» каждый день. До сих пор вспоминаю, как стояла под её окнами пытаюсь докричаться до 7 го этажа, что есть силы вопила:

-Даааа-шааа!

Дааааш!

Однажды она заболела. Две недели из окна Дашкиной комнаты мне отвечала ее мама, тут же сообщая краткие новости: «Дашенька спит», «сегодня ей лучше, но зайти тебе пока еще нельзя». Неожиданно я узнала, что она уехала. Со слов моих родителей – на все лето к бабушке. Деревенский воздух, мол, полезен после болезни. Помню обиделась я тогда на нее смертельно. Она ведь даже не зашла ко мне перед отъездом! Когда я за несколько месяцев до этого боле-

ла ветрянкой, я прибежала, как только появилась возможность. А она! Такого предательства я простить не могла. Но ни отомстить, ни высказать ей все это мне не удалось. Из деревни Даша так и не вернулась. Вместо этого туда уехали ее родители, что бы забрать дочь и снова увезти – теперь уже в столицу. «Папа Даша получил новую работу и они переезжают в Москву - рассказывала мне мама на кухне в процессе приготовления обеда – Осенью Даша пойдет там в школу, а к нам, я думаю, она сможет приехать как-нибудь на каникулы».

О том, что она умерла, я узнала во дворе от мальчишек. Родители пытались сблечь мои чувства, но не приняли в расчет то, что дворовые правила не знают жалости.

Ссора с родителями была ужасной. Я отказывалась с кем-либо разговаривать. Потом заперлась у себя в комнате, но папа быстро положил этому конец, сняв замок с двери. Взамен я объявила голодовку.

Через некоторое время в комнату вошла бабушка В руках она держала маленькую белую книжечку. Бабуля подошла, положила мне ее на руки, а сама села в кресло напротив.

- Нюта, солнышко, я давно пытаюсь вздремнуть, но ничего не выходит. Я посижу тут с тобой, а ты мне почитай в слух – ее ласковый голос не позволил сказать дежурное «я ничего не хочу», которым я встречала родителей.

Золотые буквы на обложке книги гласили «Маленький принц». Причем книга была старенькой, буквы почти стерлись. Особенно заглавная. И получилось «...аленький принц». Что будет если нарисовать недостающую букву помадой, которую старшая сестра прячет в левом кармане портфеля? Она тоже блестящая. Решив непременно осуществить это позднее, я принялась читать. Так начались наши чтения по вечерам с бабушкой. По страничке за вечер. В особо интересных местах по две. Когда я дочитала по-

следнюю страничку бабушка спросила:

- Как ты думаешь, Летчик сильно скучает за Принцем?

- Очень – не поднимая глаз, ответила я – У него больше нет друзей.

- Однажды им еще предстанет случай увидеться с Принцем. Но если Летчик проживет жизнь, делая больно тому, кого он приручил, то отравит этим лучшие воспоминания о Маленьком Принце. А тому, на его маленькой планете тоже будет очень больно, что его друг так поступает.

В тот день мы снова готовили с мамой обед вместе.

Я редко перечитываю «Маленького принца». Только тогда, когда еду на кладбище к Дашке.

Сквозь поток воспоминаний я услышала, как Тала заканчивала свое предисловие к чтению:

- ...поэтому этот стих, является письмом – постскриптумом книги Экзопери.

Тут в ее сумочке зазвонил телефон. Тала прервалась, чтобы ответить и я, тут же услышала гневный

женский голос, кричащий слова так отрывисто, словно стрелял пушечными ядрами. Эта была начальница моей подружки.

Тала умоляюще посмотрела на меня и не издавая ни звука, лишь губами спросила:

- Который час? – а в трубку продолжила - Да-да, я понимаю. У меня был обед. Да. Я задерживаюсь всего лишь...

- Без двадцати три – тоже почти бесшумно ответила я.

-...на час – ее голос не изменился, но глаза заметно округлились – По причине крайне важных переговоров с клиентами – быстро затараторила она в трубку – Через пятнадцать минут буду в офисе – и не дожидаясь ответа, завершила разговор.

- Она меня уволит – тут же принялась причитать она мне

- Ты слишком ценный сотрудник – подмигнула ей я.

- Обязательно потом тебе прочту стих – в ее тоне не слышалось того сожаления, что она попыталась изобразить на

лице – Похоже, Тала была еще не готова читать мне поэзию.

- Не переживай – ободряюще улыбнулась я – Это подождет. Беги. Я позвоню вечером.

Быстро чмокнув меня в щеку, она ушла.

Мне расхотелось допивать кофе и есть пирожное. Я расплатилась и хотела уже уйти, как заметила листок, который отобрала несколько минут ранее у Талы. Не устояв перед искушением, я сунула его в карман и пошла на остановку. Уже сидя в переполненном автобусе, я достала его и прочла:

Принц, понимаешь... Дела у меня не очень.

Ливни идут, а люди - стоят. Тоска.

Ты улетел - и нет уже больше мочи, мир обезлюдел, как будто бы между прочим.

Он состоит из Африки и песка.

Мир состоит из взрослых и одиноких, сломанных самолетов и навсегда юных друзей.

Серьезные не жестоки -

Им все равно. Я

думаю, это сроки годности мира. А может, уже года.

Впрочем, достаточно.

Как там ты? А барашек?

А баобабы? А роза? Её шипы?

Мой самолет приземлился среди ромашек,

и у ромашек нету ее замашек...

- Это, выходит, наверное, из толпы...

Слушай, напомни! Точно - шестьсот двенадцать?

Твой астероид? И буква, - барашек, "бе"?

Здесь мне почти что незачем оставаться,

и без меня сумеют навоеваться.

Скоро, наверное, я улечу к тебе.

Летчик

Приехав домой, я первым делом проверила содержимое всех старых коробок и нашла ту самую старую беленькую книжечку, на которой еще виднелись следы губной помады.

В тот вечер я еще раз перечитала «Маленького принца».

Автор: А. Караченцевая

Возьми меня за руку

- Алиса, что случилось? - спросил парень, увидев девушку, сидящую на скамейке в парке. - После того звонка ты внезапно убежала, оставив свои вещи в школе, - и он протянул девушке сумку.

Был еще только обед, осеннее солнце приятно прогрело все вокруг. Девушка сидела на скамейке под большим раскидистым вязом, который шелестел своими листьями при любом дуновении ветерка, тем самым заставляя свою тень красиво рябить.

- Правда? А я и не заметила, - сказала Алиса, быстро смахнув слезы и натянув на лицо улыбку.

- Что все-таки случилось? - спросил он, сев рядом и обняв девушку за плечи.

- Мне звонила мама, - девушка всхлипнула и ближе прижалась к юноше, - папу переводят в Америку. Знаешь, что это значит? - не дождавшись ответа, она продолжила, - мы больше никогда не увидимся!

Алиса не сдержала

слез и, уткнувшись в Ванино плече, продолжала плакать.

- Ты никуда не уедешь от меня! Этого просто не может произойти.

- Уже поздно, мы улетаем послезавтра, - сказала девушка и еще сильнее заплакала.

- Слушай, давай я отведу домой? Тебе нужно успокоиться. А я обязательно, что-нибудь придумаю.

- Ты ведь пропустишь из-за меня школу, - девушка подняла заплаканное лицо.

- Ничего. Думаешь, я тебя брошу тут одну?

Они долго шли по освещенному огнями городу. Изредка проезжали машины, разбрызгивающие лужи, появившиеся после недавнего дождя. В воздухе пахло влагой. Редкие прохожие, одетые в темные куртки, мокрые от дождя, шли, опустив головы, и нагоняли тоску. Такое настроение всегда окутывало город после ливня. Люди не любили дождь. Для них он олицетворял безнадежность и являлся причи-

ной плохого настроения, но Ване нравился. "Под дождем смываются все дурные мысли, и ты будто заново рождаешься полным сил и энергии," - говорил он.

Вскоре пара достигла места назначения. Это был пятиэтажный дом, довольно потрепанный, с решеткой на потихоньку закигавшихся окнах. Стены были изрисованы яркими граффити, подъезд заклеен несколькими слоями объявлений.

- Вот мы и пришли, - тихо сказал Ваня, выпустив заплаканную девушку из своих объятий.

- Да, - всхлипнув, ответила Алиса.

- Тебе нужно успокоиться и отдохнуть, - серьезно сказал Ваня, - ни о чем не беспокойся.

Девушка не хотела уходить. Парень посадил ее на скамейку и обнял за плечи. Так они сидели довольно долго. Просто молча. Стало совсем темно.

- Ну, мне пора? - сказала Алиса хрип-

лым от долгого молчания голосом. Ваня по-молг ей встать.

- Спокойной ночи, пусть радио поет тебе колыбельную, - ответил парень.

Это была его любимая фраза. Он услышал ее в какой-то давно забытой песне, которая играла у Алисы в плеере.

- Пока, - коротко ответила девушка и вошла в подъезд.

Ваня побрел домой, решив, что лучше подольше походить по улицам - будет больше времени на размышления. Он двинулся самым длинным путем.

"Алису родители не оставят одну, так что уговаривать их смысла нет," - начал Ваня свои размышления.

- Остаются довольно безумные мысли, - улыбнувшись про себя, сказал он.

"Я справлюсь," - решил он, и не заметив лужу, шагнул в нее.

Спустя полчаса пустого блуждания по улицам, Ваня промок и замерз. К счастью неподалеку оказалось кафе, работающее до глубокой ночи.

Внутри было пусто, горел тусклый желтый свет, проливаю-

щийся на деревянный пол из небольших ламп под потолком. Маленькие коричневые столики и стулья стояли, ожидая редких в ночное время гостей. У барной стойки сидел один единственный официант в белой форме и читал книгу.

- Извините, - сказал Ваня.

Человек обернулся.

- Что угодно? - ответил он тихим голосом.

- Можно чашку горячего чая?

Официант кивнул и ушел выполнять заказ. Через минуту он вернулся с небольшим серебряным подносом и стоящими на нем чайником и двумя чашками.

Ваня сидел за самым крайним к выходу столом, положив голову на руку и бездумным взглядом смотрел в окно.

- Я смотрю, ты не просто так гуляешь поздней ночью? - осведомился официант, опустив поднос на стол. Ваня не отреагировал.

- Можно я присяду?

В ответ тишина. Казалось, мальчик уснул, измотавшись за

время своей прогулки. Его голова, не двигаясь, лежала на подставленной руке, спина поднималась в такт медленному дыханию.

- Ты же не спишь, я вижу, - тихо сказал официант.

Ваня медленно приподнял голову, осел на стуле и протянул руки к чаю.

- Тебя терзают дурные мысли. Выговоришься, тебе станет легче, - посоветовал сосед по столу.

Это был мужчина лет тридцати, с длинным красивым лицом, которое покрывала колкая щетина. Черные прибранные волосы блестели в свете ламп. Уставшие голубые глаза смотрели на собеседника.

- Все плохо? - коротко ответил Ваня.

- Настолько, что уже ничего не исправить?

Ваня, потихоньку отпивая горячий чай, рассказал о случившемся. Официант все это время сидел и внимательно слушал. Его серьезное лицо было похоже на лицо какого-нибудь университетского профессора, а не работника круглосуточного кафе.

Ваня закончил

свою историю. Повисло недолгое молчание. Парень допивал вторую кружку чая. За окном барабанил дождь. Никто не хотел нарушать эту тонкую нить ценнейшей тишины, парящей в кафе. Закончив свои размышления, официант сказал:

- Знаешь, по моему, вы можете остаться вместе.

- Каким это образом? - спросил Ваня, с интересом разглядывая чайники на дне кружки.

- Есть множество путей решения твоих проблем, за тобой остается только выбор правильной тропинки, - медленно сказал официант.

С этими словами он встал и пошел обслуживать клиента, который только что вошел в кафе. С него ручьями стекала вода.

"Не хочу снова мокнуть под дождем, лучше пережду," - подумал Ваня и налил себе третью кружку чая.

Утро. Редкие машины разбрызгивают большие лужи, оставшиеся после ночного ливня. Теплое солнце отражалось от мокрого асфальта и слепило

глаза. В воздухе витал необыкновенный запах прошедшего дождя.

Ваня неторопливо шел по улице - он так и не был дома, прогуляв остаток ночи. В голове стихийно возникали разные планы, но большинство из них были то слишком глупы, то слишком сложны или являлись слишком сумасшедшими. Улыбка не сходила с красивого лица от одной мысли, что он не потеряет девушку, которую любил больше жизни. Наконец, Ваня определился, что он будет делать, и не смог удержать в себе радостный восклик:

- Алиса, мы будем вместе!

В свои планы Ваня посвятил нескольких друзей. Они подержали друга и согласились помочь. План заключался в следующем: после выезда родителей Алисы из города заранее затаившиеся ребята, одетые в военную форму и вооруженные бутафорским оружием, нападут на машину. Тогда Ваня уведет оттуда девушку.

Все казалось слишком непродуманным и глупым. Было множество проблем и

проколов, нужно было обдумать мелкие детали, но времени было слишком мало. Самым главным было найти реквизит, требующийся мальчикам. Они тащили все, что могло пригодиться. За короткое время было собрано шесть камуфляжных костюмов, две каски, несколько игрушечных автоматов. Ваня принес шесть черных бандан, чтобы закрыть лица. Все это сложили в кучу на полу темного гаража, принадлежавшего отцу одного из мальчиков.

- Разбирайте, - с энтузиазмом произнес Ваня.

Мальчишки набросились на все это "снаряжение". Через двадцать минут вдоль стены выстроились пять "бойцов" с бутафорским оружием наперевес. Мальчишки были похожи на бойцов спецназа или террористов, ведь именно этого они и добивались. Чем сильнее они испугают родителей Алисы, тем больше шансов увести девушку.

Остальное время было потрачено на выбор места и времени встречи. Спор был долгим, пришлось да-

же ехать на дорогу, по которой завтра поедет Алиса. В конце концов они определились и только под вечер ввалились в гараж.

- Парни, огромное спасибо за вашу помощь, - не зная себя от благодарности сказал Ваня.

- Будет тебе.

- Главню не упустя свой шанс!

На этом день закончился. Нужно было выпастья перед предстоящей операцией.

Алиса проснулась очень рано - нужно было дособирать мелкие вещи и привести себя в порядок перед уездом. Для начала она решила привести в порядок свои волосы, которые не расчесывала уже два дня и после нескольких попыток, не увенчавшихся успехом, бросила это дело. Девушка собрала свою черную шевелюру в большой пучок и пошла умываться. Спустя несколько минут, Алиса вышла из ванной комнаты совсем другим человеком. Часть плохого настроения утекла вместе с водой. На красивом лице появилась улыбка, которую давню никто не видел.

Все мелкие безделушки быстро упаковались в сумку и были спущены на первый этаж к остальному багажу.

Комната, дожидаясь своего следующего хозяина, была молчалива. Даже яркие голубые обои на стенах поблекли, а большое окно будто стало менее прозрачным, не пропуская свет во внутрь. Она снова станет прежней когда придут новые люди, расставят мебель, пахнущую деревом и столлярным клеем, раселят мягкие ковры и наполнят ее серьезными взрослыми разговорами и веселым детским смехом.

- Ну что ж, прощай... - сказала Алиса сначала комнате, потом дому, а дальше и всему городу. Пора было уезжать, иначе они опоздадут на самолет.

Сев в машину, девушка позвонила Ване. То, что она услышала из телефонной трубки обрадовало Алису, хоть девушка и понимала невозможность сказанного. "Мы будем вместе, слышишь?" - говорил голос парня.

Машина покатила

по влажному асфальту. Старый дом скрылся за поворотом. Алису потянуло в сон то ли из-за мерного покачивания и гула машины, то ли из-за нескольких бессонных ночей, проведенных в разговорах с подругами.

Тихо играло радио, редкие капельки дождя разбивались о стекла, оставляя после себя длинные водяные полоски. Девушка погрузилась в неглубокий и тревожный сон. Проспала она не долго, проснувшись от громких звуков, похожих на выстрелы.

- Что происходит?! - панически вскрикнула девушка.

- Черт его знает, - громко ответил отец, - похоже в нас стреляют.

- Но зачем?

- Знаешь, когда отслужишь в войсках с мое, то наживешь себе уйму врагов, - ответил мужчина с ноткой трагедии в голосе.

Девушка увидела, как трое человек с черными платками на лицах и оружием наготове вышли на дорогу и, перегородив ее, двинулись навстречу машине.

- Нужно остановиться! - в ужасе за-

кричала мама Алисы.

- И так легко им сдаться? Ну уж нет! - громко ответил отец.

- Они нас убьют! - взвизгнула Алиса.

Мужчина не выдержал натиска двух женщин. Ничего не оставалось, как нажать на тормоза - машина медленно остановилась. Один из боевиков ленивым шагом подошел к водительской двери.

- Деньги, драгоценности провозим? - спросил он слишком наигранно, но никто не заметил этого от сильного испуга.

- Да, есть, в багажнике, - выпалила женщина.

- Молчи! - крикнул на нее мужчина.

Боевик подозвал к себе своего подчиненного и указал рукой на заднюю часть машины. Один из них тихо сказал: "Все идет согласно плану", - но

этого опять никто не услышал.

Второй был по-расторопнее, он быстро открыл дверь, выкинул на дорогу все ровные уложенные чемоданы, отстегнул защелки, удерживающие спинку заднего сиденья и опрокинул ее. Девушка с визгом упала в багажник и сразу оказалась в руках боевика, который стремглав помчался прочь от машины.

- Что?! Куда вы ее потащили?! - в один голос закричали родители Алисы.

Боевик лениво вытащил из нагрудного кармана небольшую бумажку, два раза сложенную пополам.

- Держите, - настойчиво сказал он.

Мужчина, не желающий успокаиваться, резко выхватил листок. Тут же все боевики, окружавшие машину, разбежались

в разные стороны. Мужчина сидел как громом пораженный, не понимая, что произошло.

- Что на бумажке то?

Он дрожащими руками развернул листок.

"Прошу меня простить, но я украду у вас вашу дочь. Ни о чем не беспокойтесь, она будет всем обеспечена, я ручаюсь за это. И, пожалуйста, не ищите нас.

Ваня"

- Ну и сорвиголова этот парень, - выдохнул мужчина, окончательно успокоившись.

- А ты ведь раньше и сам был таким, - улыбнувшись, сказала женщина, - оставим их, а нам пора двигаться, иначе опоздаем на самолет.

Автор: Александр Рогачев

Багряная Луна

Мы стояли посреди иссушенной пустыни на открытом пространстве, но я не чувствовала себя свободной – пустыня по-прежнему не отпускала нас. Носился, врезаясь в тело и взмётывая сухой пепел–пыль, ветер, и даже он, даже ветер здесь был сухим и жёстким, как старый прошлогодний лист, залетевший с осени в оконную щель.

Мне было жарко и больно, сапоги натёрли ноги, и саднили многочисленные ранки, а пистолет оттянул руку. Но я терпела – нечего ныть.

Небо так и затянуло серыми клубами грозовые облака, но грозы тут не дождётся, даже маленького дождичка не будет. Это – Багряная Пустошь, мёртвая планета. Здесь нет ничего, кроме этой пустыни, здесь нет даже воды.

Отныне здесь ничего больше и не будет.

Бой, казалось, был окончен, однако я чувствовала разлитую в воздухе незримую уг-

розу, как будто она исходила от самих мертвых рассыпающихся камней, колющего раскалённого песка под ногами, сухого ветра. За кажущимся одиночеством таилась смертельная опасность.

— А может, они внизу, под землёй? – Я топнула, сапог увяз в песке. Дэннер зубами затянул узелок повязки и ничего не ответил. Ему было тяжело говорить и тяжело завязывать, но любую мою помощь он отвергал – гордый. Он уже все рукава оборвал на повязки – одна красовалась на моем разбитом лбу, пропотевшая, пыльная, окровавленная. Вторая туго перетянула его бедро. Рана была неглубокая, но при таких условиях грозила серьёзным воспалением. Третья – свеженькая заняла свое законное место поперек ладони. Капитан передёрнул обожжёнными плечами и произвольно скривился. Я и тут смолчала.

— Идём вперёд, –

предложил Дэннер, первым делая шаг в обход потрескавшейся скалы, за которой мы стояли. Впереди и чуть левее дымился наш подбитый катер. Взорваться ему не грозило, но и летать он больше не мог. Я догнала Дэннера и, стараясь не хромать, зашагала рядом.

— Куда мы?

Капитан снова пожал плечами.

— Я не знаю, – ответил он, и даже улыбнулся, чтобы подбодрить меня. – Просто вперёд. Не стоять же нам на одном месте.

Я споткнулась о камень и едва не взвыла, но улыбнулась в ответ.

— Мы можем так ничего и не найти...

Мне просто не хотелось никуда идти. Ничего уже не хотелось. Разве что, упасть и умереть.

— А можем и найти, – спокойно возразил Дэннер, поправляя ремень, на котором висела старенькая винтовка. – Здесь есть люди, Ласточка.

— И где они? — пробурчала я, но тут Дэннер остановился, перегородил мне дорогу и ухватил за плечи. Встряхнул хорошенько.

— Если мы здесь останемся — мы умрём. Ты этого хочешь?

— Хочу... почти честно выдохнула я, глядя вниз, на свои пыльные сапоги. Глаза воспалились и слезились от песка и пыли, и поэтому сапоги расплывались.

Дэннер, казалось, несколько растерялся от моего ответа и отступил на шаг. Затем вдруг обнял меня за плечи. Рубаха на нем остро пахла потом и кровью. Нашей или чужой — не знаю.

— Ты чего?.. Не

надо умирать, немного осталось... — быстро и тихо заговорил капитан. — Мы же победили. Ну?.. Победили ведь?..

Я с трудом заставила себя кивнуть, зная, что это он старается меня расшевелить. И почувствовала, как сильные руки глажуют мои волосы — пожалуй, резко, грубо и немного даже больно, я знала, что он сам едва держится, и руки у него ощутимо дрожали от усталости.

— Значит, пора возвращаться, — уверенно резюмировал Дэннер. — Нас ждут с отчётом.

Я не удержалась от улыбки. Просто так — а ведь не поспоришь. Пересохшие губы

кольнуло быстрыми иголочками.

— Пойдём, — и Дэннер потянул меня за руку.

Мы шли на заходящее солнце, чтобы не потерять направление, а заходило оно медленно, казалось, прошло несколько часов. Должно быть, так оно и было. Солнце будто зависло в небе большой тусклой монетой, окрашенной пылью в багровый цвет, занимая собой полнебосвода. Оно будто тупо глядело на нас, ожидая, когда мы, наконец, куда-нибудь придём, чтобы можно было закатиться спать. Становилось все холоднее. К ночи, если не будем двигаться — замёрзнем насмерть. Я

совсем потеряла ориентацию и механически брела за Дэннером, проваливаясь в песок при каждом шаге, но больно уже не было, или я просто утратила ощущения. Когда в глазах совсем темнело, я начинала считать шаги, и сильнее сжимала его руку, стараясь особо не тревожить рану у него на ладони. Казалось, этот путь длится целую вечность, и никогда не закончится, но я упрямо повторяла себе, что это иллюзия, что мы непременно куда-нибудь придём, и что-нибудь найдём, но с каждым шагом становилось все труднее убедить себя.

И вдруг мы остановились. Настолько резко и неожиданно, что я по инерции шагнула вперед, и едва не упала, потому что Дэннер все ещё держал меня за руку. Говорить не было сил, и я вопросительно посмотрела на него.

— Взгляни. — Капитан указал себе под ноги. — Наши следы.

Мне показалось, что вот теперь я точно умру.

— А вон там наш катер.

Мотор уже не дымился. Хромированная обшивка быстро покрывалась инеем. Я обернулась и невольно застонала. Затем вдруг ноги подкосились, и я без сил рухнула на песок. Дэннер пошатнулся и ухватился за скалу, но проследил за моим взглядом и выругался.

Солнце висело за спиной.

— А это точно не морок?.. — с какой-то безумной надеждой прошептала я, разумея катер. Он сиротливо ваялся в песке, словно замёрзший щенок, и его было жалко.

— Это шли мы за мороком, — сдержанно отозвался Дэннер. Затем вздохнул и протянул мне руку. — Вставай. Ночью не пройти. Идём в катер, там отопление есть.

— А днем мы зажаримся живо, — из последних сил возразила я.

— А ночью хищников полно, — легко покрыл мой последний козырь Дэннер.

Я ухватила за его запястье, и он помог мне подняться. Боль навалилась с новой силой. В довершение ко всему, кошмар-

но болела голова. Но на катере была еда, ванная, отопление и тёплая постель. И свет. Тёплый электрический свет, не багровый. Может, от него, от здешнего, голова и болела. А может, от удара. Или от пыли. И в этот момент раздался голос.

— Я так полагаю, вы уже поняли, что уйти не удастся?.. Прекрасно. В таком случае предлагаю сыграть в игру.

Повисла пауза. Голос звучал будто отовсюду сразу и отдавал эхом. Молчание нарушил Дэннер.

— Какова ставка?

— Рад, что ты сообразил! — жизнерадостно отозвался голос. — Все просто: ставка — ваша жизнь. Сможете пережить эту ночь — отпустим.

Словно говорили сами скалы, сам песок. Или издевательски-неподвижное солнце. Мы чертовски ошиблись, когда решили, что это мёртвая планета.

— Да, одно условие: ваш летательный аппарат в игре не задействован.

Я только ахнула. Взметнулся вихрь пес-

ка, погребая катер под собой, и спустя несколько секунд на его месте темнел очередной бархан. Отовсюду вдруг разлился смех – невидимые серебряные колокольчики, бесплотные переливы неизвестных голосов.

А потом тот же, первый, голос, многократно усиленный, торжественно заговорил:

— Сегодня на Арене мы приветствуем Дэннера Чёрного Волка и Аретейни... просто Аретейни. Кто победит в Игре – зависит только от них самих... ну, и от Арены немного. Да здравствует Игра!

Откуда-то зазвучали фанфары, и я потеряла сознание.

— Очнись!

Я открыла глаза – тут же резанула боль. Над головой зависло тусклое багровое солнце.

— А как же Игра?.. – невольно пробормотала я, поворачивая голову набок и созерцая все тот же надоевший песок. Дэннер сидел возле меня, облокотившись о скалу и положив винтовку на колени.

— А мы уже вы-

играли, – зло сказал он. – Это следующий раунд.

Я оглянулась на катер, но он лежал на месте.

— И что мы должны тут делать?

Дэннер поглядел на солнце.

— А ты как думаешь?

Я осторожно вдохнула быстро остывающий воздух, и он немного остудил горящие лёгкие.

— Все повторяется...

Дэннер мрачно усмехнулся.

— И будет повторяться до тех пор, пока мы тут не сдохнем.

Я застонала.

— Это нечестно!..

— А кто говорит про честность?

Солнце висело.

Ветер швырялся песком. Дэннер глядел на небо, положив винтовку на колени, а руки на винтовку. Я лежала на песке, укрытая его курткой. Катер дымился.

— Дэннер?..

— Да.

— Который раунд?

— Двенадцатый.

— Я сдохну сейчас.

— Не сдохнешь.

Я же два раунда тому убедился, что от голода тут не окочуришься. Вынь трубку.

Я выдернула тонкую прозрачную трубку из вены. Поддерживала она мою жизнь, или нет, но вены уже были исколоты и воспалены.

— Идём дальше?

Дэннер пожал плечами. Волдыри на них успели превратиться в язвы, и капитан по-прежнему кривился при каждом движении.

— Смысла нет.

— А если скалу сломать?

— Пробовали. Ты не помнишь?..

— Нет.

— Пробовали.

— А что делать будем тогда?

Дэннер вдруг улыбнулся окровавленными губами.

— А ничего.

Я оторопела.

— Что?!..

— Ни-че-го. Будем просто торчать под камнем.

Такое мне в голову не приходило.

— Давай тогда ничего не делать.

Я перебралась к нему поближе, прижалась, и капитан обнял меня за плечи.

— Трубку вытащи.

— Ч-черт!

— Вот именно.

Дэннер поправил повязку на голове, и по щеке побежали свежие алые ручейки. К животу он прижимал обрывок моей рубашки, успевший почернеть от крови, и задыхался. Несмотря на жар, по лицу командира кагились градины пота. Он отвернулся и закрыл глаза.

Я охнула и, заставив себя подняться, обхватила его за пояс — осторожно, чтобы не задеть рану. Цикл повторялся снова и снова, и единственное, что в нем менялось — наше состояние. В прошлом раунде командира прижал к скале песчаный медведь, он ударил лапой наотмашь, но удар пришёлся вскользь, хотя и лёгкого касания мощных когтей оказалось достаточно. Дэннер тяжело сглотнул и положил мне руку на плечо — это было все, на что у него хватило сил.

— Ладно, — неожиданно произнёс он. — С меня довольно.

Я боялась уточнить. Боялась услы-

шать ответ. В груди похолодело.

— Дай-ка нож, — сказал Дэннер. Я отшатнулась, замотав головой, но в зелёных глазах читалась только привычная спокойная уверенность. Нож у него на поясе. Забыл?.. И хорошо, лучше не напоминать.

Он вспомнил сам. Усмехнулся.

— Ах, да, вот же он. Прости.

— Не вздумай! — В горле пересохло, и я закашлялась. — Ты не должен... — сквозь удущье хрипела я, вытирая слезящиеся глаза. — Ты не можешь... они только этого и ждут... Дэннер...

Он молчал. Когда я подняла глаза, командир не двигался. Ладонь разжалась, и рука упала на песок. Он как будто бы просто задумался, неподвижно глядя на далёкое солнце. И нож не понадобился... Я осторожно поцеловала ещё тёплые, растрескавшиеся губы, усилием воли втолкнула обратно в глотку солёный ком, выдернула нож и, стиснув зубы, изо всех последних сил резанула все ещё острым лезвием горло.

— Тридцать пять! Ух ты, почти рекорд. Как ты себя чувствуешь?

Дэннер мягко поднял меня с кресла и сунул в руки чашку с кофе.

— Без сахара, — заверил он. — Доброе утро.

Я обхватила кружку. Эти внетелесные путешествия каждый раз опустошали меня, вытягивали все силы и выжимали, как лимон. Если бы нам хоть оставляли ощущение реальности, но нельзя — какая же это тренировка, когда знаешь, что это понарошку. Поэтому там, в иллюзии, ты уверен, что все взаправду. И я до сих пор никак не могу привыкнуть к пробуждениям после "смерти".

— Тридцать пять раундов! — подошёл Святогор. — Поздравляю. Ещё немного психологической закладки...

— ...годы тренировок... — негромко ввернул Дэннер, довольно чувствительно ущипнув меня за бок.

— ...и второй фельдшер Чёрного Волка будет готов! — победно завершил

Святогор, голос которого у меня теперь ассоциировался с голосом конферансье пустынной Арены. Я застонала и, не выпуская из рук чашки, пнула Дэннера в бок.

— Чего?! – праведно возмутился мой муж и будущий командир по совместительству. – Ты сама хотела работать в "Константе"!

— Я ж не знала, что эта Багряная Пустошь такая жуткая... – обиженно пробурчала я, спрятавшись за кофе. Действительно, без сахара. У Дэннера феноменальная память. Я бы не запомнила.

Святогор сочувст-

венно поглядел на меня, присев на краешек кровати.

— Там и похуже бывает. Однако вы одержали победу и продержались тридцать пять раундов Арены – это о чем-то, да говорит. Вы оба молодцы.

Я нервно сглотнула, впившись глазами поверх чашки в живого, здорового, смеющегося Дэннера. А ведь ему, в отличие от меня, пришлось в реальности пережить смерть близких людей. А он сидит себе, смеётся. Ещё и коньяк из горла хлещет. Мне только иллюзии хватило, чтобы теперь трясло, как осиновый лист.

Неделю, наверное, буду посреди ночи вскакивать и проверять, живой ли он. Физические тренировки по сравнению с психологией – детский лепет просто.

Ма-амочки, как же хреново-то...

Зато я будущий Чёрный Волк. Могу гордиться.

Дэннер поглядел на меня, рассмеялся пуще прежнего и, отбрав кружку, залпом допил мой кофе.

— Вставай, боец, на фехтование опоздаешь, – весело сказал он. Я снова застонала.

Автор: Дарья Аредова

Бронники тараканов

1

Когда ядерным взрывом было уничтожено все человечество, на его руинах остались только тараканы. Раса тараканов стала единственной, кто выжил на выгоревшей планете. У нее были все средства, какие оставили ей люди после себя. Надо сказать, что до многого рыжие братья дошли сами. В центре города был выстроен театр, где молодые ровесники динозавров учились изображать персонажи людей, а также играть драму, трагедию и комедию.

2

Получалось весьма недурно, особенно если учитывать, что кроме артефактов, у народа тараканов не было ничего, что дало бы им представление о человеке. Необходимо понимать, что целые поколения рыжих братьев уже и в помине не видели людей. Человечество вымерло на глазах их дальних

предков, и представления о нем основывались на литературных источниках. У. Шекспир, Ф. Достоевский, И. Бродский, М. Павич, Х. Борхес - вся библиотека мировой классики была в их распоряжении.

3

Конечно, раса рыжих братьев претерпела некоторые изменения в ходе эволюции и теперь люди вряд ли узнали бы в этих крепких представителях земли ползающих когда-то тварей. Вырос их интеллект и духовная составляющая, но все-таки некоторое сходство со своими предками было налицо.

В театре шла репетиция «Гамлета». Тысячи лет они, тараканья раса, приближались к пониманию того, кто же такой человек на самом деле, чем он был так велик.

Тараканий народ пытался понять человечество не только с гуманистической точ-

ки зрения, но и с прагматичной.

4

Через понимание культуры людей, раса тараканов хотела стать самой выдающейся в истории земли - у них были амбиции, но люди на какое-то время отняли у них пальму первенства.

Постижение расы людей через искусство было одним из возможных путей решения проблемы.

5

А конкретно мы расскажем о театральном искусстве, где каждый режиссер таракан решал задачу проникновения в тайный смысл и сущность Человека, что бы понять, кто он и кем являлся. С такой трудной задачей тараканья раса еще никогда не сталкивалась, ибо ей нужно было осуществить задачу, которая была не под силу самим людям.

Познание человечества тараканами через литературный

образ стало для народа целой идеей фикс. Многие рыжие братья хотели сыграть человечество, что бы уже никогда к этому не возвращаться.

6

Попытки гениального актера среди ровесников динозавров сыграть «Отелло» привели к трагедии. У. Фолкнер стал непреодолимой преградой с самого начала - сколько не бились с его структурой текста «Шума и ярости», ничего не получалось. Такое тараканьему уму казалось не по силам. С А. Камю справились в два счета - играть крыс в спектакле по роману «Чума», наводнивших город и саму чуму, тараканам не составило труда.

7

Занимаясь «Поисками времени» М. Пруста, рыжие братья освоили через человеческое искусство великий мир. За последнее время тараканья раса стала чем-то напоминать одного актера в роли короля Лира. Я рыба рыбой, но и у меня есть границы терпения. Периодически я всплыва-

ла на поверхность и выражала свой протест - но прогресс неминуемо преодолевал все препятствия, в том числе и мое негодование.

8

«Игры Разума» тараканов зашли слишком далеко. От прежних игроков в бисер, людей то есть, остались только «ножки да рожки». Теперь в лучшие произведения культуры, играли тараканы, умевшие объединить свои инстинкты с культурой человека. Тараканья душа всегда стремилась к величию и спектакли по произведениям У. Шекспира давали тут ей полный простор. Только в «Короле Лире» раскрывался во всю огромный тараканий дух, стремящийся познать новое для себя.

9

Столько игр придумало человечество и все глупые - думали ровесники динозавров, играя человеческих персонажей. Можно было испытывать боль или страдания по щелчку режиссера, можно было проникнуться в суть неодушевленных предметов,

сыграть то, чего не чувствовал и не видел раньше.

В спектакле «Король Лир» многие тараканы играли отношения, которых у них никогда не было. И каким-то чудом им через драму У. Шекспира удалось понять людей на мгновение. Эта пьеса оказалась лучшей интерпретацией истории человечества, лучшим его словарем, с помощью которого стал понятен человеческий язык.

10

Спектакль по произведению великой британской писательницы Агаты Кристи «Убийство по алфавиту» поставил череду вопросов, на которые ровесники динозавров не могли ответить. Человечество было убито по алфавиту, возможно, это самоубийство по алфавиту... Я, Рыба 208, всплывала и пыталась встрять в спор, но меня никто не слушал. Детектив, который даже снился расе тараканов про исчезновение человечества, оставался самым таинственным из всех детективов...

11

Шла репетиция лучшего спектакля всех времен и народов «Король Лир» по произведению У. Шекспира. На сцене театра бурно обсуждали подтекст пьесы, пока я, Рыба 208, не начала разговор на повышенных тонах, а потом скрылась в бурных потоках. Представьте себя на минуту, что Король Лир - это Фашистская Германия, которая поверила А. Гитлеру, и что речь в пьесе У. Шекспира «Король Лир» идет именно о Фашистской Германии. А теперь попробуем перечитать пьесу в этом новом контексте и посмотреть спектакль на эту тему на тараканьей сцене...

12

Когда в театре ровесников динозавров поставили спектакль «Гамлет» У. Шекспира гениальным рыжим тараканом, многим ученым стало понятно, что самоубийство человека заключалось не только в его глупости. Возможно, Гамлет был олицетворением всего человечества, который произнес в один момент «Быть или не

быть - не быть» и совершил метафизическое самоубийство, прекратив род людской.

Представьте себя на минуту, что Гамлет - это обезумевшее Человечество, все время выбирающее из вариантов «Быть или не быть» второй вариант. Представьте, что самоубийство человечество совершило по алфавиту, по средствам своих воин и междоусобиц, и что речь в пьесе У Шекспира «Гамлет» идет именно о Человечестве. А теперь попробуем перечитать пьесу в этом новом контексте и посмотреть спектакль на эту тему на тараканьей сцене...

13

Строить шпиль наподобие Голдинского во сне тараканов, это напрасный труд, ведь результат строительства пропадет утром навсегда. От таких мыслей народ ровесников динозавров пришел в отчаяние и обратился ко мне, рыбе 208, с мистическим вопрошанием, как будто «Волхвы» Д. Фаулза. «Да, но сон - Вещий. - сказала я, - Шпиль сбудется, во-

плотится в биль». Тараканья раса слушает меня, рыбу 208, и прозревает от моих слов, как от пророчества Ф. Кафки. Шпиль как символ веры Человечества в Бога был построен и хранится до сих пор расой рыжих братьев. По одноименному произведению У. Голдинга ставятся многочисленные спектакли для изучения человеческой веры.

14

Далее был спектакль для суперменов, как если бы в библейский рай попал герой комиксов и этот спектакль назывался «Куда попадают супергерои - в рай или ад?» И это уже были театральные постановки для суперменов, для тараканов, играющих в людей. А потом была смерть, а потом снова жизнь и череда новых игр и придумок.

16

С того времени человечество росло как герой Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» вспять, а точнее не хотело расти и только из «Дневника улитки» робко выглядывало на полчище тараканов желающих сыграть хоть что-то

«Человеческое, слишком человеческое» Ф. Ницше.

Раса тараканов рассуждала, изучая роман Ф. Достоевского «Бесы», о человечестве как о Христе, который был природой распят, как неудачный пример дарвинистской борьбы за выживание, оставленный всем на показ..

17

Строки романа Курта Воннегута «Завтраки для чемпионов» были, как манна небесная для ровесников динозавров и они зачитывались этим произведением о потере своего я целыми днями.

Многочисленные исследования пошли дальше и наткнулись в ветхом завете на историю Иова, который по источникам был прообраз Христа. Ведь Иов, будучи олицетворение людей был непоколебим в своей вере, вере во что бы то ни стало, вере вопреки, вере ни смотря ни на что и ни смотря ни на кого.

Я напомним, что постановка спектаклей и игра актеров были единственным спосо-

бом постигать текст, смыслы и самого человека, ибо ровесникам динозавров были недоступны другие способы понимания, как только через актерскую игру. Только через прикосновение, а точнее «театральной актерской кожей», можно было понять смысл человеческой истории. И вот через игру в персон библии актеры тараканов хотели «понять кожей» смысл жизни человечества и причину его самоубийства, смысл всей истории бытия. И когда актер рыжих братьев играл Иова олицетворявшего человечество, расе стало понятно хоть что-то.

Я рыба 208 смотрела на игру ровесников динозавров и на то, как человечество в роли блудного сына встает на колени перед своим Отцом.... Это было великое театральное зрелище и даже мэтры сцены, потрясенные этим событием, вставляли и ворошили бумажки сценария вокруг себя в темном зале. Все было погружено в мир смысла, бытия и философии.

18

Еще расу тараканов волновала такая история, как эпоха соблазна, а именно эпоха Адама и Евы и их величайшая роль в переломной судьбе мира. Также интересна история Ноя, и актеры тараканов внимательно изучали текст, и играли события того времени. Ной в спектаклях расы тараканов олицетворял собой человечество и решал быть продолжением рода людского или не быть, подобно «Гамлету» У. Шекспира, который решал не только за себя, но и за весь род.

Для человечества эта мировая история была, как танталовы муки, как дамоклов меч и как сизифов труд.

19

Из спектакля «Дневник улитки» Гюнтера Грасса все было высосано, как из пальца, притянуто за уши. Это был спектакль про мировую историю, которая так же сыграла в ящик. И это был ящик Пандоры.

Спектаклей про Знаменитого кентавра Хирона, который был ранен случайно стре-

лой друга Геракла, поразил театральных зрителей. Хирон, не выдержав мучений, отказался от своего бессмертия в пользу Прометея и стал основным героем спектаклей последних лет театра тараканов, ибо никто так не напомнил прообраз Христа, как Хирон. Для данного спектакля в основу лег роман «Кентавр» Д. Апдайк, который очень любили читать рыжие братья своим отпрыскам. В данном романе описывается первая клетка, которая подобно Христу пожертвовала своим бессмертием ради всего живого, начав размножаться. Эта же история ассоциативно напоминает изгнание из рая Адама и Евы и появление рода человеческого ...

20

В спектакле по роману «Золотой человек» Филиппа Дика поставленном на сцене тараканов, человечество видело будущее на 5 минут вперед, но это не хватило, что бы предотвратить свое самоубийство... Вообще тема пророчества в романе «Дюна» Ф. Герберта стала крае-

угольным камнем для расы таранов. Всегда оставался вопрос – было ли будущее predetermined или его нужно было построить.

История и детективное расследования смерти приводит детективов тараканов к одной книге бытия возможно вымышленной, к некоему гипер и метатексту, наподобие «Игры в бисер» Германа Гессе.

21

По произведению Оноре Де Бальзака «Человеческая комедия» был поставлен спектакль о великих скитаниях и бурях буржуазного общества, к которому тараканы питали особую любовь. Однако в этом детективном расследовании, начатом расой рыжих братьев, не было ни конца и ни края. Каждый спектакль должен был ответить на один вопрос, приводящий к разгадке метафизического самоубийства человечества, но вопросы эти множились...

22

Выводы из Библии раса ровесников динозавров сделала самые разные, но они

не давали ни одного ответа на вопрос, в чем же причина гибели человечества и расследование продолжалось дальше, несмотря на то, что прошли уже столетия такого изучения.

Человечество погрузилось в наркотический и беспечный путь, наподобие пути героя «Мертвеца», сценарий которого написал Джим Джармуш. Теперь в лучшие игры Культуры играли тараканы, и смыслом их жизни была игра в литературных героев человечества с помощью театрального искусства. А точнее актерская игра в разгадку ребуса, в чем же заключались смысл человеческой жизни и его метафизическая смерть.

23

Надо сказать, что ровесники динозавров делали единую книгу бытия, и это был постмодернизм от тараканов и даже новое постмодернистское Евангелие.

Спектакль по роману Густава Майринка Голем скрепил окончательно мнение у рыжих братьев, что человечество, как гли-

няный Голем, было лишь куклой бога, а точнее его куклой Вуду, в которую вонзали иголки с нищенскими возгласами «Бог Умер» и атеистическим убийственным взглядом на Бога....

Итак, детективное расследования самоубийства началось на страницах мировой истории это были раскопки правды, и как говорил В. Ленин «из множества маленьких правд можно было выложить одну большую неправду». Так и раса тараканов, собрав множество фактов, сложило из них одну большую ложную картину мира и самоубийства человечества, что в последствие стало понятно, ибо версий было уже 100, но все они рассыпались о новые факты и новые кусочки правды...

24

Во время спектакля Король Лир по пьесе У. Шекспиру у актера тараканов, играющего Лира начала слезать кожа, как обычно, бывает у тараканов в это время года во время линьки и зрители увидели, как на Короле Лире «не стало лица» в результате этого

метафизического актерского перевоплощения. И зрители в зале вскрикнули «А Король то голый!». Актер тараканов по замыслу режиссера перевоплотился в образ Короля Лира, став «без кожи», то есть, как и Гольфый Король Лир, «одетым» в глазах лстецов.

В этот момент таракан, играющий Лира, на секунду посмотрел человеческими глазами на тараканий театр абсурда, где правил С. Беккет, Гарольд Пинтер и Льюис Кэррол.

26

Спектакль по произведению Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» прошел с фурором у критиков тараканов, ибо это была история о внутренней свободе человечества, пролетающего как птаха над страстями этого мира, бессмысленными войнами, и «Шумом и яростью» У. Фолкнера. Это был венец цели людей, ибо еще со времен ветхого завета началось освобождение народов и затем была американская демократия, и уже затем человечество

совершило метафизическое самоубийства из свободы воли.., пожертвовав своей жизнью ради свободы.. Это был выбор Гамлета не быть в пользу свободы, философский выбор и метафизическое самоубийство.

27

Тараканьи бега за человечеством были многие столетия, и я рыба 208 смотрела на все это с грустью и тоской – ибо не каждой рыбе дано было увидеть человеческую комедию разыгранную ровесниками динозавров на сцене. Причем свысока проплывая над этим таинством, будто над кукушкиным гнездом Кена Кизи, я думала о вечном... Тараканы, играющие людей были внизу такими маленькими... а их помыслы чистыми и великими.

Далее я, рыба 208, продолжу хронику и расскажу о событиях, которые начали стремительно развиваться, после более чем 1000-летнего изучения человека расой рыжих братьев.

Вторая часть

1

Нырнув во тьму своих опасных игр, тараканья раса забыла страх и, попытавшись однажды сыграть людей в спектаклях по пьесам У. Шекспира, сошла с ума. Игры в людей заканчиваются очень плохо даже для самих людей, но еще хуже было потерять свою честь и себя в играх тараканов. Вечером некоронованный король актеров пустил себе пулю в лоб. В это время были совершенны еще многие самоубийства, отметившие череду странных метаморфоз, случившихся с тараканами, приобретших слишком знакомые черты.

2

Сыграть в спектакле человека стало слишком сложной и коварной задачей, с которой уже невозможно было совладать одному таракану. Тараканий дух был сломлен. Над комнатой короля ровесников динозавров простиралась надпись «И целого мира мало», еще одного любителя власти, унаследовавшего эту черту от человека как вирус.

3

Каждый актер

театра ровесников динозавров, сыгравший Прометея или Одиссея, уже не мог быть прежним - в этом таракане поселялся червь сомнения и пожирал его личность до основания. Последним подтверждение этого факта стали массовые самоубийства среди рыжих братьев. Жизнь и желание жить покидала тараканов с такой скоростью, что их численность за последние двести поколений резка пошла на убыль.

4

Получилось, что человечество могло передать народу рыжих братьев какой-то вирус, носителем которого было только оно, человечество, и в этом вирусе, по видимому, и заключалась специфика всего человеческого. Началось массовое вырождение. Последний спектакль состоялся неделю назад, когда последние ровесники динозавров утратили всякое желание размножаться. Спустя неделю никого из них нельзя было встретить на этой планете. Скорее всего, предназначение расы тараканов было разгадать причи-

ну смерти человечества и они каким-то странным способом до этого дошли...

5

Вскоре стало понятно, что мечта тараканов не исполнится - они умрут, как и все остальные обитатели земного шара. Земля стала голой с двумя впадинами от ядерных взрывов, напоминающими чем-то впалые глазницы Йорика. Один ядерный взрыв от самоубийства человечества, дугой остался от тараканьей расы. Округлая форма Земли также осунулась и из-за части вышедшего ядра на поверхность приобрела «подбородок». Гигантская трещина по Земле от землетрясений напоминала чей-то "рот". Я рыба 208 называла ее «Мой бедный шарик, ты когда-то был моим домом...»

Часть третья

1

И приходит последний выживший таракан, под грузом того, что ему нужно принять решение продолжаться тараканьему роду или нет, как Ной, к Богу.

И спросил пред-

ставитель расы тараканов у Бога, какие цели тот преследовал, создавая человека, ибо это был последний шаг в детективном расследовании причин самоуничтожения человечества.

И Бог ему отвечает, что он не совсем тот за кого его держат, что он скорее Суперстратег, главная задача которого воспитать свободу в человеке.

Цель его была воспитать человека в максимальной свободе от этого мира, что бы он мог не зависеть ни от каких ограничений. А что бы воспитать, ему нужно было создать много таких ограничений. И он создал их. Таково воспитание свободы – в этом его замысел.

2

И спросил таракан второй раз у Бога, почему тот создал человечество и тот сказал, что на Земле была экологическая катастрофа, связанная с нахождением в ее недрах нефти и газа, и что бы вытравить из нее эти ресурсы требовался более высокий интеллект, чем интеллект у животных. И пришлось создать для это-

го человечество. В этом был смысл существования людей на Земле. То есть создать такой интеллект, который смог бы наладить добычу нефти и газа и других ископаемых из недр земли, что бы освободить ее от этого бремени.

Бог сказал, что создал человечество ради одной цели, что бы единожды помочь земле выжить, а оно возомнило себя особенным и придумало свой новый смысл бытия.

Я, Рыба 208, свободно проплывала и над этими двумя разговаривающими, удаляясь в бесконечные просторы вселенной...

3

В спектакле последнего таракана, Король Лир, слепой, но видящий в безумии все истины мира с Дон Кихотом, который видит, что мельницы это рыцари, а Дульсинея прекрасная дама, играют попеременно одно человечество, которое верит в Бога, хотя его нет.

И в этот момент в спектакле Король Лир говорит «Купи себе стеклянные глаза, и, как дрянной политик,

делай вид, что видишь то, чего не видишь ты», и, играя все человечество, начинает Лир говорить, что верит в Бога, а потом говорит, что нет ... в зависимости от того, как ему выгодно. Как когда-то этот таракан играл героя пьесы «Голоый Король» Е. Шварца, который играл человечество и говорил о «Голом Короле» Лире, что видит на нем одежду, которой нет.

Или как тот же великий актер тараканов играет доктора Фауста, олицетворяющего все человечество, решающего от чего или для чего ему нужна свобода делать то, или иное.

Король Лир в последнем спектакле, путает свое желание быть под защитой, с реальным существованием Бога, как путает Божий дар с яичницей.

И все же, человечество как раковая бунтующая клетка, жаждало революций, и было обречено на свободу после того как вся нефть вышла из недр Земли...

Автор: Борис Петренко

Д Ж Е К П О Т

Алая ткань, в лампе под потолком, танцевала, повинувшись потоку воздуха, и тем самым создавала иллюзию пламени, которое бросало мягкие, тоже танцующие тени на стены. Света, излучаемого лампой, было явно недостаточно для освещения столь большой комнаты, однако все абажуры на столах были погашены. Кроме одного, который стоял на столике в самом центре зала. Вывеска на двери гласила, что кафе давно закрыто, но два поздних посетителя не спешили уходить. Бармен, официанты, повара – все давным-давно уже спали в своих кроватях. Кто-то один, кто-то с супругой, а кто-то и со случайной гостьей. Всего через какие-нибудь два часа, весь персонал проснется, поднимется из своих теплых постелей и отправится на работу. В этот день, недотепашвейцар здорово полу-

чит за то, что уходя последним, не выключил свет. Будучи мертвецки пьяным, накануне, тот даже не вспомнит, как уходил домой.

Но все это будет через пару часов, когда шумные работники кафе придут на работу. А пока за седьмым столиком в центре зала неторопливо беседуют двое мужчин. Один из них теребит ручку и в который раз перечитывает бумагу, лежащую перед ним на столе, все еще не решаясь поставить свою подпись.

- Значит, я избавлюсь от этого навсегда, так? С трудом верится, после всех мучений, что принесли мне эти людишки своей банальной невнимательностью. И никаких угрызений совести, кошмаров по ночам или необъяснимой хандры? Вы гарантируете мне спокойствие младенца. Невиданная роскошь в нашем гнусном мире – неуверенно

произнес мужчина в сером пиджаке. Он взвешивал каждое слово, прежде чем произнести его и было видно, что внутренние чаши его весов неподвижно замерли в равновесии, не давая принять их владельцу окончательное решение.

- Совершенно верно. Теперь очень немногие могут себе позволить подобное, и вы становитесь одним из таких счастличиков – подтвердил его собеседник, играя с монеткой. Он заставлял ее описывать немислимые круги по поверхности стола, и она, падая на скатерть, поочередно показывала то орла, то решку. Клиент уже несколько раз сбивался при разговоре, невольно следя за монеткой – было интересно, почему она никогда не падала, например, дважды орлом. «Как же он так делает?» - уже в который раз задался этим

мальчишеским вопросом мужчина в сером пиджаке, но, сделав усилие, отвел взгляд от монетки и продолжил слушать ее владельца.

- Но, спешу вас заверить, - продолжал тот - не вы первый и не вы последний. По крайней мере, сегодня - уже пятый. Что же я не слышу должного восторга в вашей речи? Вы же игрок. Неужели сегодня ставки слишком высоки для вас?

- Откуда вы... - начал перепугано тот, но тут же усмехнулся собственной наивности - Право, не думал, что вы собираете слухи. Уверяю вас, это не более чем грошовой сплетни. Не скрою, что страдал этим грешком, но как иначе существовать достойным людям в этом мире, не имея выхода порокам. Иногда нужно выпустить пар, так сказать. Но теперь это все в прошлом. Хочу заметить, что нашел дружку отдушину.

- Мы вчера играли за одним столом в «Аттике» - спокойно улыбнулся мужчина.

Его собеседник нахмурился и, ни слова не сказав, снова

принялся читать договор.

- Как быть со свидетелями? - снова спросил он - Ведь было полсотни свидетелей. Меня проинформировали доверенные люди из полиции, что уже более половины из них опрошены. Не

подумайте, что я эгоист, свидетелей можно запугать, а более неговорчивых не жалко и убрать с дороги, но меня сейчас больше волнует полиция. Следователь - мерзкий моралист - этого ничем не проймешь, более того, у меня с ним личные счеты. Терпеть таких не могу - трудно найти рычаги давления. Еще немного и на мне будет висеть уже два убийства. Конечно, я не сомневаюсь в вашем профессионализме. Я только предупреждаю о препятствиях, которые возникли у меня при самостоятельных попытках решить маленькую сложность, о которой мы говорим. Хочу, что бы вы поняли, меня интересует это сделка только с гарантией, что не одна живая душа...

- Об этом не беспокойтесь - последовал ответ, и человек с

перстнем закурил сигару. - У меня собственные методы работы. Уникальные, если хотите. Свидетели, полиция, судья, случайные сплетни в городе, информация в прессе - это все входит в круг моих обязанностей. Я даю вам 100% гарантию результата. Сегодня утром все проснутся, и забудут о вашей причастности к этой «маленькой сложности». Кстати, это все прописано в договоре - добавил он.

- А что касается трупов? Точнее, меня интересует только один, которому я лично и неслучайно, так сказать, помог стать клиентом морга, - мужчина в сером пиджаке решительно отпил из своей рюмки.

- Мой дорогой мистер...

- О, ради всего святого - перебил его собеседник - не произносите мою фамилию вслух. И у стен есть уши - замахал руками он.

Выпустив струйку дыма из сигары, человек с перстнем поморщился, но ничего не ответив на это замечание, он продолжил.

- Вы настолько

глупы, что не понимаете одну простую истину, которую я пытаюсь вам донести уже четверть часа. Я уничтожаю воспоминание, делаю вашу персону невидимой для следствия, а не помогаю избавиться от улики. Если угодно, за дополнительную плату, мои друзья могут помочь запутать следствие в будущем, если вас выдадут отпечатки пальцев или следы около трупа. Однако, насколько я осведомлен, с данным человеком, вы расправились намного аккуратнее, чем со случайными жертвами происшествия, о котором идет речь в договоре.

- Само собой – пробормотал клиент, немного поерзал на стуле, как бы отгоняя от себя неуверенность. – Я уж тут решил, что если очищать совесть...пardon, память, то неплохо было бы позабыть все свои мелкие грешки – произнес клиент - А что же взамен вы даже не попросите мою душу? - попытался он неловко пошутить. Однако, человек, сидящий напротив, оставался неподвижным и внимательно наблюдал за

жертвой. Поняв, что шутка не удалась, тот хихикнул сам себе и затих, снова уставившись на договор.

- Душа – это не в моей компетенции – не спеша ответил мужчина - Я беру время.

- 20 лет – вслух прочитал собеседник и сразу сгорбил, словно под тяжестью непосильной ноши. – Это же несметное количество восходов и столько же закатов – прищурив свои быстрые глазки и попытавшись придать лицу искреннее сожаление, он задумчиво посмотрел в сторону - Тысячи завтраков...знаете, я буду жалеть только о завтраках. Именно утром, чесночные булочки с тертым сыром имеют наиболее приятный вкус. Не смейтесь, у меня иногда складывается впечатление, что моя жена может их приготовить, как следует, только утром. Ах, Натали, ей будет тяжело одной.

-Помилуйте, я не вижу поводов для торга – усмехнулся человек с перстнем – Вы изменяете своей жене, 7 раз в неделю, и после вашей смерти у нее остается такое огромное наследство, что,

даже если и она и вздумает горевать, это продлится не слишком долго. Не стоит так удивляться, прежде чем начать работу, с каким-либо клиентом, я узнаю всю возможную информацию о нем. Зря вы так хмуритесь, между прочим, я сделал вам скидку – целых пять лет. Подумайте только – минус двадцать лет, но никакого суда и тюрьмы.

- Эти годы потеряны в любом случае – внезапно клиент решительно пошел на пятую.

«Слишком глуп и порочен – улыбнулся про себя делец – Ты уже не откажешься» А вслух сказал:

- Помните мистера Вэсторна? Ах, вы обязаны помнить этого джентльмена – именно его оглушительное фиаско в покере подзадорило вас на продолжение игры. Сколько вы тогда выиграли? Нескольких тысяч? Цифра была близка к миллиону, и бедняга свел счета с жизнью. Но, это все мелочи, мы все когда-то достигнем финала в гонке жизни. Вспомните тот момент, ту минуту, когда вы впервые почувствовали в своих руках

деньги, в том количестве, о котором и мечтать не могли. Это ощущение легкой наживы, этот опьяняющий запах удачи. Разве вам не хотелось бы ощутить это вновь?

Глаза клиента жадно загорелись.

- Без преувеличения, это была лучшая минута в моей жизни.

- У вас большие перспективы – продолжал продавец – В конце концов, не так важно количество, сколько качество. Все это оставшееся время, вы можете провести его с пользой, в свое удовольствие и со спящей совестью – казино, красивые женщины, деньги. Зачем же все перечеркивать ради десятка бесполезных жизней – небрежно закончил он.

- Да-да, все верно – закивал «серый пиджак». Красиво нарисованные перспективы будущего и алкоголь сделали свое дело и развеяли остатки сомнения. Залпом, осушив рюмку, он решительно поставил свою подпись на документе.

Все это происходило в полной тишине. Лишь слышен был мерный стук часов у барной стойки. Про-

следив, как клиент поставил изящную мелкую закорючку в нужном месте, мужчина бросил быстрый взгляд на часы и заторопился.

- С вами приятно иметь дело – на этих словах они пожали друг другу руки. Уже у двери, мужчина с перстнем окликнул своего собеседника:

- Последний вопрос – как бы между прочим, сказал он – Как вы предпочитаете умереть? Неизлечимая болезнь, автокатастрофа, заказное убийство?

На лице дельца выразилось удовольствие. Он ждал этого момента. Конечно, нельзя не согласиться, что сама по себе игра с жертвой очень увлекательна. Но, рано или поздно, клиент осознает целиком и полностью, на что он только что подписался. И чем неожиданней вопрос для последнего, тем больше эмоций можно наблюдать.

Удивление, тупое непонимание вопроса, а после медленно, по секундам, плавное осознание только что прозвучавших слов. В течение нескольких секунд этот человек проживает то же, что и

преступник на эшафоте, когда ему зачитывают приговор. Отрицание происходящего, жажда жизни и, наконец, смирение. И вот, своим преступникам он дает отсрочку приговора, проявляет милосердие. Жаль, что никто из них так и не проявил благодарности. Однако, людям это свойственно, за столько столетий можно было, и привыкнуть уже.

- Я бы выбрал наиболее безболезненный вариант – выдавил из себя человек изменившимся голосом. Алкоголь испарился из крови. Казалось, что еще немного, и он сделает кучу в штаны. Однако случилось сие или нет, дельцу уже не удалось увидеть. Клиент поспешно скрылся за дверью.

- До скорой встречи – улыбнулся «продавец» после его ухода и потушил сигару.

- Никак не пойму, зачем ты всем задаешь в конце один и тот же вопрос – слышался голос из угла комнаты – Очевидно же, что тебе решать и, тем более не им выбирать.

- Ты видел его лицо? Ради этого стоило

повозиться! – он пома-
хал договором - видел
бы ты этого гуся еще
пару дней назад – важ-
ный и уверенный, что
все в этом мире в его
власти. Еще год назад
его заприметил, взгля-
дом профессионала
понял, что с этим мож-
но славно поразвле-
каться – мужчина по-
ложил договор пух-
ленькую папку - А
насколько плодотвор-
ным выдался день у
тебя?

- Пару десятков
душ и не одной исто-
рии, заслуживающей
внимания: деньги,
смерть врага, таланты
и снова деньги – люди
стали жутко скучными
– он потянулся, зев-
нул, и стало слышно,

как за его спиной за-
шуршали крылья. –
Что-то жарко стано-
вится – лениво протя-
нул он и, взглянув на
часы, аж подскочил на
стуле - Время! Да мы
сгорим сейчас просто!

Они поспешно
удалились из зала. Ан-
гелы торопились на-
столько, что забыли
даже погасить свет. А,
между тем солнце уж
показало свои первые
лучи из-за горизонта и
раскаленным железом
жгло их черные кры-
лья. На своем пути он
уже почти никого не
встречали – мрачные
тени, что выползают
лишь во тьме, уже все
попрытались в свои
сырые и мерзкие под-
валы.

Где-то на другом
конце города зазвенел
будильник, и пухлень-
кий повар свесил свои
босые ноги с кровати.
Зазвенел другой, и
белокурая официантка
Саша принялась бу-
дить недотёпу швейца-
ра. Третий звенел
очень долго, прежде
чем его владелец неук-
люже выключил его, и
бедняга свалился с
прикроватной тумбоч-
ки на валяющийся на
полу серый пиджак, из
которого выглядывал
кусок мятой бумаги с
изящной заковыристой
подписью.

**Автор: А. Кара-
ченцева**

Beata stultica

- И что же, ее вот так запросто сожгли?

- Да сир.

- И что она сказала на прощание?

- Сир, ей овладел нечистый и она несла блаженную глупость.

- Конкретнее?

- Она говорила о ... я затрудняюсь повторить это, о мой господин.

Из разговора епископа Пьера Кошона с Кардиналом.

Любая мечта может окрылять. А мечта о вечном может даже сделать счастливым.

Мечтают о высоком, о несбыточном, о простом и утонченном. Жанна мечтала поскорей повзрослеть и выйти замуж. Замужество представлялось ей волшебством. Искрой немислимой надежды возгорался в маленькой душе отчаянный призыв к обретению счастья. Он обязательно должен был быть мельником, или столяром или (ну это на крайний случай) обувщиком. Работать с утра до вечера, обеспечивая большую

семью всем надлежащим. По выходным они бы ездили на городскую ярмарку за отрезами ткани. А на пасху и рождество посещали храм. Он обязательно должен был быть серьезным, а она красавица.

В свой день рождения Жанна мечтала о свадебном наряде для девочек. Она с завистью подсматривала за хористками в храме, когда их переодевали в костюмчики ангелочков. Они так походили на платье невесты. Жанна не могла оторвать от них своего любознательного взгляда. Голова была сплошь набита подобными пустяками, и поэтому, когда она споткнулась об эту странную палку, удивления не последовало.

Палку она подобрала и принесла домой. Даже не подозревая что данная вещь в корне изменит ее жизнь. В прах разрушит мечты. В пыль развевает желания.

- Как возможно о чем - то судить, если

ты совершенно не сведущ в вопросах, о которых идет речь – она сняла верхнюю одежду и укоризненно посмотрела ему в глаза.

В ветхом сарае было темно и сыро и поэтому пришлось притащить сюда старую жестяную печь. Притаранить к ней что – то отдаленно напоминающее трубу и попытаться разжечь огонь. Так он и сделал, пытаясь показать ей на деле, что он все - таки мужчина. И в выборе она не ошиблась.

- Слушай, а как ты думаешь, мы правильно все с тобой делаем? – спокойно спросила она.

Он огляделся по сторонам и посмотрел на нее:

- Думаю, - сказал он, снимая с себя рубашку - мы делаем, так же как и все.

Он откинул вещи в сторону и остался обнаженным и открытым перед ней. Огонь из печи, светом и теплом слизывал истому с его тела.

- Ты так говоришь только потому, что так

говорят и думают остальные, - Жанна теперь смотрела на него в упор, совершенно не моргая.

- А как мне нужно говорить или думать?

- Ты так говоришь и думаешь потому лишь, что так говорят и думают остальные, - повторилась она, - Любовь. Ты правда веришь в это? Знаешь как приходит прозрение. В истинной любви друг к другу. А мы с тобой сейчас оголяем наши тела и ты собираешься...

Она виновато посмотрела на его руки, на его грудь и ниже, и заискивающе улыбнулась, - а знаешь что это значит, проснуться?

Он приблизился к ней и обнял, - и что же это значит?

- Мы сидим в темной комнате, совершенно одни. Ты позади, а я чуть выпячиваюсь вперед. Мы расположились на небольшом клетчатом диванчике. Мы смотрим в пустое окно за которым идет дождь. И ты, совершенно обыкновенно берешь меня на свои колени и прижимаешь к себе. И делаешь это сначала неж-

но, потом все сильнее и сильнее. И наконец, ты так сильно прижимаешь мое хрупкое к своей груди, что ребра у меня ломаются и весь мир падает к твоим ногам вместе с моим безжизненным телом. И в этот самый момент как будто перед тобой начинают елозить стиральной резинкой. Появляется такой звук, приближается гром и молния... это те, кто пробуждает тебя скоблят маленькой сальной бритвой с той стороны стекла. Пытаясь оттереть твой мир насквозь. Это выглядит очень странно. Перед тобой просто открывается окно в какой-то другой мир. Еще секунда и тебе говорят оттуда, - проснись!

- И что же дальше?

- А дальше, ты смотришь на всех остальных и проснувшись, уже не понимаешь вообще ничего. Кто ты? Мужчина или женщина? Растение или животное? Свой или чужой? Ты берешь эту чертову палку и делаешь все, все что сказали тебе они.

- Beata stultica - сказал он, - блаженная

глупость. И не палку, а меч. Это же меч?

- Меч, - она повторила это странное для нее слово и обняла его обнаженное тело. Стало так тихо и безмятежно. Она сразу вспомнила свое детство. Мечты о свадьбе, ангелочков в храме на праздники.

- Мне говорили что ты странная, - сказал он и полез целоваться.

Она отстранила его и серьезно произнесла:

- Все только и делают, что называют меня Орлеанской девой. Я устала слушать их. Сегодня мы должны исправить это недоразумение. И они перестанут оттирать стекло и разговаривать со мной перестанут. Ты понимаешь?

- Так как это все - таки происходит, я имею в виду общение с ангелами? - он аккуратно прикрыл ее наготу пледом и присел у огня.

- Ангелы! Просто летающие люди, - нервно огрызнулась она. - А эти приходят и учат жить. Точно зная, что хотят найти у меня внутри. В последний раз сказали:

- Дело в том, что те, кто все понял, уже давно в других мирах и познают и преодолевают другие экзамены. А мы все рождаемся и рождаемся здесь, на земле. И проблемы у нас одни и те же, и ходим мы все по краю своего ящичка, и жизнь за жизнью тратим только на это.

Учимся...

Думающий человек не безнадежен. Но, это не про нас.

О чем они? - Он посмотрел на нее и улыбнулся, - Расскажи подробнее.

Нина и Олег вместе не жили. Не хотелось ей. Да, скорее всего ей. Ему бы дать волю, давно залез бы ей под юбку. Брюки она не носила принципиально. Где – то прочитала о том, что юбка сохраняет женскую энергетику. Где – то в блогах, или у друзей в контакте. Учеба в университете закончилась досрочно. Так вышло, увлеклась им. Точнее его рэпом. А он плевать хотел на мир в котором живет. Наркотики, пьянки до утра, университет не вписывался в этот реестр. Родителям приходи-

лось лгать. Заискивающие улыбаться по скайпу, придумывать разные новости из несуществующей жизни. На вопрос о кругах под глазами, отнекиваться и ссылаться на ночные зубрешки. А на самом деле... интернет весь день, гуляния всю ночь. Никаких планов на жизнь, никакой жизни без «плана».

Удивительно как она во всем этом говне оставалась девочкой. Ей нравилось это состояние. Она не так представляла себе свой первый раз. В своем далеком детстве она мечтала выйти замуж. Он, конечно продвинутый бизнесмен, она, конечно же красавица. И вот он, их первый раз. Не в луже собственной несостоятельности, не на «хате» у друга, и не с ним. Да, он классно читал, тексты такие проникновенные. Опиум сушил нервы, алкоголь усыплял бдительность. Но она всегда держала себя в руках. Всегда.

В этот вечер ничего не хотелось. Голова болела. Он звонил не переставая. Она поставила телефон на

вибро и молча наблюдала как он кружит по полировке стола как маленькая игрушечная машинка, управляемая неведомым божеством. У нее была своя тайна, связанная с мужчинами. Она хорошо помнила ее и сейчас. В детстве, когда ей было десять, она разделась и легла рядом с братом отца. После вечерних посиделок, тот остался у них в гостях и уставший завалился прямо на диване в гостиной. Взяла его тяжелую руку и положила на свою маленькую грудь и повернулась к нему спиной. Тогда она не спала всю ночь, представляя себя невестой. А его, своим мужем. И ей хотелось тогда именно так. Что - бы была светлая забота, без насилия и глупостей. Это было ее первое переживание связанное с мужчинами. Это была ее первая и настоящая любовь. Он даже рядом не стоял с тем мужчиной за ее спиной в детстве. И зачем тогда он ей нужен?

Она щелкнула мышкой и зашла в свой новый блог в живом журнале. Открыла

его недавно. Идея была такой; общение между сознательно хранящими себя для настоящей любви, девочками. Общение шло вяло. Мало их было...сознательно хранящих...

Но одна девочка постоянно общалась с ней очень активно. Точнее она любила слушать ее исповеди и спрашивать что ей делать?

Нина вошла на свою страницу и тут же нашла сообщение от нее:

- Все только и делают, что называют меня Орлеанской девой. Я устала слушать их. Сегодня мы должны исправить это недоразумение. И они перестанут оттирать стекло и разговаривать со мной перестанут. Ты понимаешь?

- Не говори ерунды, - ответила ей Нина, - я же не просто оттираю твое стекло. Я точно знаю что нужно. Это правда нужно. Как ты там рассказывала про свою находку, про меч? Это же был меч?

- Да это именно меч ! – высветился ответ девочки.

- А ты не думала

что все что мы находим это как будто знак свыше, возможно, ты не просто так нашла его? Ты не думала о ...

- Я в сарае, и со мной мальчик из монастыря, сегодня мы исправим эту дурацкую ошибку. А меч я выброшу. – появилось на экране.

- Лучше возьми этот самый меч и отруби ему все то, с чем он полезет к тебе, - отстучала Нина и потом еще добавила, - я бы на твоём месте взяла меч и убивала всех кто встретится на моём пути. Всех кроме короля. А если короля нет, сделай первого встречного подобным. Что думаешь?

- Я прогнала его, - отвечала Жанна, - что дальше делать?

Вдруг Нина почувствовала небывалый прилив сил. Ответственность за чужую жизнь, судьбу. Она даже представила себя богиней. Телефон не перестовал вибрировать, но она уже не обращала не это внимания.

- Заешь, жизнь дается нам как урок. Дело в том, что те, кто все понял, уже давно в других мирах и позна-

ют и преодолевают другие экзамены. А мы все рождаемся и рождаемся здесь, на земле. И проблемы у нас одни и те же, и ходим мы все по краю своего ящика, и жизнь за жизнью тратим только на это.

Учимся...

Думающий человек не безнадёжен. Но, это не про нас.

Возьми меч и иди.

Иди...

И помни всегда...

Любая мечта может окрылять. А мечта о вечном может даже сделать счастливым.

Жанна отпихнула от себя его и зло сказала:

- Уходи, видишь ангелы не хотят твоего присутствия.

- Я ничего такого и не хотел, - извиняясь пролепетал он и начал одеваться, - сама меня притащила сюда.

- Как притащила так и провожу, - огрызнулась Жанна и взглядом начала искать свой меч.

- Не больно то и хотелось.

- Слушай, - вдруг вскрикнула она, - где можно в скорое время достать латы и коня. Мне нужно срочно

скакать к королю.

- Дурочка, у нас уже давно нет короля, - усмехнулся он, - страной правит дофин. Или англичане, я еще не разобрался. Война же идет.

- Значит я сделаю его королем, - уверенно произнесла Жанна.

- Когда будешь гореть за свой бред на костре, не вини во всем мужчин, - бросил через плечо он и ушел.

Нина наконец взяла трубку и быстро распрощалась с настойчивым репером. И зачем он был ей нужен? Она еще немного посидела у экрана и наконец пошла в душ. Вода приятно ласкала ее тело. Как никто и никогда. Потом она немного почитала и уснула прямо с книгой на груди.

Ей приснилась Жанна. Она, одетая в кольчугу с длинным мечом на перевес, стояла у привязного столба со сложенными у его подножья паленьями. Взгляд ее источал гордость и славу всего женского, что в ней было. Священник подошел к ней и попытался отобрать оружие.

- Вам это вряд ли пригодится, милейшая, - с иронией в голосе произнес он и наклонившись прошептал ей тихонько на ушко, - надо было дать мне тогда, в старом сарае, а не искать приключений на свою ...

- Что дальше, что же теперь дальше? - неустанно шептала Жанна и постоянно смотрела на свой меч.

- Да пошли ты их всех, - весело посоветовала ей Нина.

Жанна улыбнулась и отдала меч одному из офицеров, - ангелы говорят что - бы вы все пошли куда подальше, - произнесла она и с уверенностью поднялась к столбу.

Он аккуратно привязал ее хрупкое тело и проверил надежность узла на связанных сзади руках, - есть что сказать? - спросил он и снова подурачки улыбнулся.

- Я мечтаю, - ответила Нина, но тут же остановилась. Вся жизнь пронеслась перед ее глазами. Она вдруг осознала, что именно сейчас должна сказать что - то очень главное и понятное всем им. Но в то же

время очень простое и доходчивое, емкое и правильное. Именно правильное. О том, как бы она захотела прожить, если бы не эти дурацкие предрасудки. Про настоящее, по - настоящему нужное ей. О том, чего она так хотела и о чем искренне грезила в детских мечтах, и в то время когда впервые почувствовала себя взрослой девочкой. Она набрала воздуха и начала говорить:

Молчи.

Просто помолчи немного. Это для меня. Быть в таком состоянии, это не одиночество. Одиночество, это когда ты сам себя не слышишь. Когда ты не видишь простоты окружающего тебя мира. Когда ты видишь вокруг хаос, и пустоту. Мир не терпит пустоты. И пустота эта, только твоя пустота. Пускай он скажет тебе. Я буду любить тебя вечно.

Держать твою руку, проводя пальчиком по мякишу выступающих бугорков. Путешествовать и путаться в линиях. Я покажу тебе мой мир, из кухни. Из нашего чумазого окна, где, с

определенной не скромностью, и с постоянством и упорством смотрит на нас дурацкий термометр. Вечно показывающий зиму, непогоду, слякоть. Трудно бывает вот так, смотреть дальше него. Перегрузить свой взгляд вдаль. Рассмотреть там людей, листьев, ветер, солнце, воздух. Выгашу занозу из мякоти твоего моторчика. Пусть будет больно, но я найду силы и выверну ее с корнем. И моторчик заплачет, и ты удивишься, что он у тебя не просто есть. Он живой. И он плачет. И такая вода течет из его нутра, редкая вода. Такая водится в тех заграничных морях, где в волю резвятся мокрые дельфины, полируя свои бока в стремительной волне. Витиеватые медузы, с бесконечными своими хвостами. Томные и могучие скаты, парящие над бездонными безднами, знающие цену силе и милосердию. Не знающие устали и страха, понимающие все, синие киты. Игривые морские коньки и взбалмошные, веселые, рыбы.

Ты приготовишь мне яичницу. Поставишь на стол, положишь вилочку, нож, кусочек хлебushка. И мы будем смотреть в наше окно. И яичница остынет, и все проходящие мимо, будут завидовать нам. Потому что от нашего окна, в мир просачивается простота. Отравляя всю окрестность ядовитым соблазном. Запросто прийти домой, захотеть поговорить о простых вещах, что - то переосмыслить и посмотреть на привычные вещи немного по-другому. На тех, что живут рядом. И порядком проявить удивление, поняв одно единственное, непостижимое доселе. Что те, кто рядом, запросто могут оказаться людьми.

И тогда можно сказать тысячи ненужных и нужных слов. Можно полить цветы, полить все клумбы у дома. Полить весь город. Полить и отмыть все и вся от грязи. Но, понимая, что все так, именно так, как и должно быть. Начинаешь опускать руки. А как же детская мечта? Те, не пресные мгновения, когда ты точно

был уверен. Дай только время. Подрасти. Эх, немного бы только подрасти. И....

Я отмою этот город от грязи. Я насажу разные цветы. Пусть они будут красные, розовые, желтые, зеленые, синие. Только пусть они будут. И, я стану врачом, очень надежным и хорошим врачом. Всех вылечу и всем помогу. И все это днем. А ночью, я буду поливать свои цветы. И люди проснувшись поутру, не смело улыбнуться друг другу. Город впитает в себя аромат моих цветов. И люди, перестанут грустить и им не захочется больше болеть. Не захочется болеть, грустить, печалиться и стареть. Стареть и умирать.

И кораблики. Все наши, в детстве выстроенные кораблики, станут большими и реальными. И станут на капитанском мостике те, кто стоял в своих детских иллюзиях, смело, не морщась от соленого бриза. И небо разрежут бумажные самолетики. Те, что лепили неумелыми ручонками, на скучных уроках во втором классе. И девочки за-

плетут свои косы, и мальчики обнажат свои сабли. И...

Мы станем настоящими, теми, кем пришли сюда. Мальчиками и девочками, с бумажным листком в клетку, в руках, лепящие из него, свою реальную жизнь.

Я же, как маленький луноход. Ранее, очень нужный, почти незаменимый. Со слезами на глазах вспоминаются те, незабываемые моменты. Когда сотня людей, с превздоханием, сжав до боли кулаки, наблюдали за моей деятельностью в огромные телескопы. Терпеливо ждали от меня первых шагов по поверхности этой пыльной, холодной глыбы. А я...

...я смотрел в их сторону, улыбался и шел. Разрыхляя своей гусеницей вековую непостижимость. Я видел огромную голубую планету над головой. Я знал, что я нужен там, на этой голубой планете нет ни одного существа, не знающего о моем одиноком существовании. Я нужен им, я незаменим, я есть.

Теперь же, об-

шивка моя местами прохудилась, солнце нещадно выжгло мне световую панель, и почти ни осталось зарядки в моей потрепанной лунным ветром, батарее. Но я все же еще жив. Я выполняю программу. Я жду, каждый вечер, упорно смотря в сторону огромной голубой планеты. В надежде на то, что какой ни будь маленький мальчик, совершенно случайно посмотрит в мою сторону, воспользовавшись своим телескопом. И огорченно скажет своим родителям:

- Что же он там ... один?!

И они побегут, они напишут во все газеты. И сотня людей обратят свои взоры в мою сторону. И пошлют мне сигнал.

- Ты нужен луноход, ты нам нужен!!!

И я соберу весь оставшийся заряд, распрямлю гусеницы, страхну с корпуса усталую лунную пыльцу. И, с одной только мыслью, что я нужен, этой огромной голубой планете, буду... умирать. И....

Если, нет у нас, нашего окна. Нашей

детской мечты.

То не пора ли валить, с этой планеты.

Все, вытравит лунный ветер. Памяти о нас не останется. Как это случится? Или же случается уже сейчас? Вряд ли кто, ответит на все эти, такие глупые вопросы. И все что было, и все что будет. Никто уже не вспомнит. Никто не запишет и не прочтет. Время сожрет все воспоминания, как ненужные. И, что же тогда нужно, этой огромной голубой планете? Зачем она парит сотню миллионов лет, обдуваемая космическими ветрами и содействующая с черными дырами? Если ей совсем не нужен маленький луноход и простая человеческая забота. *Beata stulticia*

А пока...

Просто помолчи...

- Поджигай, - спокойно скомандовал он и вытер слезы.

- Для меня помолчи - подумала Нина и первый дым дотронулся ее глаз и заставил прослезиться.

Автор: Егор Алексеев

Нравство правды и Правде и Неправде

Правда и Неправда - две стороны одной монеты, отчеканенной Реальностью, которая ни в одну из эпох Цивилизации не была золотой.

Каждый из нас, сам того не ведая, подсознательно стремится творить свою жизнь по законам совести, правды и красоты, даже в худшие времена, даже в пору самой глубокой безисходности.

Сложившееся и понятное нам устройство Мира внушает ощущения уверенности и надежности. И мы полагаем, что вполне различаем границы между добром и злом, истинным и ложным. Этим, невольно проецируем для себя то, что психологи называют "Феноменом Справедливого Мира".

Но наши настоячивые потребности

жить "здесь и сейчас", утверждаясь в амбициях, достижении целей и жажда успеха, нередко неузнаваемо искажает траекторию этих изначальных устремлений.

Ложь, в разной рецептуре и дозировке полуправда-полуложь, умалчивание правды, обман, лукавство, притворство и неискренность - все это вариации многоликой Неправды, которая, к сожалению, иногда бывает единственной панацеей от жизненных терзаний и невзгод. Случаются и совсем трагические ситуации, когда ложь просто священный долг.

"Только правда бывает оскорбительна", однажды заметил Наполеон Бонапарт, рассуждая о нравах новой элиты Французской Империи. Она не только оскорбительна,

но и порой, является вивисекцией реальности. А реальность в обличи правды, часто жестока, неприглядна, но жизненно необходима.

Не даром, в 17-18 веках в свитах европейских государей присутствовали шуты. Их способ шутить - говорить правду. Это помогало монархам держать глаза открытыми, давая пищу для ума.

Во все времена было сложно понять в чем же заключается правда, истина, но как полагал Фридрих Ницше "... и с помощью правды можно обманывать и уводить куда угодно..." Иногда ложь может оказаться хитроумно замаскированной правдой. И в этом случае она ее Эзопов язык.

Так, ложь или правда? И здесь каждый из нас - игральный

ные кости в собственных руках. На арабском Востоке в ходу поговорка: "Тебе нужна правда или ее двоюродный брат?"

В архитектуре человеческих отношений этот "двоюродный брат" прочно занял свое место, не желая его никому уступать.

Ложь сервильна и гибка как виноградная лоза, пьянит как молодое вино, а похмелье всегда имеет привкус момента истины. Правда же, часто, тверда, жестка и прямолинейна, как трамвайные рельсы, но они ведут на нужную нам в жизни станцию.

"Сказки заканчиваются через десяток страниц, а жизнь продолжается. Мы - многотомное издание.." (Кларисса Эстес)

Эрик Берн, американский психолог и основоположник транзактного анализа, считает, что личность каждого человека состоит из разных субличностей. В частности это: Критик, Ребенок и Взрослый.

По его мнению, именно эти субличности несут ответственность за "качество"

нашего проявления во внешнем мире.

Критик - "совесть" личности, отвечающий за поведенческие установки, усвоенные еще в детстве. Он же судья, ментор и нравоучитель. Однако, порой его черно-белое мышление, схематичность, а то и банальность, осуществляют сверхконтроль и диктат, ограничивая ее естественную свободу.

Ребенок - просто бесценная субличность, хранящая наш "золотой запас" души. Существо творческое, эмоциональное, фонтанирующее энергией и любознательностью, порой путающее правду, неправду и фантазии, но искреннее и доброе. Этот Ребенок сидит в своей "песочнице", лепит "куличики" наших поступков, иногда таких милых и бесшабашных, возвращая нас в далекое детство..

Взрослый - средоточие здравомыслия, объективности и рациональности в принятии решений. Его задача в том, чтобы все части личности работали слажено, дополняя и обогащая друг

друга.

Чем более комфортно сосуществуют вместе наши субличности - тем более гармоничным существом мы являемся.

Однако в реальности, профиль взаимодействия в этой компании по своему качеству имеет огромный разброс - от вполне успешного сотрудничества, до панических атак, а то и катастрофического сценария. Тогда душа этой личности может стать полем боя и здесь могут рождаться лики Неправды.

Главными персонажами в лодке плывущей по реке Жизни, по версии Эрика Берна, безусловно являются Критик и Ребенок. Если Критик весьма статичен и консервативен в своих суждениях и взглядах, то Ребенок иногда с изумлением и радостным интересом, в предвосхищения познания нового, раскачивает эту лодку.

Каждый из нас в раннем детстве принимает то, что психологи называют "Ранными решениями". Они часто продиктованы тем, как на наши поведен-

ческие проявления реагируют родители и другие взрослые люди. Будучи принятыми, они вытесняются из сознания в область бессознательного. Вспомнить о них помогает только наступивший момент истины. И здесь Критик и Взрослый малопродуктивны в изменении наших решений.

Когда реку по которой плывет эта милая триада штормит, то возникает впечатление, что в их лодке появился новый, никому никому не известный пассажир. Допустим, это субличность - "Nemo" ("Никто"). После ее появления траектория и характер движения этой лодки меняется.

Кто этот г-н "Никто"?..И откуда? То ли он с самого дна бездны подсознания, то ли это тайная запись в нашем генетическом коде. Иначе, трудно объяснить как в реальной жизни появляются Персонажи-Личности, коим не ведома грань добра и зла и забыт тот день, когда последний раз ими говорилась правда.

Не упомянутая Эриком Берном в морфологии его транзактного анализа, эта субличность "Nemo", цинична, крайне эгоцентрична, но экзотична и активна, и тем самым захватывает внимание нашего прелестного Ребенка.

Вполне ясно, что дети не воспитываются "словами", а воспитываются только поступками окружающих людей. Поведенческая подвижность же г-на "Никто" перемещает на задний план исключительно вербальные проявления вялых на поступки Критика и Взрослого. И здесь в сознании нашего Ребенка вполне могут появляться "Новые решения" относительно понимания Правды и Неправды.

Наивно полагать, что можно представить жизнь человеческого сообщества и государства в целом, как и нашу частную жизнь, без ликов Неправды - лжи, обмана, неискренности. Институты власти, политика, дипломатия, бизнес, реклама, как и многие иные атрибуты социального бытия претерпели бы сокру-

шительный урон, если бы не вмешательство "двоюродного брата" Правды.

Да, мы обманываем себя и других. Но обманом мы вправе защищаться, если в опасности наши достоинство и жизнь. Им мы можем проявлять милосердие, доброту, сопереживание, защищать свой внутренний мир, наши "скелеты в шкафу", скрывать собственную

"человеческую неряшливость". А самообман дает время прийти в себя, если обстоятельства (жестокий удар, потеря) превосходят наши силы.

Не всякая ложь откровенное зло, если мы ясно понимаем, зачем поступаем так и знаем грань, которую не перейдем никогда. При этом умышленная ложь часто бывает наполнена человеческим трагизмом. Но мы не вправе обманом никем манипулировать в своих собственных интересах и устремлениях.

Вероятно, верующим людям проще в своем жизненном мейнстриме. Их понимание Правды и Неправды, Добра и Зла

имеют более четкие очертания, "ограниченные" привнесенными канонами христианских ценностей, этики и морали. Неверующие люди безжалостно предоставлены самим себе.

Все мы имеем личное пространство - свою маленькую Страну, куда никто кроме нас заглянуть не сможет, со своим отдельным Миром, в котором можно спрятаться, чтобы перевести дыхание и ощутить полностью самим собой. И порой, единственным стражником охраняющим вход в эту Страну, является ложь.

Даже на празднике жизни - в Любви, несмотря на то, что ее родовыми чертами являются искренность и открытость, умолчание или, даже небольшая ложь нередкие гости. Маленькие тайны охраняют ее. Когда что-то скрыто, возникает неудержимое стремление это разгадать, подогревая взаимный интерес.

Благодаря невинным обманам и секретам, мы сохраняем свою "отдельность", непохожесть, собственный Мир и продол-

жаем оставаться привлекательными друг для друга.

Хотим ли мы знать всю Правду о других людях, и особенно о тех, которые близки нам? Конечно же да. По крайней мере, ту ее часть, которая грозит нас чем-нибудь задеть или обидеть. Но, здесь нужно быть осторожным. " Иногда лучше чего-то и не знать.. и жить спокойно дальше" - сказал известный американский писатель и летчик Ричард Бах устами главного героя в своем удивительном романе-фантазии "Чайка по имени Джонатан Ливингстон"

Хотим ли мы, чтобы другие люди всю Правду о нас? Конечно нет. Если такая исчерпывающая информация дает над нами власть, то мы, в свою очередь, вправе отстаивать свою свободу и неподвластность.

Иногда может показаться, что наша ложь может служить доказательством нашего разума и нашей человеческой чуткости. Прибегая к обману, мы тем самым прояв-

ляем способность понимать чужие чувства и ощущения. Несомненно, здесь ложь виртуозное проявление нашего интеллекта. Поступая так, мы понимаем, что нужны и точными словами, улыбкой, жестом, прикосновением, сможем изменить представления и взгляды другого человека, вступая в его личный Мир, помогая ему...

При этом, мы всегда говорим правду, пусть не с помощью слов, но она всегда имеет возможность проявиться в виде жестов, выражения глаз, мимики, тембра голоса.

Реальная Жизнь не прогулка в сиреневых грезам по лепесткам роз. А мы не всегда сборник пасторальных добродетелей. Но, не дай Бог, чтобы ложь стала повадками нашего подсознания.

И так,.. мы игральные кости в собственных руках..И наш ход!

Автор: Александр Астер

Новогодних чудес не будет!

Думаете, что нет ничего хуже, чем встречать Новый год дома, в одиночестве, без ёлки и подарков?

Глупости!

Лежать в канун волшебного праздника в больнице, с крохотным ребёнком – ещё безрадостней.

Это ж неизвестно кому больше «повезло», моему малышу или мне сидеть на казённых простынях и наблюдать, как весёлые мамочки складывают вещи в пакеты, одевают детишек и радостные, довольные покидают больницу: кто выписался насовсем, кто просто на выходные.

И вот – вечер. Через три часа Новый год, в отделении всего три больных ребёнка с мамами, не считая четырёх брошенных младенцев в шестой палате и двух медсестричек.

Алёшка закашлялась и проснулся. Ох, этот ужасный обструктивный бронхит! Замучил ребёнка. Заглянула медсестра и предложила сделать ингаляцию. Я согласилась – обыч-

но после неё наступает облегчение. Но решиться на процедуру легче, чем уговорить сыночка посидеть десять минут спокойно и не хватать ручонками всё подряд, не выгибаться, пытаюсь слезть с коленок, и не выкручиваться, чтобы дёрнуть меня за волосы.

Алёшке чуть больше года, он недавно пошёл и поэтому стремится исследовать всё подряд, а не сидеть на месте. Ограниченное пространство палаты возмущает его и нервирует меня – удерживать ребёнка на одном месте просто титаническая работа.

Сыночек так и ухватил насадку с небулайзера и швырнул её на пол. Разумеется, она надкололась, медсестра отчитала меня, как маленькую, и я разревелась. Слёзы полились, словно ждали подходящего момента. Размазывая их по щекам, я винила себя за поспешность, с которой три дня назад покидала это же самое отделение, не долечив ребёнка.

В то утро позво-

нила Оленька, моя соседка (кума и подружка по совместительству) и взволнованным голосом прошептала в трубку, что мой Пашка провёл ночь в нашей квартире с какой-то рыжей стервой, и теперь пакует чемодан – собирается уходить.

Навсегда!

В тот момент мне казалось, что Алёшка чувствует себя плохо, и я вполне могу долечить его дома. Написала расписку, взяла на себя все неприятности, которые могут случиться с малышом, и рванула на такси домой.

Я застала Пашку дома. Его пассия сидела на моей кухне, пила чай из моей кружки и трескала плюшки, которые испекла моя мама перед отъездом!

Наверное, надо было сдержаться и поговорить мирно. Но я не смогла. Пять дней с температурящим ребёнком в стационаре, куда я попала за десять дней до Нового года, всякие там «кукушки» и внутривенные вливания натянули мои нервы до

предела. И конечно же, я устроила разборки. Первым делом я схватила тарелку с плюшками и надела её на голову сопернице. Мёд, которым были от души смазана выпечка потек по её посечённым волосам, по щекам и носу. Одна капля зависла на его кончике, как бородавка Бабы Яги.

Затем, выхватив из рук рыжей ведьмы мою любимую кружку, я с силой треснула ею по столу. Кружка разлетелась на мелкие части, а капли кипятка обильно обрызгали нежно-розовый костюм рыжей лахудры и обожгли её нежный пальчики. Айканье, вызванное приземлив-

шейся на голову тарелкой, сменилось диким визгом ошпаренной кошки.

На вопли прибежал Пашка и я, подпрыгнув от злости и нетерпения, вцепилась ногтями в щеки и расцарапала ему с превеликим удовольствием наглуую рожу. Остановить меня уже не представлялось возможным – я вцепилась в рыжие волосы разлучницы и выволокла её на лестничную клетку, изловчилась и толкнула на ступеньки. Споткнувшись, она упала и кубарем скатилась вниз. У меня в руке остался перемазанный мёдом рыжий локон, и я с удовольствием прилепила его на лоб Пашке,

который выскочил следом за нами.

В этот момент любимый мужчина превратился в красно-мордого отвратительного мужлана, отвесил мне оплеуху. И унёс в своём чемодане, полном вещей, моё, нет, наше семейное счастье.

Алешка заливался слезами, кричал, закрыв глаза и ударяясь лбом об пол. Глядя на сыночка, стараясь его утешить, сочувствуя вовсе не детским страданиям, я возненавидела его отца, допустившего такую сцену на глазах ребёнка.

В ту минуту я молилась всем богам, а потом и всем волшебникам мира, чтобы они

избавили меня от предателя Пашки.

Я не желала его видеть больше ни-когда!

Вместе с малышом я тоже заливалась слезами и смотрела на сиротливую ёлку, которую поставили в углу возле выхода на балкон, и которую не успели развеселить огоньками и игрушками. Я дошла до того, что стала просить Деда Мороза, как в детстве, о подарке – сделать одиноким Пашку. Таким же одиноким и несчастным, какой в тот миг я считала себя.

К ночи у Алёшки вновь поднялась температура, и малыш стал задыхаться. Он судорожно всхлипывал, вцепился в меня ручками, его личико посинело, глазки расширились от испуга.

Я вызвала «скорую» и мы очутились вновь в отделении. Лечащий врач отчитал меня за ранний побег из больницы, посетовал на отсутствие у меня материнских чувств и принялся отхаживать Алёшку.

Через несколько часов сынок задыхался ровно, лицо приобрело естественный цвет, и

малыш попросил кушать.

Я старалась не думать о Пашке и ушла в заботу о ребёнке. Два дня носила Алёшку на уколы, процедуры, развлекала, как могла, пытаясь удерживать его на кровати и истерила в одиночестве на лестничной клетке, в душе или туалете, когда Алёшка спал. В остальное время я старалась дышать ровно и улыбаться всем, даже бумажным ангелам под плафонами в коридоре.

Но тридцать первого моя невозмутимость стала улетучиваться так же быстро, как пустело отделение. Мамочки встречали мужей, родителей, друзей, бурно обсуждали предстоящий праздник, суетливо бегали по отделению: к врачу за назначениями, к медсёстрам за выписками, в буфет за забытыми пакетами с едой, а я сидела в холле и смотрела в телевизор, где мелькали кадры с мультяшками.

Я пристроилась рядом с довольно большой наряженной ёлкой. Мы оба выглядели неприкаянными и сиротливыми, какими-то казенно – запылён-

ными и забытыми в этот чудесный предновогодний вечер.

В восемь вечера дежурный медперсонал замкнул входные двери, потушил яркий свет в коридорах и скрылся за дверями комнаты отдыха, откуда доносились ароматы кушаний и гул новогодней телепередачи.

Не придумав ничего весёлого (да, и что можно было придумать в той ситуации), я решила уложить спать Алёшку и заснуть самой – может, так быстрее пронесутся праздничные часы. Я тихо всхлипывала, укрывшись с головой одеялом, стараясь не разбудить сыночка, и жалела себя, как никогда в жизни.

Меня разбудила медсестричка, заглянувшая в дверь палаты: «Красикова, к тебе пришли. И недолго, а то мне попадёт».

Накинув халат, посмотрев на экран телефона, где высветилось время двадцать два десять, протирая глаза, я поплелась к выходу, недоумевая, кто же это мог быть: родители встречали Новый год у бабушки в деревеньке, друзья уехали на праздники в

Домбай.

У входной двери стоял мужчина, рассмотреть которого я не могла потому что, в руках он держал небольшую, сантиметров пятьдесят, ёлку на деревянной устойчивой подставке, и она закрывала лицо. Я подошла и неуверенно спросила:

— Вы ко мне?

— Ну а к кому же ещё? — ответили мне и протянули ёлку, украшенную мелкими блестящими шариками: — С праздником!

Я взяла ёлку за подставку, а в мужчине угадала Пашку.

Вот стояла как дура с ёлкой в руках и застрявшими словами обиды. Устраивать ещё одну сцену в пустом ночном отделении, где даже шлёпанье тапок отдаётся эхом под сводами потолка, не хотелось. А в душе разгоралась искорка угасшей надежды. Мне хотелось чуда.

Но понимала, что даже в новогоднюю ночь чудес у меня не будет.

Сказать, что я была рада его приходу, не могла. Скорей наоборот, раздосадована.

Утверждать, что сюрприз не удался —

тоже не могла. В общем, растерялась!

— А это Лешке! — сказал Паша и протянул мохнатую игрушку: то ли обезьяну, то ли огромную мышь из какого-то мультфильма.

Я кивнула головой в знак благодарности — подарок предназначался не мне, а ребёнку, и не взять его я не могла. Сынок любил новые игрушки, и я уже представляла, как завтра он обрадуется.

— Тут конфеты и фрукты, — вновь произнёс Паша и протянул мне пакет.

Его неожиданно проснувшиеся отцовские чувства и забота, вновь всколыхнули злость. Я искала повод побыстрее расстаться, и тут вспомнила, что не зажгла ночник и сынок может испугаться, если проснётся. Не прощаясь и не оборачиваясь, понеслась в палату. Следом, без приглашения, неожиданно для меня, пошёл и Павел.

Я оказалась права — Алёшка не спал, а вовсю ревел. Я зажгла свет, а к сыночку подошёл его отец и протянул пакет с конфетами. Малыш замолчал,

высыпал всё содержимое на постель и стал перебирать блестящие конфеты. А мы, его, родители, впервые в присутствии друг друга, чувствовали себя неловко и не знали что сказать, словно в тот миг, когда нас застала мама за первым поцелуем.

Нас спасла медсестра, влетевшая в палату и отчитавшая за верхнюю одежду, вытолкала Пашу в коридор и, тараторя что-то типа «сейчас будет внеплановый обход», выставила моего посетителя из отделения.

Дежурный врач действительно пришёл и внимательно выслушал Алёшкины лёгкие, пожелал мне счастья в новом году, зачерпнул жменю конфет в карман и, насвистывая «трусишка зайка серенький», удалился прочь.

Павел ушёл, Алёшка разыгрался — как не вовремя случился обход! За окном чаще бухали петарды, разукрашивая отблесками оконное стекло, а я почувствовала жуткое одиночество, ещё большее, чем пару часов назад.

И тут одна из петард разорвалась пря-

мо под окном палаты.

Я вздрогнула.

Алёшка вскочил и потребовал поднести его к стеклу, желая посмотреть, что так громко бумкнуло на улице. Я поставила его на кровать, что стояла у окна. Он радостно запрыгал на своих ещё непослушных ножках и захлопал ладошками по подоконнику. За окном стоял Павлик и строил рожи Алёшке. Малыш смеялся и шлёпал ручонками по стеклу. Я невольно заулыбалась, глядя на забавную глупую игру двух моих мужичков.

Удивительно, но я поймала себя на мысли, что Павел всё еще дорог мне, что его предательство, хотя и ранило моё сердце, но не сразило наповал. Что я могу дышать, думать, говорить с ним. И, главное, я хочу, чтобы он остался с нами.

На улице небо расцвело множеством ракет и фейерверков. Не стоило больших усилий догадаться, что наступил Новый год!

Странно, мы были разделены стеной и стеклом, но чувство единства, целостности нашей семьи незримо ощущалось. Не было уже три «я» — была

семья!

Или всё же не была?

Павел показал бутылку шампанского и пластиковые стаканы. Я пожала плечами — как же мы можем выпить за Новый год?

Алёшка что-то громко смоктал, я посмотрела на малыша — он с удовольствием сосал нос новой игрушки. Глазки его всё чаще моргали и вскоре он уснул. Я перенесла его в кроватку, укрыла и обернулась на окно, поскольку в него скреблись.

На подоконнике со стороны улицы стоял Павлик и тихонько стучался во фрамугу предлагая открыть её. Залезть сюда было не так уж легко, хотя отделение и находилось на первом этаже.

Я тоже взобралась на окно со своей стороны и смогла открыть форточку. В неё Павел протянул мне открытую бутылку. Я привстала на носочки, потянулась и смогла достать шампанское. Спрыгнула на кровать, потом на пол. Достала мандарины и очистила несколько и положила их в пакет, туда же отправила немного конфет и вновь забра-

лась на подоконник. Привстала на цыпочки и протянула Павлику угощения.

Как только он взял кулёк, я закрыла фрамугу (на улице стояли морозы, и в комнате ощутимо похолодало), удобно усе-лась на подоконник, разместив там же бутылку шампанского и мандарины с конфетами. Павлик открыл вторую бутылку, налил себе в стакан, я себе. Мы чокнулись о стекло: я с одной стороны, он с другой и выпили за праздник, потом за Алёшку, потом за меня.

В стаканчике и в голове чудесным образом играли пузырьки. Заснеженные ели в больничном парке, стекло и одежда Павлика, вся в инее переливались разноцветными отблесками фейерверка, создавая нереальное, сказочное ощущение праздника.

В голове теснились фразы укора и обиды, радости и надежды. А ещё множество вопросов: где он познакомился с рыжей стервой, расстались ли или всё ещё встречаются с ней, узаконим ли мы наши отношения, помирится ли Па-

ша с моей мамой. Но всё осталось не произнесённым. Да, и нужны ли были слова, когда и так отчётливо понятно, что только любящий мужчина и отец, готов встречать Новый год на морозе, под окнами больницы, лишь бы быть рядом со своей семьёй.

— Прости меня, — прошептала я Павлику, глядя в глаза.

Он понял, хотя и не услышал мои слова и произнёс в ответ:

— И ты меня.

Я кивнула и прислонила ладонку к стеклу. Павлик тоже прижал свою с той стороны. Мы так и стояли, боясь спугнуть минуту счастья, и словно ощущали теплоту друг друга.

Потом я очнулась и заволновалась, уви-

дев его покрасневший нос и побелевшие уши:

— Ты замёрз, иди домой в тепло.

Он упрямо пово-дил головой из сторо-ны в сторону.

Я в шутку погро-зила ему пальцем.

Он послал мне воздушный поцелуй.

Я сделала вид, что поймала его и прило-жила к губам.

Павлик улыбнул-ся.

А я заплакала. Вернее, слёзы сами, предательски, заструи-лись по щекам.

Павлик удивлённо посмотрел на меня.

Полотенцем про-мокнула слёзы и, утёр-шись, налила ещё шампанского, а затем произнесла:

— За нас.

Он кивнул в ответ

и его губы сказали:

— За нас.

И всё же я настояла на том, чтобы он ушёл до-мой, и, провожая его взгля-дом, смот-рела вслед. Он шёл по дорожке сквера, с

каждым шагом рас-правляя спину, словно скидывая тяжёлый груз. Его походка ста-новилась уверенной. Павлик задел рукой еловую ветвь и сорвал шишку, вставил её в нос снеговика, слеп-ленного днём детиш-ками. Посмотрел в её окно, поднял бутылку, словно чокаясь со мной, и допил её до конца.

Паша давно скрылся за углом зда-ния. Я ела дольки ман-дарина и улыбалась своим шальным мыс-лям. Снежный покров елей по-прежнему переливался разноцвет-ными огнями от фей-ерверков, и на душе было тепло и радост-но.

Автор: Смирно-ва Марина

Степь, казахская бесконечная степь.

Где же конец?...

А конца нет, не за этим рыжим, с песчаной проплешиной увалом, ни за тем, совсем чёрным, сожжённым до камней.

Яркое небо, неяркая земля. Кажется что за ещё одним увалом сейчас откроется что-то новое, свежее непохожее на степь, но нет и за ним до самого горизонта, всё тоже огромное яркое небо, огромная пустая земля. Маревко на горизонте мерцает при ветре светом, творит миражи, то строит огромные столбы упирающиеся в самое небо, то громоздит средневеко-

вые башни. Они появляются, исчезают, потом появляются вновь кусками света выходя к небу..., а вот появилась отара овец, она бредёт по небесному полю. За отарой пастух на лошади. Он взмахивает камчой и лошадь прибавляет шагу.

Удивительные видения, но что это... Вдали появилось дерево. На дереве развешаются выцветшие на солнце лоскутки материи. Это уже не мираж. Ни один казах не проедет мимо такого дерева не остановившись и не привязав к его, иссушенными степными ветрами, веткам, кусочек мате-

рии. Для него это дерево больше чем святыня. Такие деревья, с лоскутками материи привязанными к его сухим веткам, встречаются в казахской степи часто. Для степняка они олицетворяют его давно исчезнувших, в беспощадном течении времени, предков, пришедших в эту степь с незапамятных времён с берегов далёкого Енисея.

Дует лёгкими порывами сухой, горячий ветер. Сушит горло, не проходит в лёгкие. В такие моменты кажется, что задохнуться в степи, также просто как замёрзнуть зимой в тундре. В такие моменты несколько глот-

ков воды просто необ- ходимы. Достаёшь походную фляжку, бережно пьёшь из узкого горлышка воду, стараясь не обронить ни одной капли. Вода здесь на вес золота. Вода здесь - это жизнь.

Когда-то давно я побывал в Сибири. Я никогда не думал что там так много воды. Вода в реках и озёрах, вода в травах и деревьях, водой сочатся мхи, а сколько воды в изумрудном красавце Байкале..!

Сибирь - зелёная, дремучая с непроходимыми лесами. Летом заберёшься подальше в ельник и сразу озябнешь в стьлом тумане.

После нескольких глотков воды сразу

становится легче дышать рожим, как сама земля, зноем. Вдали ветерок крутит воронки из пыли. Они поднимаются к небу туда где неподвижно висят коршуны. В степи всё живое кажется неподвижным- и коршуны в воздухе, и суслики на холмиках вырытой земли.

Степь, казахская бесконечная степь. Где же конец?...

Смотришь вдаль, а она становится всё больше и больше, и от этого немеют глаза, останавливается дыхание.

К вечеру, огромным багровым шаром, солнце сваливается за горизонт и от этого большое небо над сте-

пью становится ещё громаднее. Даже на море не увидать такого огромного неба. Как только солнце, медленно и неохотно, будто сожалел что не удалось сжечь всё живое в степи, исчезает за горизонтом, небо робко, словно приходя в себя, начинает синеть обманчивой прохладой. Настоящая прохлада наступит много позже, а пока там вдали, на краю земли дотлевет красно-чёрное зарево, напоминая о большом, во всю степь, безжалостном, знойном дне.

Автор: Эрих Лаутен

Дождь

Шёл дождь. Мелкий, тихий, осенний. Такой дождь который кажется не перестанет ни завтра, ни послезавтра... Да и когда кончится, ещё долго по небу будут мрачно блуждать серые осенние тучи и с крыш домов срываться редкие капли, выбивая звучные пузыри в стылых, октябрьских лужах.

Гринёв Олег прошёл по мокрому, шаткому трапу на пароход. Не обращая внимания на галдящих вокруг пассажиров, уселся около окна. Протёр ладонью заплывшее мутью стекло. Передёрнувшись от сырости пробиравшей до костей вяло подумал, что не мешало бы сейчас горячего чаю.

На набережной толпились люди. Олег равнодушно наблюдал за ними. Из маленького административного здания пароходства напротив, на набережную вышла женщина в светлом плаще, дымча-

том, длинном шарфе, и не раскрывая зонтика, направилась к пароходу. Олег придвинулся к окну. Женщина показала ему знакомой.

Она спешила. Олег видел её расширенные глаза, чуть подкрашенные, сжатые губы, стройные ноги в сапожках... всё сразу – и неожиданно для себя подумал: "хоть бы сюда. Поближе ко мне".

В это время пароход разразился глухим, набрякшем сыростью гудком. Люди на набережной толкаясь, боясь не успеть, заторопились к трапу.

Женщина вошла, на мгновение остановилась, отыскивая глазами свободное место. Села тоже у окна, напротив через одно сидение от Олега, облегчённо вздохнула, расправила плащ на коленях, прищурившись оглядела пассажиров.

Олег глядел на неё и их глаза встретились. Она сдвинула

брови, потупилась, снова глянула, что-то смущённо-робкое, спрашивающее угадывалось в этом взгляде. Олег почувствовал как у него в груди что-то колыхнулось и замерло будто от лёгкого испуга. Кровь быстрая, тёплая подступила к лицу.

"Я её видел... Кажется был знаком... Когда-то..." - подумал он. Тогда тоже на минуту замерло сердце. И это не забылось...

Женщина отвернулась к окну, чёрной перчаткой провела по мутному стеклу, наклонилась к засиневшему просвету. Её лицо казалось чуть бледным, онемевшим. Лишь пальцы рук быстро перебирали петли сумки, теребили концы шарфа.

Хотелось вспомнить: "Где? Когда?"

Пароход плавно качнулся. Ещё раз разразился, уже скользя по глади озера, гудком. Через окно было

видно медленно удаляющуюся пристань, лужи на ней, серые дома.

Олег напряг память. "Где же я её видел? Видел, знал - и эти глаза, улыбку и эти руки."

Лица, образы... Они возникают вспылками, тускнеют, гаснут.

На минуту, как бы резко освещённое, он видит далёкое детство. Весна. Село в Киргизии в Таласской долине. Взбалмошное чирканье воробьёв. Стройные вершины пирамидальных тополей. Цветущие сады. И Дина... Тонкая, нежная с подагливими мягкими губами. Когда Олег целует её, у него кружится голова.

Дина на год старше Олега и мучает его своей опытностью. Дружок Васька видел её с курсантом военного училища. Курсант приезжает в отпуск каждое лето.

-Длинный такой, с погонами, в яловых сапогах. На улице жара, а он в сапогах полудурок! - рассказывает Васька.

Душит ревность. Хочется убить курсанта, покончить с собой, а Дине написать:-

Коварная и жестокая, ты погубила меня! А ведь я любил тебя больше жизни! И расписаться кровью.

Через год курсант закончил училище. Дина вышла замуж. Уехала с ним. Затерялась навсегда.

-Дина. Диночка... - доносится иногда из далёкого детства, и становится грустно, тепло на душе...

- Может быть со временем она научилась так мягко, стеснительно улыбаться? Может быть её глаза, раньше озорные, с возрастом сделались спокойными, излучающими доброту, мудрость и печаль, - думает он.

Она?.. Но что-то самым биением сердца, его толчками, отвечает: Нет, нет, нет...

Снова взрывается сиплым гудком паровоз. Олег вздрагивает. Лёгкий испуг он замечает и в тёмных глазах женщины. В памяти как из тумана медленно проявляется образ. Любаша, черноглазая студентка смотрит на цветочную клумбу в парке Горького и говорит так громко, что слышно по всей аллее:

-Мы всегда, всегда будем вместе!..

После распределе-

ния Любаша уезжает на Енисей в Минусинск, а он в Казахстан. Первое время Любаша пишет. Потом письма приходят всё реже и реже...

Нет, не то. Не то, - Олегу становится тоскливо. Он украдкой глядит в сторону скамьи напротив, видит тёмное пятнышко родинки над правой бровью женщины, нежные морщинки у глаз, видит руки, тонкие маленькие складки плаща вокруг туго перетянутой талии.

"Где же я видел её?- снова думает он, - Видел, знал, и эти глаза, руки, тёмную родинку... Где..? Когда..?"

Перед глазами встаёт Ташкентский госпиталь. Олег лежит там после ранения под Кандагаром. Около постели сидит медсестра. Белокурые, короткие волосы, нежная шея и ласковые, тёмно-карие глаза. Зиночка.., - шепчет Олег придя в себя, после сложной операции на позвоночнике. Она гладит его маленькой рукой по покрытому испариной лбу и неожиданно нагнувшись целует в губы. Ещё долго на губах Олега остаётся

солончатый привкус её поцелуя.

Олегу хочется, чтобы это была она. Но это не она.

Пароход круто, почти на месте, разворачивается вправо. Становится видно далёкий берег. А дальше горы. Их вершины уходят в небо, теряясь в серой хмари облаков.

-Сколько дорог в жизни каждого...- думает Олег, глядя через окно на горы. В его жизни их было особенно много. До развала Советского Союза Олег работал гидрогеологом. Разъезжал по казахской степи, искал воду. Бесконечные, степные дороги. И люди, люди... Стоит только закрыть глаза и вот они: Серьёзные, усталые, бойкие, грустные лица. Дома он бывал редко, в основном зимой, когда в

«поле» не было работы. Дома Олегу не нравилось. В степи лучше, просторнее, вольготнее, не то что в городе.

Теперь Олег на пенсии. Хотя он не так стар. Ему всего пятьдесят. В степь выезжает редко и то только для того чтобы побродить по ней с ружьём.

"Как быстро идёт

время",- отвернувшись от окна думает он, опять украдкой разглядывая женщину.

"Где же?... Где же мы всё-таки встречались?"- эта мысль не даёт ему покоя. Он подаётся слегка вперёд, ему хочется рассмотреть её внимательней. В этот момент поправляя воротник плаща она слегка запрокидывает голову назад. Их глаза встречаются. Как и в первый раз она прищуривается, но теперь с удивлением и настороженным интересом. Окинув взглядом всего Олега, смущается и быстро отворачивается к окну. Видно как у неё пунцовеют щеки.

-Аральск! - ударяет в голову. Тёплая, южная ночь. Он выходит из автобуса. Из тускло освещённой автостанции навстречу лёгкой походкой, идёт девушка. Подходит к нему, спрашивает:

-Вы Гринёв? Олег?

Да,-говорит он, любясь маленькой родинкой над её бровью.

-А я Нина. Нина Савельева, - улыбается она. Мне поручили вас встретить. Пойдёмте, я провожу вас в

нашу контору. Там и проведёте ночь,-она берёт его за руку, тянет за собой. Он покорно идёт за ней. Рука у неё горячая. Они долго идут по улицам и переулкам, мимо заборов, тёмных стен домов. Наконец она останавливается. Дошли. Олег неохотно выпускает её руку. Ему становится одиноко, печально, неудобно, и поборов стыд он говорит:- Может останетесь?..

-А что, - соглашается она.-Я ведь не замужем.

Утром Олег уезжает в степь. Всю неделю мотается по степи, осматривает места для бурения скважин. Приаральская степь скудна растительностью, бедна пресной водой, но по своему привлекательна и даже красива.

Командировка длится две недели. По выходным он живёт у Нины. Нина живёт с матерью в однокомнатной квартире. Когда приходит Олег, мать незаметно исчезает. Где она ночует, он не знает.

Через две недели командировка кончается и Олег уезжает. Уезжает, обещая, что

вернётся. Он ещё не знает, что не вернётся никогда.

...Пароход подходит к берегу. Из окна видно причал. За причалом домики. Это «Чебакты», небольшой, рыбацкий посёлок.

Олег чувствует что женщине сходить здесь. Пароход плавно притирается к причалу. Женщина встает. Медленно направляется к выходу. У Олега бешено стучит сердце, он весь напрягается, смотрит ей вслед. Ему хочется, чтобы она оглянулась, будто этот последний взгляд мог что-то сказать ему. Он чуть не вслух говорит:

-Оглянись! Но она не оглядывается, исчезает за дверью. Он припадает к окошку.

На пристани стоят встречающие:- Две казашки и один русский мужчина.

-Её муж, - думает Олег и не ошибается. Она подходит к нему. Мужчина берёт из её рук сумочку. Раскрывает зонтик. Он видит, как они идут вверх по бетонной лестнице. В это время пароход, издав прощальный гудок, отчаливает. Последнее что ещё видит Олег, это расплывчатые очертания их фигур, медленно исчезающие за пеленой моросящего дождя.

-Нина... Ниночка... Ты ли это?... - думает он, грустно глядя в окошко парохода. Ему страшно хочется увидеть её вновь. Поглядеть в глаза. Полюбоваться тёмной, неж-

ной родинкой над правой бровью. Рассказать о своей жизни. Но это невозможно. Олег понимает, что прошлого не вернуть и от этого больно щемит сердце. Потом его вдруг внезапно озаряет:

-Родинка у Ниночки была не над правой, а над левой бровью.

-Значит не она...,- облегчённо вздыхает он, чувствуя как медленно успокаивается сердце.

А пароход всё плывёт и плывёт под нудным, надоевшим дождём, дымя из трубы чёрным шлейфом, который медленно ложится, сзади на тёмную воду озера.

Автор: Эрих Лауген

Встреча в поезде

Прошлое постепенно исчезает в тумане времени, превращаясь из набора ярких происшествий в груды исторических фактов, а потом в реестры событий. Пока живо поколение, которому пришлось принять на себя удар той, уже далёкой войны, хочется успеть показать события прошлого их глазами. Перед вами третья часть книги «Встречи», посвящённая событиям тех лет. Герои – мирные люди и дети, которые в силу обстоятельств делали для страны то, что могли.

Дело было в самом начале 80-х. Мне по работе пришлось провести в Ленинграде неделю, на которую пришлось 9 мая. Утром 11-го всё было завершено, и я собрался домой. Задачу отправить меня ближайшим поездом, сотрудник института выполнил точно и удивительно бестолково.

Директорская Волга подвезла меня почти к перрону за полчаса до отправки

поезда. Войдя в вагон, я с удивлением обнаружил, что он пуст. Такого раньше никогда не наблюдалось в поездах Москва-Ленинград. Я удивился, но решил, что не сезон и устроившись у окна моментально задремал.

Минут через десять в купе вошла молодая женщина с чемоданчиком и небольшой хозяйственной сумкой. Она сняла строгий пиджак, на котором располагались в рядок медали, и повесила его на вешалку. Вещи дружными усилиями были отправлены под лавки, а билеты выложены на столик. Закончив размещение, мы познакомились. Женщину звали Марина Анатольевна. Она возвращалась домой после встречи дня Победы в родном городе.

Когда поезд тронулся, появилась круглолицая улыбчивая проводница и, присев на сидение, засунула наши билеты, предвзительно сложив фантиками, не глядя, в

кассу. Завершив ритуал, она подняла глаза и поведала, что в вагоне пусто и, если мы захотим, то можем занять любые купе на выбор, но только после десяти вечера, когда нелёгкая унесёт начальство и она запрет двери.

Мы дружно покивали, проводница встала и уже в дверях спросила:

- Чай будете? У меня хороший чаёк, со сломом и без табака. Честное слово.

Я жутко устал, был голоден и, конечно же, согласился. Спутница тоже не возражала. Проводница исчезла. Марина Анатольевна внимательно смотрела в окно и молчала. Ну а я, откинувшись на стенку, мгновенно провалился в глубокий сон.

Очнулся я от будорого голоса проводницы:

- Ой, вы спите, а я чаю принесла! Вы покушать хотите?

Я потряс головой, и, показав на чай, сказал:

- Вот это то, что нужно. А то я что-то

задремал. Кстати, а когда в Москву прибываем?

От ответа хозяйки вагона мне стало не по себе:

- Завтра, примерно в шестнадцать часов. Вообще-то, должны в полчетвёртого пробить, но всегда опаздываем, так что не беспокойтесь – времени у вас много. Мимо не проедем, - и рассмеялась.

- Ох, ничего себе! Так вроде восемьдесят часов всегда поезд шёл, а тут больше суток выходит? – изумлённо спросил я.

- Что вы! Мы всегда так идём. Вы, на-

верное, к «Красной стреле» привыкли.

Я немного огорчился и тут же решил, что всё к лучшему. Завтра не попрусь на работу, ну её в болото. Один чёрт, все мои сотрудники бездельничали на праздники. А вслух сказал:

- Точно. Ну и ладно, всё равно ничего уже не сделаешь, будем радоваться тому, что вагон пустой, колеса стучат.

Марина Анатольевна улыбнулась:

- Да, молодой человек, вам не повезло, а я всегда на этот поезд билет беру. Сажу и смотрю в окош-

ко. Вспоминаю детство.

Проводница смутилась и, пожелав хорошего пути, попросила:

- Вы, если чего надо, стучитесь, хоть в дверь, хоть в стенку, а то тут тоска смертная. Я одна, даже без напарницы. Чаю сделаю, а если перекусить или основательно подкрепиться захотите – организую. Чем ещё в дороге можно заниматься? Поесть, поговорить и подремать, конечно. В вагон ресторан ходить не советую, опасное это дело.

Получив в ответ искренние улыбки,

она вышла, оставив дверь приоткрытой.

Попив чаю с добытыми из сумки спутницы домашними печенюшками, мы разговорились. Так обычно бывает в поездах дальнего следования, люди легко сходятся, рассказывают о себе очень много того, чего никогда не поведали бы даже хорошим знакомым, и расходятся, не обменявшись адресами или телефонами.

Закончив очередное печенье, я внимательно посмотрел на случайную спутницу и осторожно спросил:

- Марина Анатольевна. Извините, если вопрос бестактным покажется. Вы ведь явно были ребёнком во время войны, а одна медаль у вас боевая. Как так случилось?

- Да, вы, молодой человек правы, - тонно учительницы младших классов, ответила она, - действительно мне ещё не было пятнадцати, когда начались первые бомбардировки Ленинграда.

Отставив в сторону стакан, Марина Анатольевна продол-

жила:

- Сколько раз я тут проезжаю, столько раз вижу то, что было за окном в августе сорок первого, когда нас, детей из детдомов Ленинграда вывозили последними эшелонами через Мгу, Волховстрой и Вологду на Урал. Это было ужасно и страшно.

Я устроился поудобнее и приготовился слушать. Она это поняла, и тоже откинулась на спинку. Положив руки на колени, пристально посмотрела на меня и спросила:

- История это длинная и тяжёлая. Вам, правда, интересно?

- Да, войну я, слава богу, не видел. В книжках всё очень красиво описано, но ясно, что в жизни было совсем не так. Мне очень интересно. Тем более что вы явно умеете рассказывать, - я улыбнулся.

- Однако, - проговорила она и задумалась, - а как вы думаете, кем я работаю?

Вопрос был абсолютно неожиданным и показался неуместным, но заставил задуматься. В голове промелькнуло: «А ведь и

правда, от того, кем я вижу собеседника, зависит восприятие его рассказа». Почесав абсолютно не чесавшуюся голову и посмотрев сначала в окно, а потом на дверь купе, я решился:

- Вы знаете, я могу ошибаться, но мне показалось, что вы похожи на учительницу.

Она слегка наклонила голову, с интересом посмотрела на меня, и я продолжил:

- Вы говорите чётко и громко, так говорят учителя, чтобы их услышали. Вы одеты в идеально выглаженный костюм, хотя из дома уехали очень давно. По крайней мере, пару недель назад. Вы держите голову прямо и даже слегка назад, как женщины на старорежимных открытках, поэтому мне кажется, что вы не рабочекрестьянского происхождения.

Закончив речь, я немножко испугался своей прямолинейности и опустил глаза. Марина Анатольевна рассмеялась:

- Удивительно, но ни одной ошибки вы не допустили. Это поразительно. Чутьочку

промахнулись – не учитель, а воспитатель в детском доме, но это почти одно и то же. Я не ожидала. Позвольте мне попробовать?

- Давайте! - улыбнулся я в ответ.

- Мне кажется, что вы имеете хорошее образование и занимаетесь научной работой. Скорее всего, какой-то техникой, я в этом ничего не понимаю, просто чувствую. Судя по уверенности в себе, вы не рядовой инженер какого-то НИИ, а руководитель лаборатории или отдела. Я права?

- Вот это да! Вы угадали. Хотя как, я не понимаю. Странно, Почему вы так думаете?

Я критично осмотрел себя и понял, что выгляжу тем ещё бомжаком. Толстенный свитер в духе Хемингуэя, изрядно помятые брюки. А про причёску, подобную вороньему гнезду и клочковатую бороду лучше не вспоминать. Чемоданом мой багаж назвать трудно, а портфель на вид готовился встретить четвертьвековой юбилей.

- Просто большой жизненный опыт. И свитер вполне симпа-

тичный, хорошей ручной работы, не смотрите на себя так скептически.

Я довольно фыркнул. Мне нечего было сказать, поэтому я решил вернуть разговор к самому началу:

- Марина Анатольевна, вы только не думайте, что пристаю с вопросами со скуки. Мне, правда, интересно, за что девочка из детдома получила боевую медаль. Но если не хочется рассказывать, то не надо. Это я так.

Она улыбнулась, пригладила идеально лежащие волосы и повернулась к окну. Казалось, что она ждёт какого-то момента для начала разговора. Мы медленно ползли по пригородам Ленинграда среди тоскливых лачуг садоводов и огородников. Совсем недалеко уже была Мга. Среди избышек показались развалины водонапорной башни. Марина Анатольевна оживилась и показала рукой на них. Голос изменился, появилась грусть:

- Посмотрите, вот тут мы простояли пару суток. Воду брали прямо у башни с раздатки.

Страшно было бегать, поезд мог тронуться в любой момент. А вода нужна. У нас в вагоне было почти полсотни маленьких детей. Самому младшенькому пять лет в дороге исполнилось.

- Когда это было? Ведь Ленинград очень быстро попал в блокаду, - поинтересовался я, сожалея, что плохо знаю историю.

Марина Анатольевна отвернулась от окна и начала рассказ. Говорила она чётко, красиво, чувствовалось, что делала это не в первый раз. Паузы были уместные, и вообще, слушать было очень интересно.

- Нас отправили одними из последних – в августе сорок первого. Выделили несколько вагонов в составе, который загнали на ветку завода, который эвакуировали за Урал. Там из вагонов выкинули сиденья и поставили широкие грубые лавки вдоль стенок, чтобы можно было класть матрасы. В углу даже прикрутили небольшую печку, которая нас спасала от холода и голода за два месяца дороги. Из детдома мы забрали мат-

расы, одеяла, подушки, да по паре комплектов простыней. Железные миски, кружки и ложки каждый имел свои. Немного тёплой одежды, ну собственно вот и всё. Ах, да, конечно же, почти у каждого была с собой любимая игрушка.

Нам сказали, что будем ехать до Вологды несколько дней, а там нас примут и отправят дальше за Урал в тамошние детдома. Поэтому дали с собой провизии только на пару дней. Уже тогда, даже детям было ясно, что скоро в городе будет голодно и холодно. Воспитатели и учителя прощались с нами под мелким ленинградским дождём и тихо плакали. Большая часть из них осталась работать в госпитале, который уже развернули в нашем детдоме. Раненых тогда привозили очень много, едва места хватало.

Она замолчала, вспоминая события того времени. Я понял, что пауза затянулась и спросил:

- А взрослые были в эшелоне?

- Нас, старших в вагоне было всего

двое – я и семнадцатилетний мальчик Андрейка, с большой ногой, которая не гнулась с детства. Ну и полсотни детишек от пяти до тринадцати лет, - вздохнув, продолжила собеседница:

- От детдома с нами на пять вагонов детей была только одна воспитательница, очень старенькая и слабенькая. Она везла все наши документы. Каждый день на стоянках бабулька проходила по вагонам и писала в толстую тетрадку отчёт о происходящем. Помочь она не могла ничем, разве только добрым словом, за что её мы очень любили. Только вот отчёты были страшные. Почти каждый день кто-то из детей умирал. В соседнем вагоне было совсем плохо. Тиф, о котором в стране забыли со времён революции, выкосил три четверти мелюзги. Лекарств не было никаких. Еда закончилась на третий день. Из-за опасности эпидемии нам настрого приказали закрыть переходы между вагонами и не допускать контактов между де-

тишками. Это было очень и очень трудно. Но шла война, и дети научились исполнять приказы.

Мне стало неудобно, почему-то картинка представилась в серых полутонах как хмурое ленинградское небо за окном. Пустые дома вдоль путей, полустанки и вагон набитый такими же хмурыми детьми.

- А почему же вы так долго тащились, ведь расстояния до Волховстроя и Вологды от Ленинграда совсем небольшие?

- Так мы почти все время стояли, чаще всего в поле или в лесу. Пропускали на полустанках встречные с солдатами и пушками в Ленинград. Состав наш был очень длинный, а станции, сами видите, до сих пор коротенькие. На остановках мы оказывались очень далеко от станции и водокачки. Денег, естественно не было, и купить продуктов мы не могли. Изредка нам подкидывали на станциях картошки и крупы. Несколько раз на полустанках бабушки приносили парное молоко, которое мы разбавля-

ли, чтобы хватило всем. Добирали ягодами и грибами. Только собирать их было очень сложно. Поезд мог тронуться, а остаться в лесу или на болоте было страшно.

Конечно, времена были не те, трогался состав очень тяжело. Сначала машинист давал несколько гудков. Потом паровоз сдавал назад с жутким скрежетом и, только потом, поезд начинал движение.

- Все вместе собирали дары природы? – улыбнулся я.

- О! Как только поезд останавливался, мы все выбегали на поиски съестного. Не брезговали лягушками, кузнечиками, да вообще любой живностью, которую можно было поймать. В вагоне сортировали добычу. Из живности, жучков-паучков и грибов варили супчик, а ягоды делили поштучно.

- Да уж, - отозвался я, почувствовав, что рассказчица устала от воспоминаний.

- Я понимаю вас. Даже слушать о таком в наше время трудно. Но ведь получилось же! Зато у нас никто не умер от голода и

болезней. Ох и тяжело нам с Андрейкой доставалось. Он совсем болезненный и худенький был. Вечером просто падал и спал в дальнем конце вагона, даже иногда поесть не мог от усталости. А на мне ещё была печка. Ночи были сырыми, холодными, вот и приходилось потихоньку поддерживать огонь, благо дров было сколько угодно. Топить приходилось очень осторожно. Нас предупредили, что от одной искры вагон сгорает за три минуты, а потом обязательно загорится и следующий за ним. Машинист при такой длине состава ничего не увидит, а если и увидит, то будет поздно. Так что по ночам спала урывками, караулила печку, особенно на ходу.

Она замолчала и снова повернулась к окну. Я молчал, да и что можно было сказать.

Показав рукой на полустанок, мимо которого мы проехали без остановки, она продолжила рассказ:

- Вот тут мы простояли несколько дней. Впереди, через

несколько километров отсюда, большая станция, там прямо перед нашим прибытием немцы разбомбили два воинских эшелона. Дорога встала, железнодорожники растаскивали завалы днём и ночью. Бомбардировщики с крестами пролетали над нами дальше на восток и бомбили застрявшие эшелоны. Не боялись, летали низко, чувствовали себя хозяевами.

- А вас не бомбили?

- Ни разу. Не считали нужным бомбы на нас расходовать. Знали они, кто и что идёт на восток. Допустить мысль, что демонтированные заводы можно будет собрать и что-то путное производить, они просто не могли. На вагонах с детьми были ещё и полотна с красным крестом.

- Дети пугались самолётов или привыкли? – чтобы продолжить беседу задал я идиотский вопрос.

- Нет. Нет, - она покачала головой, - к этому привыкнуть нельзя, по-моему. Смотрели с недетской злостью, сжав кулаки и губы, на проходящие

эскадрильи и говорили: - «Вырастем, станем лётчиками и всех вас перебьём».

А вот по ночам маленькие дети часто кричали, метались, приходилось брать к себе и успокаивать, поить тёплой водой, а потом отправлять в постель. Сказывался испуг от тех первых ленинградских бомбардировок.

- Эх, ну и ну. Я никогда не думал, что эвакуация проходила так тяжело. Скажите, Марина Анатольевна, а почему только вам удалось сберечь всех детей.

- Не только своих, но ещё и несколько совсем маленьких, сбежавших к нам из других вагонов, несмотря на запреты. Наша бабушка никак не могла понять, почему у нас к Вологде стало больше детей, чем в начале. Но ведь не могли же мы прогнать умирающего с голода ребёнка. Одни глаза, как в кадрах из концлагерей. По два-три дня лежали, не могли шевелиться, потом потихоньку оживали.

- А почему у других было так плохо? -

картинка стояла у меня перед глазами и вызывала тоску и даже лёгкую тошноту.

- Увы, где-то болезни, где-то старшие вагонов оказались слабаками. Как мы с Андреейкой выдержали, я до сих пор не понимаю. Каждый день утром казалось, что новый день не переживу, но вставала. Вот так мы и доползли до Вологды. Там нас отцепили, забрали совсем слабеньких в больницу. Остальных подкормили, помыли и отправили дальше - на Челябинск. Детей переформировали, но наши отказались куда-нибудь переходить. Никто и не настаивал, на самом деле. Эти три дня были для нас курортом. Провизии дали достаточно, да и нельзя нам было много кушать, опасно ведь после такой голодухи.

Когда приехали на место, нас определили в здание казармы, наспех переоборудованной под детдом. Персонал заранее набрали из местных бабушек. Начиналась новая жизнь.

А я, как легла вечером в нормальную постель, так и очну-

лась, но только в больнице через три дня, сказалося перенапряжение. С Андреейкой было намного хуже. Он больше месяца провалялся, ногу чуть-чуть не пришлось ампутировать. А я за пару недель в себя пришла. Женщины она живучие, не то что ваша порода, - и рассмеялась.

Мы сидели наверно с полчаса молча. Как ни странно, устали оба. Очнулись, услышав скрежет открывающейся двери и бодрый голос проводницы:

- Уже вечер, а вы сидите, не выходите, чаю не просите. Я уже забеспокоилась. Может быть, поужинаете? Я организую. Это недорого.

Мы дружно посмотрели на сумку, которая оказалась практически пустой. Потом также синхронно перевели взгляд на проводницу и закивали головами. Это вызвало у неё приступ жизнерадостного, совсем необидного, смеха. Тут уже и мы рассмеялись, представив, как это выглядит со стороны. Поставив на стол чайник, она ис-

чезла.

- Удивительная у нас хозяйка, - заметил тогда я, - появляется со страшным грохотом, а исчезает абсолютно бесшумно.

Марина Анатольевна рассмеялась в ответ. Когда мы пришли в себя и прогулялись по вагону, появилась наша ангел-хранитель с двумя тарелками, на которых было картошка, кусочки мяса, огурчик и какая-то травка. В полотенце были завернуты крупно нарезанные куски хлеба. Поставив перед нами ужин, она достала из кармана две хороших, вовсе не общепитовских ложки, и положила в тарелки. Сделав шаг назад, женщина посмотрела на стол наклонив голову влево, потом вправо и, не найдя огрехов в сервировке, слегка похлопала в ладоши:

- Угощайтесь. Если чайник остыл – подогрею. Что может быть лучше хорошего ужина под стук колёс, - улыбувшись своему красноречию, гордо приосанилась проводница.

- Ой-ой, не надо греть, всё прекрасно, - сказал я, - Сколько нас?

Сумма, которая она назвала, оказалась мне подозрительной:

- Хозяюшка, так не бывает. Любые помы в вагоне ресторане вдвое дороже. Что-то здесь не так, - и улыбнулся, доставая кошелек.

Она испуганно осмотрелась вокруг и попросила:

- Вы только никому не говорите, пожалуйста. У нас ведь зарплата маленькая, жульничать я не научилась, потому на этом поезде и работаю. Домашнее всё, вкусное.

- Да не переживайте, мы никому не скажем, - чётко вступила спутница, - вот возьмите денежки.

- Э, нет, так не пойдёт, - возмутился я, чем перепугал проводницу донельзя. Она даже присела на лавку.

- Марина Анатольевна! Мы съели все ваши припасы, а теперь вы ещё хотите, чтобы джентльмен отказался оплатить ужин?

Марина Анатольевна покраснела, а хозяйка сразу успокоилась и рассмеялась от души:

- Ну, вы меня и напугали. Так же нель-

зя, я чуть не померла, а у меня внуки только-только подрастать начали.

- Ой, как здорово, и у меня внучата бегают, - в том же стиле продолжила Марина Анатольевна и мягко коснулась руки проводницы.

Та опомнилась, встала, пожелала приятного аппетита и, забыв про деньги, выскользнула из купе. Я подумал тогда: «Надо же – бабушки всегда найдут общий язык».

Мы с удовольствием поели, я положил денежки на столик между тарелками и постучал в стенку. Для тех, кто не в курсе – первое купе отделено от купе проводника тонюсенькой стенкой. Почти мгновенно появилась улыбающаяся хозяйка. Она молча забрала посуду и денежки. Уже стоя в дверях, осторожно спросила:

- Утром будете завтракать? Или в ресторан пойдёте?

- А мы у вас все съели? - спросил я удивившись.

- Нет, ни в коем случае. Ещё на пару раз есть. Курочка и котлетки с лапшичкой.

Мы перегляну-

лись и дружно кивнули головами, не в силах сказать ни слова, так это было смешно и мило.

На улице стемнело. Наш поезд полз еле-еле, останавливаясь на каждом полустанке. Мы видели, что на платформах кучковались люди с баулами и сумками. Но садились и выходили только из плацкартных вагонов, которые традиционно шли во второй половине состава. В первых вагонах было пусто и тихо. Марина Анатольевна смотрела в окно, а я привычно задремал и очнулся, услышав шуршание. Оказалось, что за окном уже начало светать, а мы уставшие от суеты и разговора проспали сидя больше шести часов.

Моя попутчица выглядела измученной после такого отдыха, да и мне было некомфортно, ныла спина и шея. Размявшись и умывшись, мы решили не беспокоить проводницу и просто набрать кипятка в титане и доварить вчерашнюю заварку. Однако она учуяла наши перемещения, и появилась в дверях с новым чайником, в котором плеска-

лись свежезаваренные чайники.

- Ой, да что же это! Вы даже не прилегли. Разве так можно. Ещё целый день ехать, можно вдвоём наговориться, - запримечала она, забрала остывший полупустой чайник и незаметно вышла.

- В этот раз удивительно спокойно едем, - отметила Марина Анатольевна, - в прошлом году военкомат взял два вагона для призывников и тут такое творилось! Мальчишки, как будто последний день жили, так резвились.

- Да уж. Только почему в купе, обычно в плацкарте такое происходит.

- В плацкарт на этот поезд билетов днём с огнём не сыщешь, все заранее бронируется, - усмехнулась моя попутчица, - вон посмотрите сколько народа на каждой станции ждёт посадки.

- А вы что-то в окно перестали смотреть, - спросил я, прихлёбывая горячий душистый чай с сахаром.

- Та мы сошли с того маршрута, по которому шёл эшелон в сорок первом. Всё просто и грустно. Два ме-

сяца тогда и меньше полусуток сейчас, вот как получается.

Мы затихли. После очередной остановки я поинтересовался:

- Марина Анатольевна, вы извините, если чего не так, а как вы оказались в детдоме.

- Да нет, всё так. Дело не во мне, а в родителях. Времена такие были, знаете, наверное.

Я вздохнул:

- Знаю, очень хорошо знаю. Они были врагами народа?

- Да, и шпионами. А кем они могли быть? Оба моих деда служили офицерами в царской армии. Яблочко от яблоньки, такая была в то время при-сказка.

- Я вас понимаю, моя семья тоже сильно пострадала. Да и мне досталось, как-никак, внук врага народа, сын врага народа. Ваших родителей забрали в 37-ом?

Она замолчала и отвернулась к тёмному окну, а когда пришла в себя, я снова увидел уверенную в себе учительницу. Она вздохнула:

- Произошло всё так быстро, что ни я,

ни мой младший брат ничего не поняли. Ночью суета, какие-то люди ходили по квартире, топали сапогами, а утром нас посадили в машину и развезли по разным детским домам. Больше мы никогда не виделись.

- А потом, после войны и реабилитации, вы нашли брата?

- Конечно, яшла всех, переворошила архивы, хотя это было страшно трудно. Спасибо райком партии помог, запросы шли на бланках с гербом. Только вот вместо папы, мамы и братика я в шестьдесят пятом получила справки с номерами захоронений на кладбищах в разных концах страны. За пятнадцать лет я по паре раз побывала в гостях у моих родных, договорилась, чтобы присматривали за могилками. Мне в райкоме обещали помочь перенести их на кладбище под Ленинградом, где покоятся мои бабушки и дедушки. Но это очень сложно, надо собрать ещё полпуда бумаг. Наверно года три уйдёт, может больше. Ничего, спешить некуда.

Она замолчала, мне сказать было нече-

го, да и зачем? Сказать, что не всем детям врагов народа удалось узнать даже тридцать лет спустя, где поятся их предки? Лишнее это.

Так мы сидели в тишине наверно с полчаса. Вернула нас в реальность, появившаяся каким-то удивительным теплом, проводница с двумя уже знакомыми тарелками. Расставив принесённые яства на століке, она гордо подбоченилась и спросила:

- Я правильно сделала, что с утречка котлетки подогрела?

Мы радостно закивали в ответ.

- Кушайте, если надо я чайничек обновлю, и, убедившись, что мы вышли из состояния транса, удалилась.

Как только мы взяли в руки ложки, из щели между столиком и окном вылез здоровый рыжий таракан с огромными усами и деловито направился к тарелке Марины Анатольевны. Она постучала ложкой по столу перед самым носом у прищельца и посоветовала ему покинуть стол, иначе у него могут возникнуть круп-

ные неприятности. Видавшее виды насекомое спокойно развернулось и в том же темпе удалилось в свою щель. Мы развселились и не спеша с удовольствием позавтракали.

Как обычно, после еды я сладко задремал, не меняя позы, а Марина Анатольевна сидела тихо и думала о чём-то своём. Вернуло к реальности меня движение по коридору. Сбылось, к нам в вагон подсели первые попутчики, которые прошли в середину и там обосновались. До Москвы оставалось часа четыре, и мы снова разговорились.

После пяти минут ничего не значащих фраз, я спросил:

- Марина Анатольевна, а как потом то сложилась жизнь?

- Вы знаете, совершенно обычно. Когда я выписалась из больницы, меня тут же забрали в детдом, но только уже не ребёнком, а воспитателем младшей группы с небольшой, но вполне ощутимой по тем временам зарплатой. Ох, как мне было приятно работать с малявками.

Я чувствовала себя взрослой и нужной. Жила вместе ними, кушала вместе, вообще никуда от них не уходила. Ухаживала, если кто заболел, а это было часто.

Где-то была война, но я про неё забыла начисто. И так прошло целых три года. Это было замечательное время, хотя и очень трудное. Ближе к концу войны стало намного хуже с обеспечением и едой. Всё, что можно, отправляли в освобождённые районы. Там было вообще пусто. Изредка к нам привозили доукомплектовывать детдом детишек с запада – это был кошмар. Они были не только истощены, но и пугались всего на свете. С ними было очень трудно работать. Но когда они отходили и оживали, мы понимали, что мучились не зря.

Она остановилась, как после пробежки. Я покачал головой и попросил продолжать, если она ещё не очень устала.

- Ну, так вот, война закончилась, а эшелоны шли мимо. Мы смотрели на них из

окон детдома и не понимали, что происходит. Только потом мы узнали – война переместилась на восток. Вот так бывает, - неожиданно сказала она.

- А что стало с Андрейкой? Он ведь выздоровел?

- Да, конечно. Сразу после больницы его взяли на завод. Он оказался очень толковым и освоил работу токаря буквально за неделю. Ему давали самые сложные детали. Только здоровья не было, увы. Работать ведь приходилось под навесами. Ветер, холод и плохонькое питание добились его. Сначала думали, что простудился, а потом поняли - туберкулёз. Сгорел за несколько месяцев. Очень мы плакали, все его очень любили. Нам начальство даже автобусы выделило, и мы всем ленинградским вагоном были на его похоронах.

- Жалко парнишку. Скажите, а ему тоже медаль дали?

- Конечно, но только очень поздно. После войны. У него не было вообще никакой родни. Мы добились, чтобы его ме-

даль передали в детский дом, и она у нас висит на доске почёта до сих пор.

- А вы, ведь уже бабушка. Как с такой работой удалось устроить свою жизнь. Только, пожалуйста, если не хочется, не отвечайте, - спросил я и подумал: «И чего я пытаю немолодую женщину всю дорогу?»

- Ой, да что вы! Совершенно нормальный вопрос. Я ведь говорила, что после отправки на фронт воинской части, которой принадлежал военный городок, казармы отдали для нашего детдома и госпиталя, где долечивались раненные. Так вот ходячие офицеры считали своим долгом придти к нам поиграть с детьми, ну помочь по хозяйству. Один из них и стал моим мужем. Его вчистую комиссовали по инвалидности, и он сразу после выписки пришёл к нам работать. Нам дали малюсенькую комнатку в пристройке. Это было удивительно хорошее время. Так мы вместе и работали несколько лет. А потом он умер,

сказались раны и перегрузки, полученные на фронте. Такая судьба была у очень многих солдат и офицеров, прошедших тяжелейшую войну на одном дыхании. И жён фронтовиков... Врачи мало что могли сделать в те времена, да ещё вдали от Москвы или Ленинграда.

Зато у меня остались двое прекрасных детей – мальчик и девочка. Сейчас они уже взрослые, примерно вашего возраста. У них хорошие красивые детки. Мои внуки, - с удивительной нежностью проговорила Марина Анатольевна и засуетилась.

Через минуту из, казалось, пустой сумки она достала альбомчик, в котором были фото внуков. Фото меня не вдохновили, но я их вежливо просмотрел, и сказал несколько дежурных фраз, приличествующих подобной беседе. Спутница почувствовала неискренность и рассмеялась:

- Ничего, ничего, станете дедом, тоже будете восторгаться, подождите. Вы, кстати, наверно уже поняли, почему я не называю вас по имени? – с

грустью в голосе спросила она.

- Кажется, да. Ваш муж на фотографии - он очень похож на моего отца тех послевоенных времён.

- Верно, и звали его как вас. Надеюсь, что вам не обидно.

- Ни в коем случае, боже сохрани, - искренне ответил я.

Мы ещё немного поговорили о пустяках, погоде в Москве и Ленинграде, а потом я не выдержал и спросил:

- Марина Анатольевна, а скажите, как вам, дочери врагов народа выдали медаль, да ещё такую серьёзную. Или это произошло в шестидесятых, как например, у моего отца?

- Это целая история, молодой человек. Когда готовили к отправке эшелон, меня позвала к себе наша директриса. Она посадила меня перед собой, налила полстакана киселя – это было знаком внимания в то время, и сказала: «Девочка, я хочу тебя поставить старшей в вагоне с маленькими детьми. Но я не имею права этого делать. Ты понимаешь почему?». В те времена пятна-

дцать – это, как сейчас, восемнадцать, а то и двадцать. Обстоятельства помогли мне рано повзрослеть, и я прекрасно понимала, что к чему.

Она предложила мне временно забыть о том, кто были мои папа и мама. В мою папочку она вложила справку о поступлении в детдом недавно умершей девочки, где было написано, что родители не установлены. Я не хотела так, но она объяснила свои действия так: «Мариночка, ты уже большая и умная девочка. Почти взрослая. Я не предлагаю тебе отказаться от родителей. Боже сохрани. Я прошу тебя не говорить никому ни слова о том, кем они были, пока не придёт время. В справке будет написано, что фамилию и отчество тебе дали по выбору комиссии, а сама ты ничего не вспомнила. Такое в десять лет возможно. Пойми, я хочу, чтобы ты взяла на себя ответственность за детей, которым никто не поможет в дороге». Ну, я и согласилась. Я понимала, что с ней могут поступить так же, как и с моими родителями,

если вскрыется обман.

- Удивительно, как она решилась на такое, - помолчав, сказала я.

- Мне в жизни повезло, наверное. Я почти всегда была среди хороших людей. Представьте себе, в конце пятидесятых, меня рекомендовали в партию. Я не хотела никого обманывать, и пошла на приём ко Второму секретарю райкома. Он курировал наш детский дом, и я легко попала к нему в кабинет. Там я честно рассказала о своих родителях и обмане, который был в документах. Он посмотрел на меня, как на сумасшедшую, а потом дал листок и сказал: «Сядьте в приёмной и запишите все, что можете вспомнить. Потом найдите ко мне».

Представляете, моё состояние? Но я собралась с духом и, сев за столик напротив секретарши, за час описала своё детство. Вышло полдюжины страниц исписанных мелким почерком. Когда я положила их на стол Второго, то чуть не умерла от страха. Он же спокойно и быстро прочитал напи-

санное, закурил и вызвал помощника. Дальше - как в тумане. Помощнику была дана команда - запросить документы в архивах по родителям и брату. Запросы ушли буквально на следующий день. Правда ответы пришли через несколько лет - это да. И вот, что меня потрясло. Он вызвал секретаршу и распорядился подготовить рекомендацию в партию от его имени. Это было для меня непостижимо, и я расплакалась как ребёнок прямо в кабинете.

Приняли меня, конечно, единогласно. Вот такие были времена. Сейчас намного формальнее и проще. Да вы наверняка это знаете, - с лёгкой усмешкой закончила она.

- Конечно. Я в курсе. Очень хорошо понимаю, что рекомендация Второго секретаря - это серьёзно. Решительный и сильный наверно был человек.

- Почему был? Он и сейчас работает. Уже в обкоме. Замечательный человек.

Марина Анатольевна посмотрела в окно и ахнула:

- Слушайте, мы же почти приехали.

Давайте рассчитаемся с проводницей и достанем чемоданы. Меня должны встречать, надо успеть причесаться.

В суете прошли десять минут. Мы едва успели проститься, как Марину Анатольевну с шумом и радостными возгласами вывели из вагона и утащили несколько женщин - на вид её ровесниц. Меня никто не встречал, и я тихо пошёл в метро.

С тех пор прошло больше тридцати лет, но встреча осталась в памяти. Время погасило эмоции - и это верно. Вероятно, что-то забылось. Возможно, я допустил небольшие ошибки в повествовании. Но воспоминания о событиях и испытаниях, через которые прошли дети давно закончившейся войны, я постарался передать. От того, как мы видим прошлое - зависит наше будущее. А настоящее - ну так мало что изменилось с того времени. Войны начинают одни, а страдают другие, в первую очередь дети. Так было и есть. Возможно, что в будущем что-то изменится к лучшему.

Автор: Евгений Парушин

Короткий зимний отпуск

Глава 1

Накануне передали, что ночью в Иерусалиме пойдёт снег. Аня волновалась:

- Как же ты доберёшься до Бен Гуриона? Вылет в 10 утра...

Он задремал, а она несколько раз за ночь вставала, смотрела в окно, потом вышла к маме. Ложилась, шепнув ему, что снег пока не пошёл.

Не пошёл снег и утром, всё обошлось. Самолёт вылетел вовремя, пересёк Средиземное море и, поблуждав слегка в восходящих потоках, благополучно приземлился.

Получив багаж, Давид взял такси и отправился за город, в зону фешенебельных гостиниц.

В «Дельфине» он отдыхал уже не первый раз. Красный красавец корпус был виден издали. Вестибюль, несмотря на зимнее время года, был полон. В основном немцы, в неизменных костюмах, хватало и шумных израильтян, своих Давид узнавал издали и сразу. Заре-

гистрировавшись, получив карточку от входной двери, банные халат и тапочки, поднялся в свой одноместный номер. На полу бордовый палас, шёлковое покрывало на широкой кровати в тон - всё с логотипом «Дельфина».

Десять дней отдыха, тишины и безделья. Приняв душ, распаковал вещи и спустился в Спа. В бассейне было практически пусто. Несколько пар в тёплых куртках и кофтах сидели за столиками со стаканами сока, коктейлями и тихонько переговаривались.

На табло высвечивалось: « Air temperature: 16, water temperature: 29 " *

Нырнув, Давид добрался до гидромассажного душа, постоял, подставляя спину и ноги, ощущая, как расслабляются мышцы под сильным напором воды, поплавал полчаса энергичным кролем и, быстренько закутавшись в халат, отправился в турецкую баню.

Вернулся в номер уставшим, попил горя-

чего чаю и, решив не идти на обед, задрнул шторы и уснул.

Проснувшись, сразу не сообразил где он, таким крепким был сон. Шесть часов! Ничего себе поспал! Чувствовал себя отдохнувшим, посвежевшим и умирающим от голода. До ужина оставался час. Как раз, чтобы побриться и умыться. Давид подумал было надеть костюм. А что? Рыжеватый блондин, узкое лицо, тонкий нос, вполне сойдёт за арийца. Но, облачившись в белую рубашку, тёмные брюки и новый пушистый бледно голубой пуловер, спустился вниз. Лифты в гостинице открыты. Видно, что внизу народу поубавилось, все отправились в рестораны, а те, кто уже успел насытиться, сидели в лобби, попивая алкогольные и безалкогольные напитки и слушая музыку.

Давно отошли в прошлое те дни, когда он загружал подносы неподъёмным количеством разнообразной еды. Давид любил местную кухню, но для

этого нужно заранее записаться в турецкий зал. Он успеет это сделать завтра.

Сейчас вполне сойдёт суп, тушёная баранина, рис, овощи. На десерт чёрный турецкий чай и маленькое пирожное. Поглощая с аппетитом вкусную еду, Давид думал, чем заняться после ужина и что уснуть ему будет нелегко. Он и представить не мог, что ожидает его этой ночью.

Сытый и умиротворённый, Давид отправился в лобби. Усевшись в удобное кресло и отогревая в руке бокал с коньяком, Давид огляделся по сторонам. В полумраке на маленькой сцене играли два музыканта и стройненькая черноглазая певица на хорошем французском пела:

Padam...padam...padam...

Il arrive en courant
derrière moi

Padam...padam...padam...

Давид заметил в углу одинокую коротко стриженную женщину, сидящую в профиль. В таком освещении трудно было определить сколько ей лет, но явно не девочка. На

ней был надет точно такой пуловер, как у него. Он усмехнулся: «Женщины воруют у нас всё: причёски, брюки, рубашки, а теперь и свитера. Они успешно работают, занимаются всеми мужскими видами спорта, отбивают наших любовниц и скоро научатся обходиться без нас. Увы, увы...»

Словно почувствовав его взгляд, она развернулась в кресле. Давид угадал, ей явно тридцать с хвостиком. V-образный глубокий вырез выставлял на обозрение умело приподнятую, наполовину обнажённую грудь. Она не отвела взгляда, взяла со стола фужер с чем-то тёмным и, приподняв, протянула в сторону Давиду. По губам Давид прочитал: «Лэхаим!» Они выпили до дна и Давид кивнул ей, указывая на выход.

Женщина поднялась с места. Она сидела ближе к двери, Давид шёл за ней, любуясь её фигурой со спины. Прямая спина, крепкие бёдра, обтянутые тонкой тканью юбки, красивые стройные ножки. Войдя в лифт, Давид нажал на седьмой этаж. Подняв-

шись и войдя в комнату, они начали раздеваться и рухнули на постель, так и не сказав друг другу ни единого слова...

Глава 2

Проснувшись утром, Давид ощутил тепло её щеки на плече. Женщина спала.

В коротких перерывах между сексом, соединившим их ночью, они успели познаться. Зовут её Элла, прилетела из Тель Авива вчера на час раньше Давида. Возвращаться будут вместе, одним рейсом.

Давид мучительно вспоминал, когда в последний раз спал с женой, но так точно и не вспомнил. Он никогда не был заядлым «ходоком по бабам», а если что-то и случилось, то лишь по их инициативе. Давид не подозревал в себе такой прыти, но эта женщина возбуждала его вновь и вновь, заставляя погружаться в объятиях, доводить до сумасшедшего оргазма. А он давно не юнец. В этом году сорок пять стукнет.

Она пошевелилась и открыла глаза. Чёрные ночью, серо-

голубые сейчас, в них плескалось холодное зимнее море. Тушь вокруг слегка размазалась, женщина казалась томной и уставшей от ночных забав.

- Я в душ, - поднявшись и нисколько не стесняясь своей наготы, Элла отправилась в ванную. Давид лежал, закинув руки за голову.

... Они с Аней поженились по любви. Давиду и в голову не приходило изменять жене. И всё-таки изменил. Хотя тот, первый раз, и изменой назвать трудно.

В марте 1990 года Давид с Алёшей отправились в Москву за выездными визами. Алексей - муж младшей Аниной сестры

Миланы. Остановились они, как обычно, у Романа, одноклассника и друга Давида. Ромка в своё время женился на москвичке, но спустя два года жена его бросила, найдя мужчину побогаче и посolidнее. А квартира осталась Ромке - откупилась...

Жил Роман в запущенной «двушке» недалеко от станции метро «Динамо». Он приехал за ними на вокзал, идти в посольство было уже поздно, решили посидеть и встречу обмыть, как положено. Дома у друга Давида ждал сюрприз: на кухне хлопотала их бывшая одноклассница Зоя. Судя по запаху, жарила картошку. В ответ на во-

просительный взгляд Давида, Ромка прошептал:

- Ничего такого, Зоя дама замужняя. Позвонил, что ты приезжаешь, она и напросилась в гости.

Зою Давид недолюбливал ещё со школьных времён. Он влюбился в её подружку Олю, та жила одна после смерти мамы. Папа обитал у новой своей зазнобы и домой заявлялся редко. Давид приходил вечером к Оле в гости, мечтая, как сядут рядышком на диван, он возьмёт её за руку, а если очень повезёт, поцелует в щёчку. Но не успевал переступить порог, тут же, как евнух в гареме, заявлялась чёртова Зойка. Ох

и злился на неё бедный юноша. Она не оставляла их ни на минуту вдвоём, тенью следуя за ними по пятам.

Пили много, закусывали колбасой и подгоревшей картошкой. Давид помнил, как Ромка кричал Алёше:

- Ты щирый украинэц... Чего ты прёшься в это жидивское государство? Ты что там забыл? Пошли свою Милану куда подальше, ты мужик или нет? Стукни кулаком по столу и, мол, того или я или Израиль.

Алёшка куда-то исчез, а Давид сквозь туман видел, как два Ромки, обняв двух Зоек, скрылись в спальне...

Проснувшись, Давид обнаружил рядом на подушке две белые гладкие женские ножки с розовыми пятками и бордовыми ноготками. Приподнял одеяло. Выше, в соответствии с картинками из анатомического атласа, располагался вогнутый живот с треугольничком, покрытым светлыми кудряшками, худые рёбра, плоская грудь с

розовыми сосками, тощая шея, вздёрнутый вверх острый подбородок.

Он тихо простонал: «Не может быть! А Алёшка где? Неужели он у Ромки в спальне и они того...»

Голова гудела. Похоже, этот заводской гудок разбудил Зойку и она, проснувшись, уселась у Давида в ногах, натянув сверху простыню. Застеснялась... Уж не она ли этой странной ночью кочевала из койки в койку? Вид у неё был беззаботный и невинный.

- Привет! Как спал?

Давид что-то промычал в ответ.

- Вот я тебя всё хочу спросить, ты с Ольгой спал?

И охота ей говорить с утра. Он Ольгу так и не поцеловал. Чтобы отцепиться, Давид кивнул.

- Вот, я так и думала! – Зоя всплеснула руками. – А строила из себя недотрогу.

Давиду стало стыдно за предательство по отношению к своей первой чистой любви, но Зойка тут же заявила:

- Ты как, разо-

мнёмся с утра?

А Давид был никак, её горячий призыв не нашёл ни малейшего отклика в его душе, а индифферентный отросток вяло лежал, отвернувшись на противоположную от Зои сторону, и даже не вздрогнул.

Положение спас выползший из кухни пузатый озабоченный Алёша.

- Кормить в этом доме завтраком кто-нибудь будет?

Не дождавшись ответа, вернулся на кухню и вскоре оттуда донеслись звуки льющейся воды, звон посуды и хлопанье дверцы холодильника.

Зоя натянула на голое тело свитер и джинсы, сунула ноги в сапоги и, снимая с вешалки куртку, крикнула:

- Найдёте мои трусы, выбросьте в мусор. А ты, Довик, зверь!

Пришлось поговорить ей на слово.

... Элла вышла из ванной, рукой взлохмачивая короткие волосы. Без макияжа она выглядела совсем молоденькой.

- Спускайся на завтрак, Давид. Я пой-

ду к себе переоденусь.

Глава 3

После сытного завтрака, любовники, сидя в лобби и попивая кофе, решали, чем заняться дальше.

- Я в Турции первый раз, до этого южнее Эйлата не выезжала. А ты?

- Я уже в Анталии раза три был. Экскурсию заказывать не интересно, повезут тебя для отвода глаз посмотреть на местный водопадик минут на пятнадцать, и бегом на кожаную фабрику, куртки и плащи продавать. Торгуйся, сколько душа пожелает, уступят и без покупки не уйдёшь. Тебе куртка нужна? Мужская, например?

- Это ты так завуалированно хочешь выяснить, есть ли у меня муж? – Элла вздохнула, - нет, мужа нет, но есть четырёх-летний сын. Ты как думаешь, сколько мне лет?

- Ну...у... - не любил Давид эти женские вопросы. Как бы не попасть впросак. Скажешь больше – обидится, дашь меньше – не поверит. – Тебе где-то тридцать

три, тридцать пять. Если не угадал, прости.

- Мне сорок два. Родила поздно, мой ребёнок – аутист в тяжёлой форме. Муж не оказался героем, ушёл. Мальчик пока маленький, ещё терпится, но с годами всё будет ухудшаться. Потому и отдыхаю одна, кто-то должен быть с ним постоянно, бывший муж даёт мне передышку, но его хватает на один раз в году. Он твердит всё время отдай его, отдай... Не могу, пока не могу... Раз пошёл у нас такой откровенный разговор, почему ты один? Холостяк?

- Я женат, только тёща у нас болеет, рак, уже несколько лет. Жена не хочет её никуда отдавать, пока она ещё ходит и голова работает. Стадии ремиссии сменяются у неё стадиями обострения, вот сейчас одна из них.

Они замолчали, окунувшись мыслями в свои проблемы.

- Я тебе завтра устрою экскурсию по Турции.

- Это как? Ангажируешь самолёт?

Давид рассмеял-

ся:

- Секрет, увидишь. Слушай, в Спа идти рано, ещё не переварилось всё это, - он похлопал себя по животу, гулять холодно. Пошли в номер.

Элла лежала на животе, Давид легонечко гладил и массажировал её гибкую упругую спинку и выпуклую попку.

Он печально думал о том, как беспощадно время к людям, особенно тяжело переносят старение женщины. Трудно сказать, чего они больше боятся – смерти или старости. Ещё лет десять и кожа потеряет упругость, обвиснет, вены «украсят» ноги тёмными руслами неведомых рек, а лицо избородится глубокими морщинами... и прощай молодость, привлекательность, обожание мужчин... прощай.

Элла развернулась:

- И почему мы вдруг загрустили? Кажется, я знаю способ, как тебя развеселить.

Давид близко видел её лицо. Маленькая сеточка вокруг глаз, чуть опущенные уголки губ с проре-

зающимися с двух сторон морщинками, предательски наме-чающийся второй под-борок. Но она нрави-лась Давиду, как когда-то юная Анечка, про-сто нравилась со все-ми морщиночками, сеточками и подборо-дочками.

Она обнимает его тёплыми руками и жарко шепчет в ухо:

- Слышь, а давай попробуем что-нибудь новенькое нетривиаль-ное, например...

... За месяц до отъезда Давид с Аней ссорились и ругались до хрипоты:

- Если ты меня в эту Африку с обезья-нами везёшь, то я же-лаю жить у моря, в пяти минутах от пля-жа. Красота! Утром сбегала искупаться, вечером тоже... И бал-кон чтобы был с ви-дом на морской закат. Вот... – она тыкала пальцем в карту... – город Бейрут, чем пло-хо.

- Аня, - Давид устал от всех этих ссор, сборов и неиз-вестности. – Бейрут, дорогая, в Ливане. А Израиль в Азии, а не в Африке, и никакие обезьяны там не бега-ют. Жаль, не слышит

тебя учительница по географии, которая тебе по благу пятёрки ставила. Я объяснял тебе тысячу раз: мне нужно закончить кур-сы, и получить разре-шение на работу. Я ведь зубной врач со средним образова-нием, что в Израиле не признаётся. Курсы в Иерусалиме, ты это понимаешь? Да и брат мой, пусть и двоюрод-ный там живёт. Как ни есть, поможет на пер-вых порах, мы ведь ни языка не знаем, ни фи-га...

Брат помог на первых порах, кварти-ру снял, на машине по министерствам всяким повозил, на ужин пару раз пригласил.

А когда через полгода закончили ульпан*, всё пошло наперекосяк.

Курсы всё не на-чинались. Давид и дру-гие ожидающие обви-вали пороги разнооб-разных Министерств, даже устроили забас-товку под стенами Ми-нистерства здраво-охранения. Наконец им сообщили, что кур-сы будут в Хайфе, платные и объявили сумму, повергшую всех в шок: 14 тысяч шекелей! Где можно было взять такие день-

ги? Похоже, рассчиты-вали на то, что все просто откажутся. Нет, не отказались, каждый устроился, как мог.

Давиду часть одолжил брат, часть он удачно выменял ещё при отъезде, получив деньги за проданную квартиру. Взяли ссуду в банке. К слову, брату он давно вернул всё до последней агоры**.

В Хайфе сняли четырёхкомнатную квартиру на семерых: четверо мужчин и три женщины. Женщинам отдали самую боль-шую спальню с от-дельным душем и туа-летом. Мужчины раз-местились по двое.

Женщины вызва-лись готовить на всех в складчину. Командо-вала всеми Лена, высо-кая, мосластая, куря-щая, с громким голо-сом и огромными муж-скими ногами. Берта покорно выполняла её поручения, мыла посу-ду, туалеты и быст-ренько закрутила ро-ман с красавчиком Марком. Марина была особа очень странная. Никто о ней ничего толком не знал, кроме того, что она бывшая москвичка. Низенькая, толстенная, носила балахоны «а-ля Пуга-чёва», бубнила что-то

под нос, но никого не трогала, ни во что не вмешивалась.

Давиду в соседи попался пятидесятилетний Гриша из Модиина. Он всё вздыхал, что никогда ему экзамены не сдать, язык не выучить и ходил повсюду со словарём «Русский – иврит».

Не успевал Давид уснуть, как Гриша будил его:

- Давид, а как будет: удаление?

- "Акира".

- Ой, точно... а протезы?

- «Тотавот». Гриша, отстаньте, я хочу спать...

В один из вечеров Гриша уехал домой, у него заболела жена.

Давид в предвкушении спокойного вечера, почитал, выключил свет и только приготовился засыпать, как дверь приоткрылась, проснулось в неё огромное тёмное облако и закрыло дверь на ключ. Давид лишился дара речи: к нему явилась Марина, сбросила одно из своих пышных одеяний и предстала перед ним грудастая, пухлая и необъятная.

Давид решил, не церемонясь, отправить её вон, но победило

любопытство: что за сокровища Али Бабы скрывались за этой горой прелестей. И Марина его не разочаровала. От неё очень приятно пахло и при таком обилии лишних килограмм она оказалась прыткой и изобретательной...

Глава 4

- Просыпайся, соня, так и проваляешься весь отпуск в постели. – Давид стянул с Эллы одеяло. – Я тебе тур по Турции обещал? Обещал. Бегом собираться.

- Давид, только шесть утра. Чего тебе не спится? До завтрака ещё три часа. Знал бы ты, как я не высыпуюсь. Мой мальчик плохо ночью спит, засыпает под утро. Мне нужно пораньше встать, всё приготовить до прихода няни, еду перетереть, он же не жуёт. Самой собраться на работу. Всё, всё... никаких жалоб и нытья. Отдых продолжается.

- Элла, ты вполне можешь со мной поделиться.

- Не хочу я ничем делиться, хочу забыть-ся хоть на десять дней.

Она подошла к окну, закутавшись в

простыню:

- Смотри, какая красота! Солнышко, море, песок. Хочу кушать и гулять...

- Кушать, гулять... А поцеловать? А покрепче? Ещё три часа до завтрака? Ныряй ко мне и поворачивайся на спину...

Утомлённая женщина задремала в его объятиях, а он вспомнил далёкий 1991 год...

... Девяти месяцев обучения на курсах оказалось ещё не достаточно, чтобы всю группу допустили к экзаменам. Казалось, этот кошмар подходит к концу – еженедельные утомительные поездки в четверг вечером из Хайфы в Иерусалим, в воскресенье рано утром - обратно.

Семью Давид почти не видел. Лишь закинув домой вещи, уходил на двое суток «шмерить».* Вернувшись в субботу после захода солнца, гладил по головке спящую дочку, перекидывался парочкой словечек с тещей и тестем, жившими с ними, и укладывался спать. Поспешный автоматический секс с полусонной женой, вот и все выходные.

В последний день

занятий секретарша Рути поздравила их с окончанием и ... зачитала список 12 человек не допущенных к экзаменам. Против каждого имени красовался перечень его проступков: не сдал контрольные, опаздывал, пропускал занятия, недостаточно изучил иврит. В «чёрный» список попали и Давид, и Гриша, и Марина. Давид действительно пару воскресений пропустил, просто проспал и не приехал вовремя. Все будут сдавать, а неудачники должны будут прослушать дополнительный короткий курс. Единственное, что радовало — бесплатно.

В аудитории молчали. Слов не нашлось ни у кого. «Белые люди» тихо радовались, испытывая облегчение и чувство стыда перед соучениками. Провинившиеся просто не могли найти нужно слов... Да и о чём говорить с секретаршей? Лишь Марина поднялась и, оглядевшись по сторонам, чётко выговорила:

- Да пошли вы все... — И если кто вдруг не понял куда, указала точный адрес. Выкатившись круглым

шаром из комнаты, громко хлопнула дверью. Больше Давид её не видел никогда. Кто-то из общих знакомых рассказал, что она вернулась в Москву.

Но всё проходит, прошли и две недели абсолютного ничего неделания, навязанные провинившимся. Хорошо, что у Гриши нашёлся какой-то бывший сосед из Узбекистана и приютил его с Давидом на это время.

В феврале Давид и Гриша сдали экзамены, Гриша к этому времени переехал в Иерусалим и они сняли небольшое помещение, купили подержанное оборудование, два кресла и открыли кабинет

Вся эта история с курсами, экзаменами, пересдачами (а для многих и просто выкинутыми зря деньгами (часть ребят не сдали экзамен дважды, и больше их не допустили, так и не дав возможности получить разрешение и работать по специальности) должна быть вписана в чёрную страницу историю Министерства здравоохранения тех времён и лично её министра Эхуда О., будущего мэра Иерусалима

и позже временно исполняющего обязанности премьер-министра Израиля...

... Давид с Эллой отправились в парк в районе Коньяалты, в мини Турцию, музей по открытым небом, где собраны вместе уникальные произведения искусства анатolianской цивилизации.

84 макета представляющие выдающиеся архитектурные произведения различных культур, существовавших на территории современной Турции со времен античности до краха Османской империи, уменьшенные в 25 раз.

Они бродили от одного дворца к другому, пока не устали и не замёрзли. В такси Давид прижал женщину к себе и думал о том, что впереди ещё целая неделя безмятежного счастья.

На обед не пошли, предпочтя этому более интересное времяпрепровождение в объятиях друг друга...

Глава 5

Спустившись в ресторан на ужин, Эллы удивилась, что Давида ещё нет. Обычно он терпеливо ждал её за столом, пока она

наведёт красоту и присоединится к нему. Подождав полчаса, женщина начала тревожиться. Что такое могло с ним случиться? Неужели так крепко уснул? А вдруг ему стало нехорошо, а он в номере один?

Давид открыл ей дверь и молча пропустил в номер.

- Я получил сообщение от жены. Тёща умерла сегодня днём. Я уже поменял билет и завтра утром улетаю.

- Соболезную. Побывать с тобой или ты хочешь остаться сам?

- Прости, мне нужно побывать самому... Ужин я закажу в номер. Я найду тебя, мы ещё встретимся в Израиле.

Он очень уважал свою тещу и жалел жену. Во-первых, потеряла маму, с которой была очень близка. Во-вторых, на неё свалились все эти хлопоты с организацией похорон, а он так далеко и развлекается, как юный сатири. Хорошо, что Милана с Алёша рядом с ней в эти скорбные часы.

Попробовал уснуть, но не мог. Вновь и вновь спрашивал себя, стоит ли курортный роман возможно-

сти потерять семью. А ведь один раз он уже был на грани развода. И, как часто в последние дни, вернулся мысленно на десять лет назад...

... Давид проработал с Гришей вместе несколько лет. Появилась клиентура, он стал хорошо зарабатывать и решил открыть отдельный кабинет. Подвернулось хорошее место в центре города. Давид сделал ремонт, купил новое современное оборудование, пригласил квалифицированную помощницу. Жизнь налаживалась. Купили квартиру в престижном районе, мебель, машину. Аня закончила курсы косметологов, работала в большом универмаге представителем одной из ведущих косметических фирм.

Только отношения между супругами приняли характер совместного сожительства в одной квартире и больше ничего. Дочка росла, органически вписываясь в новое окружение. Понимала ли она, что происходит между родителями или её это вовсе не волновало.

Вскоре умер

тесть, потом заболела тёща. Аня разрывалась между домом, работой и больной мамой. Давид всё больше времени проводил на работе.

В один из вечеров, когда помощница ушла домой, а Давид, закончив с последним клиентом, ждал техника, чтобы отдать работу на протезирование, позвонил телефон:

- Ой, как хорошо, что я вас застала. Мне ваш телефон дала Шура Резник, помогите мне, пожалуйста.

Кто такая эта Резник, Давид не знал и знать не желал.

- Простите, я уже закончил и скоро ухожу домой, приходите завтра.

- Ой, я завтра не могу, я уезжаю в Италию, а у меня выпала пломба... Пожалуйста, ну, пожалуйста, помогите мне.

Давид поколебался минуту:

- Вы где?

- Я тут, рядом. Через секунду буду.

Не прошла и минута, как на пороге кабина появилась невысокая девушка. Ярко-зелёные глаза, каштановые кудри, нежный румянец. Давид не видал таких красоток, а может про-

сто не обращал на них внимания. Он усадил девушку в кресло.

- Открываем ротик... — Сев рядом, склонился над девушкой.

Там действительно работы было на десять минут:

- Я поставил временную пломбу, когда вернёшься из путешествия, заменим на постоянную.

- Спасибо, сколько с меня?

- Рассчитываешься потом.

- Как же я вам благодарна.

Она улыбнулась и многообещающе взглянула на Давида.

Что сулили эти обещания, он мог только догадываться и с нетерпением ждал её возвращения. Ожидания не обманули. Прилетев из Италии, она пришла к Давиду поздно вечером и не стала возражать, когда он закрыл дверь на ключ...

Оказалось, в стоматологическом кресле удобно не только лечить зубы. То, что произошло между ним и молодой красоткой, Давид видел раньше только в порнофильмах. Девушка была просто неотразима, ей

впору сниматься в главных ролях в этих самых фильмах.

Она прибежала к нему вечером, когда кабинет пустел и, забыв обо всём, парочка погружалась в пучину горячего сумасшедшего соития. Молодое свежее тело, совершенная грудь, словно предназначенная лишь для любовных утех. Давид потерял голову, почти влюбился. А то, как пылко девушка отвечала на его ласки, давало надежду думать, что и она к нему равнодушна. Отвозил её на машине домой, долго целовал и умолял о новой встрече.

Давид серьёзно задумался о том, что совсем ещё не стар и можно попробовать продолжить жизнь с другой женщиной. Зарабатывал он достаточно, чтобы Аня с дочкой ни в чём не нуждались. Видимо до этого бы и дошло, но в один из вечеров, одеваясь после любовных баталий, красавица заявила:

- Давид, это наша последняя встреча. Завтра у меня свадьба.

Он смотрел ей вслед, как она убегает из кабинета, и не мог

понять, до чего же был слеп и глуп. Возвращаясь в этот вечер домой, спрашивал себя, как подобное могло случиться и кому он чуть не позволил разбить свою жизнь...

... Самолёт пресекал Средиземное море обратным маршрутом. Давиду так и не довелось поспать в эту ночь. Он думал, что был холоден к Ане и несправедлив. Ничего хорошего за эти годы она от него не видела. Пожалуй, нужно попытаться дать им ещё один шанс. Просто поехать этим летом отдыхать вдвоём. Ведь они же когда-то любили друг друга.

Освободившийся утром номер занял мужчина лет сорока, прилетевший из Тель-Авива. Вечером после сытного ужина он непременно отправится в лобби послушать музыку и насладиться бокалом коньячка.

За столиком в углу увидит одинокую, коротко стриженную женщину в голубом мужском пуловере с глубоким вырезом.

Автор: Карин Гур

Опавшие листья

Тихо иду вдоль небольшого лесочка по убранной от листвы дороге. Лесок начинается за моим огородом. Слабо шумят деревья последними разноцветными лоскутками осеннего полотна. Уже пахнет сыростью и прелыми листьями.

Делаю несколько шагов вправо – сонная листва под моими ногами встрепенулась, зашумела. Наклоняюсь, беру сверху горсть лёгких листьев. Жёлтые сорванцы радостно шепчут о счастливой летней жизни. В

них ещё жива душа – и во мне вспыхивает слабый огонёк прежней, летней радости. Не хочется прощаться с ней, поэтому я сжимаю в руке листья, которые спешат вырваться из моего плена.

Под верхним золотистым слоем лежат потемневшие от времени, дождя и позавчерашнего мокрого снега старые листья. Они неподвижны. Их полуистлевшие души просят покоя.

Медленно сгущается пелена дыма. За-

пах костра. Это селяне жгут последние листья. Последние – перед холодами и метелями. А так хочется продлить время! Так не хочется зимы!

Как много в нашей жизни листьев-воспоминаний о молодости. Лёгких и тяжёлых, приятных и горестных. Без них – не понять жизни. Без них – не ощутить радости. Радости продолжения жизни в детях и внуках.

Автор: Грачева Светлана

Олеся

Как будто вчера это было — весенний призыв. Я попал в Белоруссию, в летные войска. Мне повезло: в части служили земляки — ингуш и двое чеченцев. «Главное, — сказали они, не нарушать устав и не кого не бояться». Когда осенью они увольнялись, я уже знал, как служить дальше. Но должен признаться, не застань я их в полку, мне было бы тяжело. Это было летом. Я был в увольнении.

Гуляя возле озера, я встретил её. «Олеся. — сказала она, и скромно замолчала, молчал и я, не зная, что сказать». Мы были детьми: 19 и 16 лет, и это было нашим первым чувством. С этого дня служить было веселее. Осенью я решил: «Женюсь»... и испугался. «Как же, — думал я, — через полгода уеду я в Чечню и не увижу этих глаз? Но отец, который провожая меня в армию, взял с меня слово, что я не пропущу не один

намаз и не попробую табак и спиртное — как он отнесётся к тому, что я приеду из Белоруссии с женой?» Надо было, что-то придумать. Я написал матери письмо, я рассказал ей, какая Олеся замечательная девушка. Что чеченский язык ей даётся легко, и к дембелю она выучит его полностью. Мать ответила мне, и в душе у меня похолодело: «Это пройдёт», — написала она в конце. Но я не хотел, чтобы это прошло, и я написал снова: «Мама, она согласна принять Ислам», — писал я, обливаясь слезами, — «поговори с отцом».

На этот раз мне ответил отец, отчитав меня. В конце он писал: «Она примет Ислам, а ты подумал о её родственниках? И куда твои дети будут в гости ездить к нунхо(родпо материнской линии), и сало жрать?» Олеся поняла, что со мной происходит, она тихо смотрела в глаза и плакала. Ни упрёка,

ни единого слова, просто смотрела и плакала. «Когда прилетят аисты, пойдем смотреть», — сказала она через слёзы.

И я убежал, я бродил по лесу и проклинал всё, и тут я сделал главную ошибку в своей жизни. Я раскинул руки, и, глядя в голубое небо, прокричал: «Тогда пусть будет всемирный потоп — мне всё равно!»

В начале мая я был дома, родители ни разу не спросили про Олеся. Молчал и я. Через месяц я устроился на работу, санитаром в больницу, а осенью без труда поступил в медицинский институт. Когда я получил диплом, мать заговорила о женитьбе.

— На ком? — меланхолично произнёс я, и получил ответ:

— Доверься мне, сынок.

Я верил маме, и, наверняка, она выбрала лучшую, но мне было безразлично. Через год у нас роди-

лась дочка, я пропал на работе, и в первый раз, пристально взглянув в лицо дочурки, был поражен: «Вылитая Олеся», — думал я в шоке. С этого дня я стал заниматься воспитанием ребенка, жена радовалась.

— Мне говорили, что у некоторых пап поздно просыпается любовь к детям, — смеялась она.

— Да-а..., — поддакивал я, — просто я мечтал о сыне, но теперь понимаю, что дочь лучше.

— Мама, мама... (материнское сердце не обманешь).

— Что сынок? — спросила она.

— Вылитая Белоруссия!

— Смотри, не говори жене, иначе ты потеряешь её душу.

В 1991 году, мы с Олесей делали революцию, прохожие оглядывались на нас, я чёрный, как цыган и рыжая с синими глазами дочь. Смешно топать ножками, она щebetала, как птичка, и без умолку спрашивала: «Почему?»

Через год эйфория прошла, больница стала проходным двором, доходило до абсурда. Во время операций,

могли заглянуть в операционную. Я уволился и тихо жил дома, и воспитывал дочь, жена не могла нарадоваться нам. Благо врач нужен был всем, и я не плохо зарабатывал, и мог баловать Олесю. Осенью девяносто четвёртого стали говорить про войну. «Ерунда, — говорил я жене, — не может этого быть». Но это случилось. Я оперировал раненных, урывками отдыхая на топчане. Жена отказывалась без меня уезжать в деревню. «Хорошо, — сказал я, — отвези дочь к родителям и возвращайся».

На второй день мне передали, чтобы я приехал в село. Предчувствуя беду, я на кузове грузовика добрался в деревню и успел на похороны жены. Они попали под бомбёжку при выезде с города. Жена погибла сразу, а Олесе искалечило ножки. После похорон, я сел у её изголовья и взял её маленькую ручку в ладони. Она бредила и звала на помощь папу. Не маму — ведь она была папина дочка.

Зимой рано темнеет, при свете керосиновой лампы я сидел у изголовья дочери, и в

первый раз вспомнил службу в армии. Я ясно представил осенний лес, и крик души «Пусть будет всемирный потоп!» Нет, нет, я не плакал, хотя мать и сказала: «Поплачь, сынок».

Я понял, что это мой грех. На рассвете с врачом беженцем мы решили сделать перевязку, увидев посиневшие ножки, он сказал, нужно срочно делать ампутацию ног.

«Ты что — ненормальный? — стал я кричать на коллегу. — Ты понимаешь, что ты говоришь?» Но он стоял на своём: «Дорога каждая минута, гангрена быстро поражает ткани. Ты молод, я знаю что говорю».

Олеся, мой нежный ангел, уже не бредила и мирно спала, я тупо смотрел на её колени в бинтах. В перевязках и бессонных ночах прошла зима. Самым тяжёлым был ответ на вопрос: «Где мои ножки?» Я убедил её, что когда прилетят аисты, её ноги отрастут, и старался изолировать её от людей, которые не знали нашу тайну.

— Бабушка! — кричала она, — уже весна. Где же аисты?

— Скоро внученька, скоро... — украдкой вытирала слёзы мать.

Сын соседа, семилетний Мансур, был на год старше Олеси. Третий год мы звали его женихом. Но за эти три месяца он повзрослел и стал не по-детски серьёзным. «Дядя, — сказал он в конце марта, — я не скажу лишнего. Можно я буду сидеть с Лесей?»

Теперь у меня был верный помощник, и я мог помогать больным, но вопрос «Когда же прилетят аисты?» звучал каждый час. Я срезал верхушку тополя, оставив ствол метра три, прибил сверху крестовину. Через окно я показал дочке свои приготовления. «Вот, — говорил я, — теперь пролетая, аисты увидят и парочка совет гнездо под твоим окном, и ножки станут расти».

Ополченцев загнали в горы и по селу прошли зачистки. Зайдя в комнату дочери, мордovorот в косынке стал шарить по шифоньеру в поисках оружия.

— Дядя, а к нам скоро прилетят аисты

и у меня отрастут ножки, — сказала дочь, сияя

от счастья.

Остановив стеклянный взгляд на девочке, тот промолвил:

— Ты спутала с журавлём, наверное, — аисты тут не летают.

— Ты врешь, ты врешь! — закричала дочь. — Ты не хороший!

Заплаканными глазами, она посмотрела на меня:

— Папа он плохой! Прогони его!

Поняв, что сказал что-то не то, военный вышел из комнаты. Девочка билась в истерике, она плакала и сквозь рыдания шептала: «Он врёт... он врёт...» Обессилев, под утро она уснула. Держа её за руку в кресле, заснул и я. Сквозь сон я услышал крик дочери: «Папа! Аисты прилетели! Смотри! Папа!», — кричала она. Я обнял её исхудавшее тело и стал гладить её по голове: «Нет, доченька, рано ещё». Но она кричала и показывала ручкой в окно, что я невольно посмотрел и замер. Мансурчик постарался на славу, ибо аисты выглядели точь-

в-точь, как в Белоруссии. В старой корзине соседа, он бережно прибил их на крестовину, только ноги короткие подумал я и вдруг почувствовал, что тело дочурки ослабло.

После похорон мы с Мансуром были неразлучны, рано утром он приходил ко мне и целый день проводил у меня. «Завтра уйду в горы!» — думал я. Подошел Мансурчик и присел рядом на лавку. И в этот момент с поворота показалась военная техника и медленно тронулась по улице, на некоторых БТЭрах сидели контрактники, колонна остановилась.

— Смотри, смотри, — промолвил один из них, — как пацан на нас смотрит.

— Да, любят они нас, — ответил второй, с ухмылкой.

Когда колонна тронулась, Мансур спросил:

— Дядя, а когда мы перестанем воевать с русскими?

— Когда прилетят аисты, — ответил я, а про себя подумал: «Уйду сегодня ночью».

Автор: Нарг Орстхоев

Первый опыт полётов Во сне и наяву

Мне было пятнадцать лет. Сестра уезжала к подруге на день рождения, я попросилась с ней, со старшими всегда интереснее и веселее, тем более, что празднество планировалось с ночёвкой в другом городе. Народу было немного: скромная компания студентов - друзей и подруг. Шампанское и вино, сладости и всякие вкусняшки, стол ломился от блюд и, как всегда, это водится в гостях, наелись мы всего до отвала. Дали и мне, как уже большой, заветный бокал шампанского.

К вечеру стало не по себе. Конечно, я никому об этом не сказала, чтобы не думали, "маленькой слабачке сплехело". Сама виновата, не нужно было есть всё подряд, да ещё и игристый алкоголь пробовать. В общем, легла я спать как в тумане, даже плохо помню, чем гулянья те закончились.

Утром мы должны были автобусом вернуться домой, но оказалось, что после вчерашней оттепели подморозило, кругом гололёд такой, что даже трактора переворачивает. Все рейсы, соответственно, отменены. На улице тишина, только редкие прохожие, словно коровы на льду с разрезжающимися ногами чертыкаются почём зря. Впрочем, падали все, ушибов было немерено. Оставалось только ждать, когда погода изменится и автобусы отправятся в обычные рейсы по расписанию.

Все заметили, что я какая-то вялая. Сказала, что живот болит. "Ну, отравиться ты не могла, всё свежее, к тому же все ели, и никому не плохо..." Дали мне таблетку "ношпы", померили температуру: около тридцати восьми, потому и знобит. "А, так это, скорее всего, ты какой-то рото-вирус пойма-

ла", - все пришли к одному диагнозу и успокоились. Боль не проходила. Когда после обеда по обильно посыпанному солью дорогам пошли машины, первым же автобусом мы отправились домой.

«Вот так и бери тебя с собой, потом проблем не оберёшься!» - расстроенная моим недомоганием сестра, не находила себе места.

Час в автобусе - словно в бреду, не знаю, как выдержала. Дома вызвали "скорую". К ночи я была уже в больнице. Целый консилиум решал, оперировать меня срочно или подождать до утра. Все доктора щупали мой несчастный живот по очереди с умными лицами. Молодой хирург, только недавно поступивший по назначению в нашу больницу, обаятельный, с небольшими тёмными усиками и карими лучистыми глазами стал моим

врачом. Помню, жутко стеснялась, как это я, голая, буду лежать на операционном столе, да ещё перед мужчиной?! Ну, куда ж денешься? Аппендицит ждать не будет. И вот, уже лежу на столе, накрывая зелёной простынкой, лучистые добрые глаза склонились надо мной.

- Когда же ты вырубись, моя дорогая?

А я лежу, пошевеливаться уже не в силах и сказать ничего не могу, только глазами моргаю, страшно, вдруг резать начнут, а я всё вижу?!

Наркоз был выбран общий, боялись, что под местным от переживаний может проснуться астма.

Темный туннель, словно куда-то падаю, а потом увидела себя со стороны. Голова молодого хирурга в зелёной шапочке, как раз была подо мной. Я ещё подумала, как же это странно, что я вижу под потолком... Помню, разглядела у доктора под шапочкой на шее возле волос яркую родинку. Посмотрела ниже, а там, мама дорогая, руки у него в перчатках все в

крови, разрезанный живот... Мне стало очень неприятно, я даже не поняла толком, кто это там внизу, и что это происходит со мной.

- Ну, кто же так зашивает? Дай я сам!.. Девочке ещё с этим шрамом всю жизнь жить...- доктор жестом показал ассистентке отойти.

Точно помню, что решила не смотреть на кровь. Мне она всегда не нравилась. В детстве я даже в обморок упала, когда у папы брали анализ крови из пальца. Своя кровь, ещё куда ни шло, но чужая?! Боже упаси! ЕМУ ЖЕ БОЛЬНО!

"Так вперёд за цыганской звездой кочевой, на закат, где дрожат паруса..." Мелькание ярких разноцветных юбок перед глазами, и где-то в дали запотевшая бутылка минеральной воды с пузырьками плавно поднимающимися кверху. "И глаза глядят с бесприютной тоской, и глаза глядят с бесприютной тоской, и глаза глядят с бесприютной тоской в багровеющие небесааа!!" - темп песни всё увеличивался, го-

лос из знакомого фильма становился всё выше, громче...

Глаза открыла в палате, кто-то нежной рукой обмакивал влажным тампоном мои пересохшие губы.

- Пить!- взмолилась я.

- Нельзя тебе пока ещё пить, потерпи, моя хорошая, скоро будет легче...

Её звали Ольга. Она отсидела со мной всю ночь, хотя не должна была этого делать. Просто доброе сердце у человека. Молодая женщина лежала в этой палате со своим годовалым мальчиком, которому должны были оперировать грыжу.

Когда я более-менее очухалась (то улетая, то возвращаясь), она с улыбкой спросила:

- А кто такой Янис?

Я вытаращила глаза и густо покраснела.

- Да-да, ты мне сегодня всё про себя рассказала,- Оля подшучивала надо мной, но очень по-доброму. Конечно, я рассказала ей потом, что влюблена и с этим мальчиком общаюсь в основном

по телефону. Пару раз удалось столкнуться с ним на улице и поговорить. При нашей первой такой нечаянной встрече, пошёл первый в этом году снег.

Крупными хлопьями он ложился на волосы, и таял, каплями стекая у нас по лицам... Было холодно, но так не хотелось уходить... Я тогда даже стих написала, вернее песню, она у меня пелась в голове:

"Наш первый снег, при первой встрече, он был для нас, конечно, вечный, зима-зима, уже зима!.. Растаял снег, любовь прошла." И зачем я всё это пишу? Да, Бог его знает, потом, может, уже и не вспомню. Так вот, в бреду оказалось, что я не маму звала, а того самого Яниса, хотя в своих видениях я его что-то даже не припомню.

Первые дни было очень тяжело. Поразило меня осознание значимости первого глотка воды, первой ложки куриного бульона, первого робкого шага, когда, кажется, всё сейчас вывалится из живота и швы расплывутся... Тогда я поняла: эти обыденные и незаметные нам вещи, ока-

зываются, имеют очень большое значение. Понимаешь это, когда преодолеваешь жажду, голод, боль...

Оленька во всём мне помогала. Мы говорили с ней днями напролёт, буквально изливали друг другу душу. Несмотря на мой юный возраст, я всегда умела и любила общаться со взрослыми людьми. Видимо, всему виной моя любовь к старшей сестре (разница у нас пять лет). Когда она бросила играть в куклы, бросила и я, когда она пошла в первый раз на свидание, я об этом уже задумалась... В общем скороспелая была, что там и говорить!

Оля рассказала мне историю про своего мужа, который работал в Даугавпилсе таксистом. Они были очень счастливы и безумно любили друг друга, когда ждали малыша, молодым удалось купить кооперативную квартиру в центре города, хорошо оставить её.

- Не знаю, в чём Олег был замешан, он никогда не говорил мне, откуда деньги появились, просил, чтобы я не вмешива-

лась в мужские дела. Я ему полностью доверяла, не лезла с расспросами. Жили мы очень хорошо, душа в душу, всё свободное от работы время проводили вместе. А когда родилась Эдичка, так и вовсе счастье не было предела! Он обожал малыша, и всегда очень берег нас, заботился обо всём. В тот день малыш затемпературил и всё время плакал. Олег предложил мне поехать к родителям, пока он будет работать, чтобы я не была одна с больным ребёнком на руках. Сам отвёз к маме, это не далеко, минут десять езды от нас. Когда мы прощались вечером, он как-то особенно долго не отпускал меня, прижав к себе. "Только ничего не бойся, малыш! Всё будет хорошо," - Оля смахнула слезу, я уже тоже еле сдерживалась, ёжась от плохого предчувствия. - Кто же знал, что я вижу его в последний раз живым?! Утром мне позвонили, и сказали срочно приехать на квартиру. Холодным таким, отстранённым голосом. "Ваш муж умер, нужно подписать кое-какие бумаги." Я потеряла созна-

ние. Как добралась, не помню, квартира вся перевёрнута, стены забрызганы кровью. Кровь была везде, в ванной, по коридору, в зале. Тело уже увезли, остался только белым очерченный силуэт на полу в луже крови. "Ваш муж покончил с собой." - "Не может этого быть! Мы виделись вечером, всё было хорошо. Он был счастлив!" - "Говорю же вам, он вскрыл себе вены." - "А потом ползал по всей квартире, чтобы залить здесь всё кровью?!" - "Подпишите бумаги". Дело было закрыто. Не было ни записки, ни причин, да и Олег никогда бы не сделал этого. Он любил нас, любил жизнь, никогда не раскисал, не отчаивался... Когда я пыталась что-то доказать, потребовать расследования, натыкалась на холодную неприступную стену. А потом, однажды, мне позволили и недвусмысленно сказали, если я не перестану жаловаться и требовать, то потеряю и сына. Не знаю, как я пережила это, на сердце до сих пор пустота. Если бы не Эдик, я бы давно пошла за ним.

- Не говори так, ради Бога!

- Ты не знаешь, Наташа, он приходит во сне, зовёт меня, тянет ко мне руки, говорит, что любит больше всего на свете. А между нами только маленькая доска перекинута через реку, я пытаюсь идти по ней, она трясётся, хрупкая такая, страшно... Я просыпаюсь в холодном поту и плачу, плачу целыми днями напролёт.

- Гринцевич, к Вам пришли, выйдете в коридор, - в палату заглянула санитарка.

Я обняла Оленьку как сестру, и мы обе вытерли слёзы.

- Иди, моя хорошая, к тебе пришли.

Пока я доковыляла по коридору до дверей, прошло не меньше пяти минут, но страдания были вознаграждены. За дверями меня ждал тот самый Янис, с большим кулком мандаринов (в то время - сплошного дефицита, это была фантастика)!

- Виталька сказал, что ты в больнице. Вот, решил проведать...

Думала, что умру от счастья. Когда мы вместе с Олей ели эти

мандарины, самые вкусные в моей жизни, я закрывала глаза и улетала в поднебесье.

Чтобы закончить это воспоминание, скажу только одно. Родинка у хирурга оказалась на том самом месте, под волосами, со временем я её всё-таки разглядела, конечно, не так близко как тогда, вися над ним под потолком.

Когда он осматривал мой шрам, с восторгом всем хвастался: "Моя работа! Моя ювелирная работа!.."

В нашем городе одарённый хирург долго не задержался, вскоре его забрали в столицу. По слухам, уже в конце девяностых, он открыл там частную клинику пластической хирургии. Шрам у меня и вправду малюсенький и очень аккуратный, спасибо ему!

Дальнейшая судьба Оленьки мне, увы, неизвестна. Очень надеюсь, что она всё выдержала и вырастила их с Олегом сыночка. Ну, а Янис? Янис так и остался моей первой неразделённой любовью. Пусть Бог его хранит!

Автор: Натали Бизанс

ЛЮБОВЬ ЛЮБВИ

РОЗНЬ

Жили-были два брата. Один был шустрый, заводной, его так и прозвали - "Шустрик". А второй - тихий, скромный, и все его звали - "Тихоня".

Вот братья подросли, возмужали, влюбились каждый в свою избранницу и решили жениться. Родителей к тому времени уже не было в живых, и поехали братья в дальнюю деревню к родному деду, так сказать, за благословением.

Вот дед и пытается их:

- А пошто вы, хлопцы, надумали жениться? Аль любите так, что уж мочи нету?

Младший Тихоня и отвечает:

- Да, дед, люблю её больше жизни. И я сделаю всё, чтобы она со мной была счастлива.

- Добре, хлопец, - отвечает дед, - добре.

И ласково так смотрит на младшенького внука.

- И я люблю свою так, что жить без неё не могу. Уверен, я с ней буду счастлив, - отвечает Шустрик.

Нахмурился дед, запыхтел свой трубкой:

- Ну слушайте, хлопцы, что я вам скажу. Ты, Тихоня, будешь жить со своей избранницей долго и счастливо. А ты, Шустрик, со своей разведёшься, не будет у вас ладу в семье.

Переглянулись, удивлённо, братья:

- Дед, да как же ты это можешь знать, если не видал наших избранниц?!

Промолчал дед, ничего не сказал.

Братья женились. Прошли годы. У Тихоня в семье мир да лад, а у Шустрика ссоры да размолвки. Мучился Шустрик, мучился да и развёлся с женой. А вскоре узнали братья, что дед совсем плох стал, хочет с ними напоследок повидаться. Собрались они и поехали к деду в дерев-

ню. Лежит дед, еле дышит, но говорить может. Вот братья и давай допытываться:

- Как же ты, дед, разглядел нашу судьбу, если не видал наших избранниц?

- А пошто мне глядеть на них, - отвечает дед, - ежели я видел ваше отношение к жизни? Я вот что вам скажу, хлопцы: "Любовь любви - рознь". Ты, Тихоня, сказал, что всё сделаешь, чтобы твоя любимая была с тобой счастлива. А ты, Шустрик, женился, чтобы самому стать счастливым. Так кого ты больше любишь: её или себя? Настоящая любовь, братцы, это - дарение.

Послесловие: "Я люблю тебя, и поэтому ты, дорогая, должна сделать всё, чтобы я с тобой был счастлив!" - вот девиз лжелюбви.

Автор: Лариса Евсикова

Воскресный Пирожок

Марья Степановна, дородная и носатая баба, была устроена почти так же, как курица-несушка.

Правда, заместяиц Марья Степановна производила в этот мир пирожки.

Они аккуратно укладывались на стальной поднос, как трупики, её старыми руками с вздутыми венками. Усы соседей и соседок вожделённо дрожали каждое утро, и предвкушение копошилось в любопытных животах.

По понедельникам из пышных недр Марьи Степановны лезли на свет божий пирожки с луком, по вторникам – с картошкой, в среду и четверг – с яблоками, в пятницу пирожки были с мясом, и, наконец, по выходным их не урождалось вообще, и, по-слоновьи спокойная, Марья Степановна молча пила чай в одиночестве, слушая какую-то монотонную дребедень по радио.

В воскресенье, кажется, это было в октябре, аккурат в

полночь к спавшей Марье Степановне заявился сосед её Иван Петрович. Был он взъерошен, правый глаз нервно дёргался. Пара лопнувших капилляров то сужалась, то топорщилась, как вылезшие нитки. Протянув к скрипучей двери кастрюльку с пористым разбухающим тестом, он испуганно посмотрел перед собой:

- У меня жена с брюхом... Приспичило ей, среди ночи. Наделай пирожков, а? Дорого возьму, честное слово.

И поставил кастрюльку на облупившийся порожек. Та чуть взвизгнула, и тесто испуганно дрогнуло, как белоснежный живот какой-нибудь молодой, толстой и стыдливой барышни.

Марья Степановна с минуту таращила глаза; щёки её всё больше краснели, и, когда, наконец, злоба захлестнула всё её существо, она поистуканьи вдохнула огромной грудью,

вскинула лохматые брови...

- Да срать я хотела на ваши пирожки! – гаркнула она, злобно сверкая болотными глазами и шмыгая бородавкой на носу. Задрав свой юбочный парашют, фигура её повернулась к побледневшему Ивану Петровичу задом. Панталоны безжизненно упали. Мучнистого цвета рыхлый зад повис над кастрюлькой, и в распухающее тесто звонко повалились один за другим, со шлепками, пирожки.

Иван Петрович в истерике сиганул в лестничный пролёт, загнували его тощие коленки... За миг до этого он успел подумать, что прыгает в какую-то беспросветную клоаку...

Грязный и побитый, он влетел в свою квартиру и, ухватив со стола тарелку со вчерашним пирожком, улетел в парадную. Ксенечка, жена его, по-детски глазела на колыхавшуюся ещё дверь, и лицо её было таким же круг-

лым и пустым, как необъятный шар-живот с раздувшейся пуповинной ямкой. Сама Ксенечка была невероятно тощей, как наркоманка. Больше всего на свете она любила смотреть на себя, на собственное телодвижение в зеркале; каждый день она начищала его утром, в обед и ужин – это придавало Ксенечке уверенности в реальности собственного существования. Зеркало было установлено так, чтобы возможно было взором охватить всю кровать с её небольшой шириной.

Ксенечка с детства верила в бога, обожая его всеми фибрами своей маленькой и простой души. Серые

её глазёнки часто были обращены к массивному старинному образу, подвешенному в углу ровно над подушкой.

Когда Иван Петрович вернулся, он увидел безжизненно распластавшуюся на кровати Ксенечку.

Икона, сорвавшись с крючка, рухнула ей на голову.

Удивлённо раскинув бледные с синими прожилками ручки, Ксенечка застыла в судорожном, испуганном вдохе, застрявшем где-то меж вздыбившихся рёбер.

Впиваясь в мёртвое белое личико, окровавленные осколочки отражали расколотую на части комнатнуюшку, блёклую

и пустую.

А Марья Степановна так и стояла, обратив задницу к черным дверям чужих квартир, и почему-то выла волком. Плач её эхом катился по пустым зеленоватым стенам, смешиваясь с безумным хохотом Ивана Петровича.

Перетащив труп своей жены на кухонный стол, он дрожащими пальцами стащил с костлявых плеч ночную рубашку...

Ухватившись за нож, Иван Петрович застыл перед посиневшим брюхом с проступившими прожилками вен.

Воспалённое сознание рисовало картины одна страшней другой: вот он, Иван

Петрович, могучими своими пятернями давит на мёртвый живот так, будто делая массаж сердца; в брюхе что-то, лопнув, хрустит, но не выходит, и живот лишь раздувается – чёрт пойми от чего; руки Ивана Петровича дрожат, но, пуще сатанея от страха, давят, давят... И вдруг Ксенечка приподнимает голову и кричит от боли.

Иван Петрович зажмурился и со всего маха вонзил огромный нож в лиловый, отрупевший шар.

И успокоилось его сознание.

К четырём часам утра он был пьян вдрызг, и оттого безмятежен. Завёл магнитофон, пел песни, курил.

На рассвете поставил на плиту огромную алюминиевую кастрюлю, в которой варил выгашенную из тяжелой рамы икону вместе с синюшной куриатиной неясного происхождения, найденной в морозилке. Пообедал.

В полдень он, раскачиваясь взад-вперед, уже рассказы-

вал главврачу психиатрической лечебницы про соседку и её пирожки, про брюхатую жену, про суп из иконы.

Заслышав про Ксенечку, главврач просиял и погладил Ивана Петровича по взъерошенной макушке.

- Жена Ваша уже ждёт Вас, голубчик. Пойдёмте. Не будем заставлять её ждать.

Иван Петрович побледнел.

- Никуда я не пойду, – мотнул он потной головой. – Я помирать пока не собираюсь. Сами, сами.

Главврач цокал языком, вжимаясь массивными челюстями в шею, отчего казалось, что подбородков у него три штуки.

- Ксения Ивановна жива и совершенно невредима. С лицом, конечно, беда, но это у каждого второго... Вы, знаете ли, тоже не Владимир Маяковский...

Распахнулась белая дверь, и на пороге материализовалась Ксенечка. Глаза её блестели от слёз, ротик дрожал, готовый расплыться в улыбке, и всем своим видом это тшедушное

белое создание в клетчатом платишке выражало вселенское, необъятное счастье. Ручка её сжимала веревочку, привязанную к розовому воздушному шару. Внутри барахталось морщинистое, размокшее от воды существо. Оно скалилось беззубым ртом, глядя на Ивана Петровича, и злорадно подмигивало. Это был их младенец.

Иван Петрович почувствовал, как у него холодеет в груди, и понял, что любое действие совершенно бесполезно. Он принял твёрдое решение: молчать. Молчать, не сдвинувшись и на сантиметр с этого квадратного метра.

Ксенечка неуверенно мялась на пороге. Багровые шрамы на щеках и лбу, кое-где заклеенные пластырями крестнакрест, заодно дёргались.

- Ванечка, пошли домой... – ласково пропела она. – Мне так пирожков хочется...

Автор: Елена Косилова

ВЕСНА

Высокая печаль – почти счастье.

Или – счастье?..

Была середина марта 200... года. Странное время. После полудня - совсем весна, почти тепло, только небо зимнее, без кучевых облаков, а с рваными серобелыми плоскими льдинами в яркой его лазури. А с утра – холодно, зябко, не уютно, и даже дети не накатывают дорожек на замерзших лужах, за зиму прискучило им это занятие. Синицы уже улетели, а скворцов с юга еще нет. Почки на тополях еще не только не хотели раскрываться, но и раздавленные между пальцами, особо ничем не пахли. И трава все еще думала, вылезать ей из земли или еще не стоит. Но если нет ветра, и плоских льдин-облаков на небе немного, то чувствуешь себя

вполне комфортно.

Вот в один из таких дней я и вывел отца на улицу. Посидеть на лавочке возле подъезда.

Он долго спускался. Через две ступеньки отдыхал. Сейчас сидит, как старый филин на жердочке. Глаза с непривычки полуприкрыты.

Слишком уж ярким кажется солнце. Клюв-рот приоткрыт, отец часто дышит, устал. Невесомый порыв ветра качнул вылезшую из-под шапки седую прядь. Отец приподнимает плечо, загроживает от него. Или филин приподнимает крыло?

Постепенно отец привыкает. К солнцу, ветерку...

- Так, я пойду в магазин и пройду заодно. Минут сорок. Выдержишь?

- Иди, иди, Дим, конечно! Тут и в самом деле – тепло. Выдержу.

Сворачиваю за угол. Мне навстречу идет тетя Аня. Наша знакомая из соседнего подъезда. Женщина не толстая, не полная даже, а то, что принято называть - статная. Нет, меньше ее семидесяти ей не дашь, но стать, осанка говорят, что и в семьдесят королева остается королевой. В одной руке у королевы – ведро, из которого выглядывает ручка веника и топориче, в другой – тяпка. Ни огорода, ни дачи у Збарских нет. Откуда тетя Аня идет – понятно.

- Здравствуйте, тетя Аня.

- Здравствуй, Дима.

Дальше, собственно, будет уже рассказ отца.

- Добрый день, Аннушка! С кладбища идешь? Моим привет не передавала? – отец спрашивает ее так, потому что могила ее матери и

могилы его матери и моей, его жены, располагаются почти рядом, - сядь, отдохни.

- Здравствуй, Георгий Палыч! Первый раз после зимы - на улицу? А привета я не передавала. Потому что была не там. У любимого я убиралась, - говорит Анна Петровна громко, да еще голос у нее низкий, грудной, глубокий.

- Да ты потише, Аня! - отцу явно не по себе. Тем более, что в «скворечнике» балкона на пятом этаже в соседнем подъезде высунулся и полудремлет муж Анны - Виктор Константинович Збарский. - Муж-то твой живой, вроде!.. Ты-то с кладбища идешь?..

- Муж, говоришь? Ну да, конечно, почти полвека - законный муж. Да ведь он - полубовник мой. А любимый... Любимый мой на кладбище, - тетя Аня продолжает говорить громко. И уже почти смеясь, весело спрашивает. - А ты что, Палыч, не знаешь ничего? А, ну да, вы ж в поселок позже

приехали. И никто не рассказал? Все ведь знают. Хотя... Больше пятидесяти лет прошло. Уже и забыли. Пора. А хочешь, я тебе расскажу? Душу облегчу? Нет. Грехов на мне нет. Просто день сегодня хороший. В такой день приятно помянуть хорошего человека.

Лицо Анны Петровны наполнено светом. Ни в голосе, ни на глазах нет слез. Даже печали нет. Грусть? Грусть - есть. Говорит она, улыбаясь. Это не противоречит словам.

- Я в школе, Палыч, хорошо училась. Это и по детям моим видно. Но ни к чему меня не тянуло. Поэтому дальше никуда учиться не пошла. Зачем? Если так? Подалась на стройку. Через год работала так, аж гай шумел, как у вас говорят. Мужики угнаться не могли. Девка сильная, мощная. Мускулы и сейчас перекачиваются. Правда, уже под салом, конечно. А тут - комсомольский набор. Поселок в открытой степи - с нуля. Романти-

ка! Тяжело нам, конечно, пришлось!.. Но знаешь, Палыч, вспоминать-то приятно. Юные мы были, молодые, глупые, наверно. А сейчас - мудрые, но уже не молодые, - она ненадолго замолкает, улыбка сползает с ее лица, но потом снова освещает его:

- Когда приехала сюда, у поселка и названия-то не было, потом появилось - Красногорский. И ты понимаешь, Палыч, Его-то я почти сразу увидела. Любимого! До этого и мыслей таких не было. А тут Его увидела, сразу как будто кто начертил в голове огромными буквами: «Это мой будущий муж!» Никто нас не знакомил. Как-то постепенно мы с ним узнавали друг друга. Молодые все, общая работа, общая компания, жили в вагончиках. Но через полгода он стал для меня всем. Отцом, братом, любимым!.. Сколько было всего! Не рассказать! Я, Жора, его грузовик по звуку определяла. Стою, кладу кирпич, не обобщаюсь, но знаю,

что это он подъехал, сейчас откроет дверь, крикнет: «Привет, любимая!» Девчата завизжат: «Это ж какая из нас?!» Скажет: «Сама знает.» Обернусь, покраснею, помашу рукой. Я ведь февральская. Так он мне розы в феврале привозил откуда-то. Не этих длинноногой голландских красавиц. Прелесть, конечно! Но не было их тогда у нас. А маленькие, трогательные! Распахнет ватник, а там три белых розы шипами за свитер зацепились!.. А как он бульдозером на склоне Дрофичьей балки в снегу выписывал: «Моя Аня!» Главный инженер одновременно и смехом давился, и гнева не скрывал: «Да, твоя, твоя, никто же не спорит! Но зачем солярку на ветер? Вот женись и разбирайся с ней, в семейных, так сказать, условиях. Без применения тяжелой техники!» Дождались мы отпуска. В апреле поехали домой. Мы ведь из одной области, Владимирской. Я из Коврова, он из Мурома.

- Так ты не с Украины?

- А, да нет, это муж мой, полюбownik – Збарский – украинец. Из Львова. Теперь – иностранец. Смешно, ей-богу. А моя девичья – Иванова. Куда уж русее – она снова ненадолго замолчала, подставила лицо ветерку. – А весной не пахнет. И земля еще не парит... Любимого моего все Муромцем звали – под два метра. А талия – как у мальчика. Красивый. Мужеской, строгой красотой. Только глаза большеватые. И голубые-голубые. Он меня на руках любил носить. А я ведь пушинкой никогда не была... Да, приехали, познакомились с родителями. Я с его мамой, он – с моими. После майских решили расписаться. Вернулись в Красногорский. А тридцатого апреля он погиб, – она продолжает свой рассказ, не останавливаясь, но и не убывая. А отцу стало нехорошо. Но лицо Анны Петровны источает свет по-прежнему. И отец – слушает. – Это про-

изошло на нашей стройплощадке. Плита сорвалась. Меня пытались остановить. Да где там! Такую остановишь! Живого и целого на нем ничего не осталось. Только глаз. Голубой-голубой. Сердце билось еще минут десять. И – все... Нет, в обморок я не упала. Слез своих не помню. Не до них мне было. Только я как закаменела. Мать его с сестрой приехали не скоро. Но не опоздали. Хоронили на кладбище, которого еще и не было – третья могила всего. После похорон мама его говорит мне: «Поехали к нам, девочка...» Я отшатнулась: «Нет! Я – с ним.» Промолчала она. Но не поверила, конечно.

- Слушай, Аня, – отец спросил ее почти шепотом. – Так Ольга – его дочь?

- Эге! – горько, но почти весело рассмеялась Анна Петровна. – Если бы! Мы ведь, Георгий Палыч, иначе были воспитанны. Он мою честь берег. Да и я на страже ее стояла. Где уж тут? Я ведь только

через три года замуж вышла. Так что... И двое моих детей – не от него. И в пятерых моих внуках не течет его кровь. Ничего от него не осталось, Палыч, ничего. Только кости в земле. Памятник. Оградка. И жердѣлина. Так абрикосовые деревья у вас называют. Памятник и оградку я поставила. А жердѣлина сама выросла. Не сама, понятно. Из косточки. Первый год я к нему почти каждый день ходила. Лягу на холмик, как к нему на грудь, и рассказываю, рассказываю. Плачу, конечно. Сколько раз я вот так лежала у него на груди. У живого. Полтора года мы любили друг друга. Молодежь сейчас называет это чистой дружбой. Глупые! Или мы были глупые... Сейчас-то уж редко бываю. Иногда по полгода он там один. А придую... рассказываю, рассказываю. То, что и муж не знает. И не хочу я, чтобы он это знал. А замуж, Палыч, я с тоски, с отчаянья вышла. Любви во мне много скопилось. А тут Виктор со своим

предложением. Он ведь все знал. И хоронил его. А любовь... Позже пришла. Да и как полвека почти без любви прожить? Он ведь почти двадцать лет пил. И привозили его, и сбрасывали, как дрова, перед подъездом. А после первого инфаркта он пить бросил, но начал такое вытворять!.. Ну да ты уж все это знаешь. Вы уже здесь жили. А после второго – инвалидность. Думаешь, легко с ним? Без любви это все не осилить. Души не хватает. А то, что полюбивником я его называю, при нем – так это ж правда. Пусть он и законный муж. Люблю я его, конечно. Но это – другая любовь. Совсем другая.

- Не ревнует?

- К покойнику? Что ты говоришь, Палыч! – она снова рассмеялась, почти без горечи. – Хотя... На кладбище, на Его могиле, Витя ни разу с похорон не был. Но мне не сказал ни слова. Даже когда пил. И мать, и сестра моего Любимого каждый

год приезжали. У нас останавливались. Мама умерла давно. Да и сестра уже в годах. Последний раз была лет пять назад. И дети мои помогают мне то траву полоть, то ограду красить... Виктор никогда не возжрал...

- Ладно, Палыч, пора мне мужа кормить. И Дима вон возвращается с прогулки, твой Дмитрий Георгиевич. Пойду я. Отдохнула. До свиданья.

Мы с отцом поднимаясь еще дальше, чем опускались. Отдыхает он теперь уже на каждой ступеньке. Но едва отдышавшись, он рассказывает мне вот эту историю. В глазах отца, в голосе, в выражении лица тоже нет ни слез, ни жалости, ни сочувствия. Есть – радость! Восхищение! А люди, оказывается, совсем не так плохи, как обычно принято считать!..

Весна 200... года вступает в свои права.

Автор: Иван Манойло

Притча об Источнике и садоводах

В бедной дождями местности жил народ садоводов, и труд их был успешен благодаря обильному водой источнику. Под руководством мудрого правителя они построили систему каналов, по которым вода от источника достигала самых удаленных садов. Однако со временем правление над народом перешло к сыну правителя. Правитель же, не вполне полагаясь на сына, позаботился о том, чтобы послание, содержащее и тайны мудрого управления народом, и тайны правильного использования каналов, попало в руки того из потомков правителя, который будет достоин этого знания.

Сын правителя и в самом деле оказался недостойным преемником. Он пожелал безраздельно властвовать, требуя выполнения любых своих повелений, независимо от того, во благо они были народу или нет. Чтобы обрести такую власть, сын

стал использовать систему оросительных каналов для поощрения и наказания подданных. Тем, кто не выполнял его волю, он не давал доступа к воде, доколе они не смирялись. Из-за столь неправильного использования система подачи воды, во многом основанная на доверии и добрососедстве, разрегулировалась. Потоки воды вышли из-под контроля, стали сеять смерть и разрушение. Поэтому поневоле пришлось отключить всю систему орошения от главного источника.

Шло время, и лишь небольшая часть народа сохраняла память о прежнем благоденствии. Но среди этой небольшой части были истинные хранители мудрости, верные первому правителю. Они имели знание, как скрытым образом получать доступ к главному источнику воды. В их садах были родники, незримо берущие начало от главного источника.

И всякий, кто следовал их примеру, также получал ограниченный доступ к воде. Именно мудрые сохраняли послание от первого правителя для его грядущего наследника; впрочем, в меру своих возможностей, они и сами постигали мудрость этого послания. Одной из их забот стало сохранение в народе знания о структуре каналов и о культуре обращения с ними. Конечно, это знание пришлось приспособить к новым условиям и к восприятию народа, ограниченному из-за потери прежних навыков совместной жизни. Большая же часть народа совсем потеряла прежнее знание, вверенная им часть системы орошения была занесена песками, сами же они ушли со своей земли.

Настал срок, и появился отдаленный потомок первого правителя, наследник мудрости. И послание ему было передано верными и истинными. Часть народа ждала его появления,

ибо подспудно чувствовала необходимость обновления. Многое переменилось с начальных времен, многому надо было учить остаток народа заново. Посему наследник мудрости стал учителем для многих, правителем же лишь для тех, кто принял его правление. Чтобы стать учителем для многих, наследник взрастил свой сад, в котором мощно забили под воздействием древнего знания родники жизни, и этот цветущий сад он сделал образцом для садов своих учеников. Самое главное знание, которое он принес — это возможность для каждого подключаться к главному источнику, воссоздавать систему орошения в своем уделе. Учитель ставил только одно условие: надо было заботиться о других так же, как о себе и давать доступ к воде тем, кто пока не может подключаться к главному источнику. Если ученики не делали этого, орошение оборачивалось разрушением или затоплением, или же вода просто уходила

сквозь песок.

Непросто, конечно, было учителю распространять животворящее знание, ибо вся жизнь народа садоводов к тому моменту уже была основана на другом понимании предназначения каналов. Что же касается занесенной песками части системы орошения, то поселившиеся на этом месте народы откапывали временами целые ее фрагменты и даже руководства по ее использованию, но среди них это знание почиталось большей частью ветхим, устаревшим. Кроме того, правильное использование каналов требовало изначальных единства, взаимопонимания и любви, тех, какие были при первом правителе. Немногие были к такому готовы. Однако возможность подключения к главному источнику очень привлекала, и многие последовали за учителем, особенно из других народов. Вот только пользоваться во благо возможностью подключения к главному источнику было очень трудно всем, кто не учился,

как должно, у учителя древнему знанию о правильном орошении...

Вместе с тем нашлись и такие, которые смогли стать, подобно учителю, наследниками мудрости (и из народа садоводов, и из других народов) — они смогли соединить новую возможность личного подключения к главному источнику с древним знанием о построении системы орошения. Эти наследники мудрости явили собой пример для многих. Учитель не оставлял наследников мудрости, он постоянно вел их к совершенству, ибо знал, что рано или поздно все разумные присоединятся к собираемому и вновь творимому им народу. И его ученики должны были сами становиться наставниками для присоединяющихся к ним.

Так вновь зацвели сады, и не только сады земные, но и сады душ, в которых обильные плоды приносит напоющая все любовь...

Автор: Цыплавков Петр

Пираты

Литературный
сериял

Часть первая.
Пираты

7

Семья Бишоп еще не была семьей, когда впервые встретилась с Кристин. Четыре года назад был маленький бунт, который не нашел отражения в записях Яски. Кристин уже год провела среди миротворцев, и была направлена со своей группой урегулировать конфликт. Мятежники захватили магазин в Нижнем, требуя равных прав с остальными жителями — Кристин считала, что они были неправы тогда, так же считает и сейчас.

Миротворцам удалось быстро "выкурить" мятежников изнутри. Задыхаясь от дыма, они бросились врассыпную, прячась в подворотнях. Миротворцы преследовали, у них был приказ: брать всех живьем, но в случае

сопротивления, открывать огонь. Кристин преследовала мужчину. Он бежал к окраинам, туда, где остались разрушенные дома старого мира. Он свернул в безлюдный переулок и споткнулся о камень. Кристин остановилась и направила винтовку ему в грудь.

Кто-то справа вскрикнул и всхлипнул. Резким движением Кристин посмотрела в сторону и вновь повернулась к преследуемому, тот только вздрогнул.

— Выйти вперед, — скомандовала Кристин. — Встать рядом с задерживаемым.

Человек за плечом по дуге обошел миротворца и встал перед ним. Это была молодая девушка в легком сером платье и кардигане, который покрылся пылью. Кристин тогда удивилась: мужчина бежал быстро, Кристин не отставала. Как же этой хрупкой девушке удалось угнать-

ся за ними? Адреналин?

— Пожалуйста, — прошептала таинственная бегунья и вытянула левую руку в мольбе. Правую она инстинктивно прижала к животу. И хоть он был еще плоским, Кристин без труда догадалась, что та защищает.

— Имена, место жительства, — вновь скомандовала она.

— Рик, — прохрипел мужчина с земли. — Рикард Бишоп. Она, — он слегка приподнял руку в направлении девушки, — Марина Белова. Моя невеста. Оба из Нижнего города.

Кристин стояла молча несколько минут. Эти минуты тянулись вечностью и для нее, и для тех, кто был по другую сторону винтовки. Наконец она сказала:

— Вы сейчас беретесь за руки и медленно уходите, — Кристин чеканила каждое слово, но на лицах

задержанных уже читалось облегчение. — И я никогда вас больше не увижу в Нижнем. Вы выбьете из своих голов всю дурь о мятежах и неравноправии. Делайте что хотите, но вы должны выбраться отсюда. Вам ясно?

Оба кивнули. Кристин сделала несколько шагов назад, не опуская оружия. Мужчина поднялся с земли и, не отряхиваясь, обнял девушку. Затем он обернулся:

— Как ваше имя? — уверенно спросил он. — Мы теперь ваши должники.

— Если настанет время вернуть долг, вы об этом узнаете, Рикард Бишоп. Я запомню имя. Идите!

— Спасибо, — ответил мужчина, и они убежали, не оборачиваясь.

Когда пара скрылась, Кристин опустила винтовку, стянула шлем и вдохнула пыльный воздух, часто смаргивая. Она никогда не убивала, никогда даже не наставляла оружие на человека так близко. И никогда не предавала то, во что верила. Она смотрела в пустое пространство и пыталась успокоить

дрожащие руки. Об этом она расскажет только Патрику, а через год он умрет, закрыв ее своим телом.

Но она запомнила имя.

Рикард и Марина робко входят в кафе. Они взволнованно осматривают людей, пытаясь понять, кто тогда спас им жизнь. Кристин разглядывает их из-за ноутбука. Они так же держатся за руки, как пять лет назад, Марина готова расплакаться в любую минуту. Оба в костюмах, работают вместе — клерки в правительстве. Кристин усмехнется про себя, смотря на лицо Рикарда: когда-то он кричал о неравноправии, но стоило ему только полежать под дулом, так амбиции сразу нашли нужное русло. Поэтому Кристин и не верила в ущемление прав: может жителям Нижнего и приходилось дышать более загрязненным воздухом, но они жили там по своей воле. А большинство — из-за своего безволия. Почему же среди мятежников оказался вполне успешный Патрик? Вечная загадка.

Кристин откиды-

вается на спинку стула, складывая руки в перчатках на груди, и открыто смотрит на пару. Марина ловит ее взгляд и легонько трясет плечо мужа. Он следит за взглядом супруги и удивленно замирает. Кристин ухмыляется и кивком головы приглашает их за стол.

Рикард сдвигается с места, потянув за собой жену. Если про некоторых людей можно сказать, что в их шагах легкий ветер, то в его походке — промозглый сквозняк. Они бесшумно садятся за стол, тихими голосами заказывают чай и смотрят на Кристин. Та молчит в ответ.

— Так это... — запинаясь Рикард и прочищает горло. — Так это вы были тогда.

Кристин кивает, хотя это не вопрос, а утверждение. Официант приносит час, заполняя тишину на некоторое время. Рикард пьет, не открывая глаз от Кристин. Наконец он ставит чашку на блюдце и, собравшись с духом, говорит:

— Чего вы хотите?

Кристин улыбается одними губами и выпрямляется.

— Нужна одна услуга.

— Какого рода? — голос мужчины звучит тихо, но уверенно, в деловой, привычной для него манере.

— Мне нужно, чтобы вы двое нашли серверную в здании правительства или головной компьютер, сделали фото, разузнали все о системе его защиты и отправили мне. Как вы проникнете туда — не мои проблемы. Меня интересуют лишь фото, и — чтобы вы не попались.

Марина с тревогой смотрит на мужа, но Рикард не сводит взгляд с Кристин.

— Нет, — уверенно отвечает он через некоторое время.

— Помнится мне, вы хотели вернуть долг, — говорит Кристин, приподняв бровь. — Но если вы передумали...

Она достает стопку бумаги из рюкзака и кладет перед ними. Никто не двигается с места.

— Что это? — тихо спрашивает Марина. Ее голос дрожит.

— Это платежные ведомости, рабочие отчеты, денежные переводы, — отвечает Кристин. — Просто

информация, которая может заинтересовать ваших боссов. Должны же они знать, как живут их подчиненные. Все это, разумеется, копии.

Рикард продолжает сидеть неподвижно. Заметив это, Марина берет бумаги в руки и пролистывает: ее лицо сереет на глазах.

— Рик... — это все, что она может испуганно прошептать.

— Если они узнают о махинациях, — говорит он, не смотря на жену, — заставят выплатить штраф. А если поймают...

— Не просто штраф, — перебивает Кристин. — Я, фактически, все еще миротворец. Пусть прошло четыре года с того бунта, мои показания будут заслушаны.

— Их не примут всерьез, доказательств нет.

— Абсолютно точно. Но они и не нужны. Мои показания вкуче с этими бумагами так подпортят вам репутацию, что вы останетесь без работы в Верхнем городе и вернетесь в Нижний. А я, если вы помните, предупреждала, что не должна вас там видеть.

Рикард сглатывает. Марина нервно переводит взгляд с одного на другого.

— Это все, что от меня нужно? — спрашивает мужчина.

— Почти, — отвечает Кристин улыбаясь. — У этого задания будет еще вторая часть.

Она достает блокнот и пишет что-то. Протянув листок паре, объясняет:

— Когда фотографии и отчет будут готовы, отправите их на этот адрес. Обращаться к детективам бесполезно — они заплутают в фальшивых адресах. Это ясно?

Супруги молча кивают.

— Отлично. Когда я получу фотографии и буду готова, позвоню и мы встретимся вновь. Дальнейшие инструкции — при встрече. Будете пайнками — отвяжитесь от меня через неделю, — Кристин хлопывает крышку ноутбука и убирает его в рюкзак. — На первый этап даю вам три дня. Если к концу срока я не получу то, что мне нужно — сами знаете, что будет, — она наклоняется ближе. — Не забывайте:

на этот раз я вас не отпущу.

И с тем уходит.

Бишопу понадобилось всего два дня. Кристин была с Базукой, когда пришло письмо, и ее лицо наполнилось удовольствием — она до последнего не верила, что ему удастся хотя бы это.

— Чего это ты такая радостная? — подозрительно спросил мужчина, заметив ее рассеянную улыбку.

— Да так, получилось кое-то. Считай, обойду тебя.

Базука хитро посмотрел на нее и вернулся к работе — это единственный способ обогнать Кристин. Ее же мысли занимал только маленький, но все же успех.

"Завтра, там же, в то же время", пишет она и отправляет письмо.

Кристин с фонариком в зубах забирается по лестнице старой высотки, под крышей которой живут дикие птицы. Время близится к полуночи, уличного света уже не хватает, да и дом настолько стар, что двигаться приходится медленно, цепляясь за

выступы в стенах. Бывшее, судя по всему, офисное здание, разрушенное и покинутое со времен Большой войны, было построено основательно, крепко, но даже оно подверглось разрушению. В бетонной лестнице то и дело не хватает по несколько ступеней (которые, обвалившись, лежат внизу), и девушка периодически перепрыгивает через пустоту.

Наконец тридцать этажей позади, и Кристин на чердаке. Части крыши и стен обломками лежат на полу, и птицы, напуганные чужим присутствием, громко хлопая крыльями, стройным потоком улетают сквозь дыру. Кристин с минуту улыбается, тяжело дыша, но, вспомнив, что она здесь по делу, устраивается в темном углу, где ее не видно со входа на крышу. Разложившись на обломках, она ждет. Ее программа заработает только в полночь: Бишоп сказал, что в это время ночная смена уже на посту и отправляется заниматься какой-нибудь ерундой, так что риска быть обнаруженной почти нет. Вчера, когда они

виделись, невольный пленник был бледен и напуган, но принял от шантажистки флешку с программой. Кристин невольно подумала: не сдас ли он ее? Что же с ее стороны, она не хотела иметь с этой семьей больше никаких дел. Свою работу они выполнили, и с них достаточно.

Кристин подходит к краю и осматривается. Это здание она выбрала не случайно. Во-первых, хороший обзор — если кто-то из службы безопасности решит наведаться, у нее будет возможность выбрать путь для отступления. Девушка прекрасно понимает, что хоть она и переняла от Базуки лучшие навыки, по установленной программе вычислить ее будет несложно.

Во-вторых, здание никем не используется, вокруг одни заброшенные дома — местные жители не создают помех. Здание высокое, сигнал хороший, бесперебойный. И, опять-таки на случай, если нагрянут правительственные люди, спрятаться на тридцати пустых этажах будет проще. И, в-третьих, здесь чертов-

ски красиво. Кристин успела полюбить руины Нижнего, которые сейчас простерлись под ней крошечными кучками. Далеко алеет полоска догорающего заката, и на ее фоне темнеют столбы очистителей воздуха, очертившие территорию Миллениума. Все вокруг погружается в темноту, и пока не включились далекие фонарные огоньки Верхнего, весь город будет одинаково сер. И неразделим.

Ноутбук, покоящийся на камне, предупредительно пискнул.

— Пора делать дело, дорогая, — уверенно говорит Кристин, и подходит к компьютеру. Снизив яркость экрана до терпимого минимума, она вставляет флешку и входит в систему.

Ее приветствует табличка с вводом пароля, но Кристин не пугается — в ее копилке набор дешифровщиков. Как опытный вор подбирает отмычку, она пробует программу за программой и, наконец найдя нужную, входит в архив секретных документов. Девушка решительно

жмет на клавишу, и начинается выборочное копирование. Заранее подготовленная программа ворует сперва те документы, которые были указаны в послании Ясски. На экране мелькают различные таблички, указывающие статус процесса, но Кристин, не обращая на них внимания, бегло просматривает скачанные документы. Подробно она останавливается только на одном файле. Если другие документы заставляли ее хмуриться, то этот откровенно разозлил. Поглощая строчку за строчкой, она не замечает, как пугливые птицы возвращаются в свое убежище. Запрашиваемые файлы полностью перекечевали на флешку Кристин минут за сорок, и система принялась копировать документы, созданные последними. Но девушка не замечает и этого — ее настолько поражает то, что она читает, что начинают дрожать руки.

Где-то раздается звук, настолько тихий, что Кристин кажется, что ей послышалось. На всякий случай она

плавно и медленно подходит к краю и, присев, смотрит вниз. Сперва ей ничего не видно: темнота накрыла Нижний, и глаза еще не привыкли к ней. Но постепенно она замечает медленное движение чуть поодаль: машина с выключенными фарами подъезжает к входу здания. Крошечные люди выходят наружу, и девушка обращает внимание на еще четыре машины с открытыми дверями: значит, в здании уже кто-то есть.

На секунду подавшись панике, Кристин резко встает. От этого движения, боязливые птицы вновь взлетают и, кружа вокруг девушки, вылетают наружу. Даже сквозь шум хлопающих крыльев, Кристин слышит с высоты тридцати этажей, что люди внизу указывают на крышу. Пора бежать.

Выдернув из нота аккумулятор и флешку, она на ходу запикивает их в рюкзак. Лестница с чердака одна, и ей приходится быстро бежать в темноте, чтобы успеть на двадцать пятый этаж раньше, чем ее

преследователи. Там она сможет пересечь здание и уйти на другую лестницу. Если, конечно, правительственные ребята не будут ждать ее там.

Спотыкаясь об обломки, она неловко хватается о стену и о что-то ранит ладонь. Но думает не о боли, а том, что оставляет следы, которые могут привести к ней. Прыгая через ступени, она прикидывает, сколько человек внутри. Даже если их около тридцати, им все равно будет трудно поймать ее в таком огромном здании. Если их, конечно, тридцать. И каждый наверняка вооружен.

Наконец двадцать пятый. Прогнувшись через перила, она видит быстро прыгающий свет фонариков. Приближаются, но еще не рядом. Быстро и почти бесшумно она бежит по этажу. Вторая лестница утопает в темноте, и Кристин, секунду порадовавшись, спускается вниз. К сожалению, эта часть здания в более плачевном состоянии, цельных пролетов крайне мало, что очень осложняет движение. Тем не менее,

Кристин беспрепятственно добирается до третьего этажа, где лестница, полностью обвалившись, прекращает свое существование.

Призывая себя не паниковать, девушка медленно бежит обратно в соседнее крыло, к другой лестнице. Она не слышит ничего, кроме своего дыхания и тихого шарканья кроссовок, и очень надеется, что агенты все еще наверху. Свернув за угол, она замирает: трое с фонарями сторожат путь к лестнице. Кристин решает вернуться назад и затаиться, но не успевает и попадает под луч света.

— Подозреваемый здесь, преследуем! — докладывает в рацию кто-то за фонарем, но девушке некогда рассматривать, кто именно. Она уже со всех ног мчится назад.

Прислушиваясь к топоту сзади, Кристин судорожно размышляет, что ей делать. Прыгать с обвалившейся лестницы — самоубийство; медленно спускаться — не успеешь добраться и до второго этажа. Остается только подниматься

наверх. С острым чувством, что она в ловушке, Кристин пытается сосредоточиться на скачущих кругах света. Так учил ее отец: меньше думать о ситуации в критический момент, больше доверять своему телу, и выход обязательно найдется.

Кристин сворачивает за угол и на полминуты оказывается в темноте. Пробегая по коридору задней части здания, она смотрит в окна, в которых уже давно нет стекол. Она что-то замечает снаружи внизу, что-то наваленное в высокую кучу и накрытое брезентом или чем-то подобным. "Не вздумай!" — кричит она про себя, но когда парни из правительства вновь светят ей в спину, все решается. Она ускоряется, чтобы увеличить расстояние между собой и преследователями, и запрыгнув на подоконник, замирает. Топот ног уже близко, свет падает ей на лицо.

— Да это же девка! — кричит один из группы.

— Держи ее! — кричит другой.

Кристин шумно выдыхает и, обозвав себя сумасшедшей,

прыгает.

Боль тупым толчком настигает девушку. В глазах темно и ярко одновременно, белые вспышки мелькают перед ними. Кристин пытается понять, на что она упала, и жива ли она вообще. Неимоверным усилием она заставляет себя повернуться на спину и разглядеть небо, но перед ней только свет. В ушах шумит, нет, даже гремит. Под ней что-то твердое, плечо онемело от жесткого приземления. "Если чувствую боль хоть где-то, — думает она, — значит жива. И значит, надо двигаться".

Находясь будто в дымке, Кристин скатывается на землю с того, на что приземлилась. Удар получается не такой сильный, как первый, и слегка приводит ее в себя; девушка поднимается на ноги и идет, стараясь делать это как можно быстрее. Снова вспоминая совет отца, она не смотрит под ноги, не выбирает направление и просто идет. Постепенно ноги начинают слушаться, к Кристин возвращается нормальное зрение и слух, до которого доносятся звуки погони.

Она начинает бежать: по-прежнему не задумываясь, но избирая разрушенные улочки, где хотя бы не сможет проехать автомобиль.

Она не знает, сколько прошло времени, но ей кажется, что погоня тянется бесконечно. Иногда ей удается оторваться, иногда преследователи почти настигают ее. В какой-то момент она понимает, что ноги несут ее к дому, и резко меняет направление. Еще пара кварталов, и впереди покажется открытое поле, в котором заканчивается Миллениум. Ей страшно оказаться за пределами, где жизнь имеют лишь мутанты, но попасться в руки правительства... впрочем, какая разница? Ее все равно изгонят. А если она сбежит и найдет убежище, у нее будет шанс вернуться.

Кристин пробегает предпоследний квартал. Впереди, в просвете между разрушенными домами уже виднеются стройные столбы очистителей. Ей останется пробежать по открытому пространству совсем немного, неподготовленная к выходу группа захвата не станет ее

преследовать. Лишь бы добежать, лишь бы не открыли огонь, лишь бы потеряться в темноте...

Неожиданно Кристин сворачивает перед последним домом и вновь бежит по разрушенным улочкам. Она вспомнила про камеры — ее засекут военные и вернут на своей скоростной технике. Еще никому не удавалось уйти добровольно.

Короткий миг надежды на спасение вновь стал вечным побегом. Кристин бежит, но сил в ней все меньше и меньше. Ей удается ненадолго оторваться, и она останавливается. Можно пробегать до утра, надеясь, что парни из правительства выдохнутся, однако что-то подсказывает девушке, что ее не хватит даже на час. Поэтому, как следует осмотревшись, она карабкается на второй этаж разрушенного дома. Забившись в угол, она успокаивает дыхание и прислушивается.

Но ничего не слышит, потому что теряет сознание.

Автор: Диана Вольз

Фанаты

ГЛАВА ОДИН-НАДЦАТАЯ. РАСПЛАТА.

Он очнулся от чувствительного толчка в бок. Попытавшись открыть глаза, осознал бесполезность своих усилий, лоб сдавливала тугая повязка. Пошевелиться было тоже невозможно, с двух сторон он был крепко зажат какими-то людьми. Чувство страха накрыло Игоря с головой. Он вспомнил, как два бравых молодчика вытащили его из такси, после чего он потерял сознание. «Кто могут быть эти люди и куда они меня везут» - лихорадочно размышлял Сидоров. По его вискам стекали ручейки пота. Ему было так страшно, как еще не было никогда в жизни. «Неужели кто-то узнал о том, что я сознательно помогал в этой игре «коням»? Боже мой, что же теперь будет», - липкий страх сковал футбольного арбитра, окутал все его тело, мешал дышать и не

давал открыть рта. Между тем взвизгнули тормоза, машина остановилась, и чья-то сильная рука выволокла Игоря на улицу.

- Давай, шевелись, козел, - услышал он над самым ухом грубый голос.

- Простите, но куда вы меня ведете? - заикаясь, решил открыть рот Сидоров.

- Скоро все узнаешь, мастер постановки футбольных спектаклей. А пока закрой свою пасть и не заставляй меня применять силу.

Его завели в подъезд старенькой хрущевки, расположенной на окраине города, и помогли подняться на третий этаж. Послышался скрип открываемой двери. После чего кто-то грубо толкнул Сидорова в спину, и тот с грохотом повалился на пол, уже через несколько секунд ощутив, как сильно заныла шея. В нескольких метрах от него раздались шаги.

- Снимите с него

повязку, - услышал он громкий уверенный голос.

Тотчас же кто-то избавил его от полоски ткани сдавившей лоб. В глаза больно ударил дневной свет. Робко осмотревшись, он увидел, что находится в скромной комнатке с кроватью, двумя стульями и письменным столом. За последним восседали двое. Угрюмый мужчина лет тридцати с лицом, обильно покрытым синяками и золотым перстнем на пальце правой руки, и темноволосый крепыш, примерно того же возраста, поигрывающий четками. Оба уставились на него такими взглядами, что Сидорову тотчас же захотелось провалиться под землю. Несколько минут незнакомцы рассматривали его, просвечивая будто рентгеном и словно стараясь узнать о нем то, чего не ведал и сам Сидоров. Наконец, человек с золотым перстнем, нарушил

молчание:

- Ну что, Игорёк, вот и настал час расплаты. Недаром говорят, жадность фраера погубит. Вот и тебя чрезмерная любовь к деньгам подвела.

- Кто вы такие и что вам от меня нужно? – истерично проорал Игорь.

- А вот кричать не стоит, мистер Сидоров, - вступил в разговор темноволосый. - Сейчас ты нам неспешно в подробностях расскажешь о том, кто и когда дал тебе задание превратить сегодняшний матч в цирковое представление. И я бы тебе советовал говорить правду, если хочешь выйти отсюда на белый свет.

- Я не понимаю о чем вы, - жалобно взвыл Сидоров. Его буквально затрясло от страха.

- Ну что же, придется тебе освежить память, - сверкнув глазами, сказал человек с перстнем. - Не так давно ты был в Питере, где прекрасно провел время с очаровательной девушкой Алиной. После чего тебе последовало предложение, от которого нельзя отказаться. Да уж...

Коварны женщины, не так ли, Игорёк?

- Да кто вы, блин, такие? – по щеке Сидорова поползла слеза.

- Мы из министерства добрых дел, Игорёк, - ответил темноволосый. И радуясь, что ты еще попал к нам, а не к куда более агрессивным и менее умным товарищам, которые тоже, после сегодняшнего матча желали с тобой пообщаться. Ладно, хватит валять Ваньку. Нам все известно. Ну что, уважаемый сударь, что будем с ним делать? - обратился он к человеку с перстнем.

- Казним, - грозно сказал тот. А теперь слушай сюда, Игорёк. Все деньги, что ты получил за устроенный сегодня спектакль, ты переведешь в детские дома и на счет нуждающихся в лечении детей. В этом мы тебе охотно поможем. Второе: ты завершаешь карьеру судьи и больше никогда не обслуживаешь матчи профессионалов.

- А если я откажусь? – нерешительно спросил Игорь.

- Конечно, выбор есть всегда, однако не в твоём случае, - покрутив шейю, сказал

темноволосый. В-первых, ты сейчас дашь нам письменное обещание по поводу денег. И второе, прямо отсюда позвонишь в федерацию футбола и объявишь о завершении своей карьеры. Если нет... Ну ты человек неглупый, Игорёк, думаю понимаешь, что последствия могут быть для тебя очень печальными. Ты достаточно насолил сегодня многим людям, и, если что, мы просто сольем тебя, наиболее, так скажем, не толерантным и влиятельным из них.

Решив не играть с огнем, Игорь написал на листе бумаги то, что ему продиктовали и позвонил президенту федерации футбола России Ивану Морозову, сообщив о том, что завязывает с работой футбольного арбитра. Не став слушать истерично заоравшего что-то после такого известия президента, он оборвал разговор.

- Ну, вот и славно, Игорёк, - улыбнувшись, сказал человек с перстнем. - Сейчас тебя отвезут в аэропорт, и ты уберешься восвояси. Деньги ты переведешь, куда мы договорились в тече-

ние трех дней. И не вздумай куда-то потевряться. А то познакомишься с другими людьми. Они уж мирные беседы вести не будут, поверь мне на слово. Да, и эти три дня за тобой понаблюдают, не обессудь. Все-таки доверия к тебе нет уж никакого. Извини.

После этих слов в комнату зашли два молодых бугая и, взяв находившегося в полубморочном состоянии Игоря под белы ручки вывели за дверь. Темноволосый широко улыбнулся, повернулся к Гетману и сказал:

- Ну что, вражина, вроде бы все прошло как по маслу. Судейка едва копыта не отбросил от страха. Думаю, выполнит все, что мы ему наказали.

- Да, все получилось, - ответил Мармон. - Хоть одно доброе дело мы сделали. Ты ведь сам понимаешь, такие победы нам не совсем в радость. Конечно, приятно было видеть лица игроков и тренеров «Гладиатора» после матча, что уж там говорить... Да и то, что вы снова остались без трофея, тоже ведь пре-

красно. Но все-таки хотелось бы честной борьбы. Как в русском околорфутболе.

- Трофеи будут и очень скоро, ты уж не сомневайся, «конявый», - ошетинился Гетман.

- Время покажет. Хорошо, что подружка девушки Венгра, эта стерва Алинка, приняв на грудь коньяка, оказалась такой болтливой. Ну и спасибо Ирине, что не скрыла информацию от Егорки. Иначе бы мы не смогли наказать этого клоуна. Случайно получилось.

- Запомни, ничего в этой жизни не бывает случайным, вражина. Жаль, конечно, что не удастся достать тех, кто поднял на этом матче миллионы долларов. Ну да ладно, это уже дело полиции. Мы же не бандиты какие-то, хотя вот тоже не совсем законными делами занимаемся.

- Ну хорошо, хоть на одного продажного судью станет меньше. Хотя, конечно, все сорняки на этом огороде вырвать практически нереально. Но надо же с чего-то начинать. Да и потом, помочь детям - дело тоже хорошее и правильное.

Так что нам, грешным, может быть, это когда-то и зачтется. Ладно, Роман, мне пора идти. Спасибо тебе за содействие и до свидания.

- До скорого свидания, Дима, - крепко пожав руку оппоненту, ответил Гетман. И удачи тебе в твоём нелегком деле.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. СВАДЬБА.

Ирина всеми правдами и неправдами уговорила Егора сыграть свадьбу в Москве. До того, как девушка должна была родить ребенка, оставалось четыре месяца, и молодые под напором родителей решили узаконить свои отношения. В этот апрельский погожий денек, когда солнце палило так ярко, что казалось на улице уже лето, в десять часов утра в зале бракосочетания на улице Фрунзе собралось около сотни человек. Здесь были многочисленные родственники Венгра и Иришки, их друзья и даже неизвестно откуда нарисовавшийся высокий араб со своей русской спутницей. Конечно, не могли пропустить сие торже-

ство Мармон, Круглый и Алина. Причем Макс нарядился так, будто бы это была его свадьба. Красивый дорогой костюм цвета металлик он купил за неделю до свадьбы, в одном из фирменных магазинов в центре столицы. Синий галстук был очень кстати к этому костюму и придавал двухметровому очкастому гиганту солидности. Супруга Маша не спускала с Максима глаз, контролируя, чтобы ее мужчина не напился до вечернего застолья. Стоявший чуть поодаль, Мармон о чем-то увлеченно шептался с Алиной. Он понимал, что эта девочка со змеиным характером вряд ли способна привнести в его жизнь что-то позитивное, но она с первого взгляда дико понравилась Диме, и инстинкты возобладали над разумом. Кроме того, ему очень хотелось узнать подробности ее общения с футбольным арбитром Сидоровым и выяснять, кто же стоял за заказом принесшем «Армейцу» Суперкубок России.

Первыми в огромный, украшенный цветами зал ЗАГСа вошли

друзья и подружки жениха и невесты. Они встали по одну из сторон зала. За ними появились родственники, которые расположились у другой стены. Далее неспешно вошли родители жениха и невесты. Когда зазвучал марш Мендельсона, молодые с радостными улыбками на лице впрорхнули в зал. Супругов со словами приветствия встретила ведущая церемонии, чуть полноватая рыжеволосая женщина лет 45-ти, она пригласила молодых поставить подписи в книге почетных гостей Дворца бракосочетания, торжественно вручила им памятное свидетельство и произнесла трогательные стихи. Егор с теплыми словами поздравления преподнес любимой Иришке кольцо с бриллиантом. После того, как молодые обменялись кольцами, под аплодисменты гостей они скрепили свой союз страстным поцелуем. Затем были откупорены многочисленные бутылки шампанского. Мармон неловко открыв одну из них, пролил немного царского напитка на платье Алины, получив за это от девушки

звонкую пощечину. Привыкший к хукам в уличных боях, он опешил, не зная, что делать в этой ситуации. Впрочем, вскоре Дима подавил возрастающий в нем гнев и извинился перед Алиной. Выйдя из ЗАГСа, молодые и их друзья отправились кататься по Москве. Маршрут пролегал через Болотную площадь и Охотный ряд, откуда Егор, Ирина и их друзья поехали в один из столичных ресторанов отмечать радостное событие.

Когда молодые зашли в ресторан, там играла песня Вячеслава Бутусова:

Знаю, есть на свете дивные страны,

Где невидимые облака

Укрывают под собой океаны

И неведомые берега.

Но где бы я ни прятался

От себя,

Всюду будет виден мой

Белый след,

Мир, покрытый пятнами

Всех цветов,

Станет мне укрытием

Здесь на земле

Алина сразу пустилась в пляс. Слегка захмелевший Дима, который во время веселой поездки не раз прикладывал губами к горлышку бутылки шампанского, последовал ее примеру, стараясь как можно ближе прижаться к девушке.

- Обожаю песни Бутусова, - проворковала на ушко Диме девушка. - Такой харизматичный, талантливый мужчина. И при этом оччень симпатичный.

- Я тоже творчество Вячеслава Геннадьевича очень люблю, - ответил Дима, продолжая двигать в такт музыке руками и ногами. - Правда, это далеко не танцевальная музыка, а скорее интеллектуальная.

- Ну у Славы много разных песен. Имеются и такие, под которые можно и сплясать.

Значит, есть в окне небесного свода

Карты скрывшихся воздушных морей,

Недоступные, как белые пятна

В географии твоей и моей,

И где бы мы ни

прятались

От других,

Всюду будет виден наш

Белый след,

Мир, покрытый пятнами

Всех цветов,

Станет нам укрытием

Здесь на земле

- Кстати, Алинушка, - подмигнув девушке, сказал Дмитрий. - Я через две недели к делам должен буду посетить королевство Таиланд. Не хотите ли составить мне компанию?

- Мир - это книга. И кто не путешествовал по нему - прочитал в ней только одну страницу, - показывая белоснежные зубы, ответила девушка. А знаешь, кто это сказал?

- Не имею ни малейшего понятия. Так ты согласна или нет, зачем говоришь загадками?

- Это сказал Святой Августин, необразованный ты чурбан, - похлопав Мармона по щеке и поцеловав в губы, сказала девушка.

- Залезь на досуге в Яндекс и почитай что это. А над твоим предложением я подумую.

- Ты полегче на поворотах, девочка, - с удовольствием, отвечая на поцелуй, произнес Дима. - Была бы ты мужиком - за чурбана бы выхватила на раз. А если будешь еще обзывать, мне придется тебя хорошо отшлепать.

- Ой, правда что ли? - захолопала ресницами Алина. - А что, заманчивое предложение.

Тем временем начались свадебная обжираловка и танцы. Тамада со знанием дела развлекал гостей тостами и конкурсами, молодые целовались под зычные крики: «Горько!», а желающие напиться отправляли в свои желудки литры алкогольной гадости. Через час после начала гулянки Круглый попросил тишины в зале и взяв в руки микрофон, сказал:

- Дорогие Егор и Иринка, искренне поздравляю вас со столь знаменательным днем! Любви вам большой, понимания и побольше деток. Мальчика и девочку. И вы с этим делом не тяните, - угрозил он пальцем молодым. - Егорка, мы

тут с Димой подумали, что бы вам подарить. Футбольный клуб «Армеец»? Крутовато. Дачу на Канарах? Мелковато. А дарим мы вам путевку на Мальдивы на три недели. Отдохните как следует.

Гости восторженно захлопали в ладоши, а Егор, подойдя к Максу и Диме, крепко обнял друзей. А затем в зал внесли огромный торт с надписью «Армеец». Присутствующие на празднике фанаты клуба, коих было человек десять, тут же зарядили название любимой команды. В этом им помогли Егор и Ирина, оравшие так, что у сидевших рядом зазвенело в ушах. Когда молодые уже хотели покинуть торжество и отправиться по своим важным делам, в зал вошел низкорослый молодой человек в капюшоне, попросил сделать музыку потише и взял микрофон:

- Уважаемые гости, уважаемые молодые я хотел бы преподнести вам подарок.... От клуба «Гладиатор».

С этими словами он достал из куртки предмет, по виду напо-

минающий гранату, швырнул его на середину зала и помчался прочь. Что тут началось! Кто-то из гостей истошно закричал, другие попадали на пол, обхватив голову руками. Мармон молниеносным движением увлек Алину под стол, то же самое с Ириной сделал и Егор. А вот Круглый, на секунду замешкавшись, вдруг всем телом бросился вперед, и распластавшись на полу, накрыл гранату собой. К счастью, ожидаемого многими взрыва не последовало. Это был всего лишь муляж гранаты. Ирина забилась в истерику, сидя на полу она колотила руками по груди Егора. Половина гостей прибывала в полуобморочном состоянии, держась за сердце и вытирая пот со лба. Другие ринулись наливать водку и залпом опустошать содержимое стаканов, так сказать для снятия стресса. Первым, будто отойдя от долгого сна, очнулся Дима.

За ним, быстро! – рывкнул Мармон, обращаясь к молодым фанатам.

Те, словно за ними гналась стая вол-

ков, мигом выбежали за дверь, но уже через пять минут вернулись, отчитавшись о том, что шутника и след простыл.

- Это все ваш гребаный футбол виноват, - прошипела Алина. - Ну какими же надо быть ублюдками, чтобы такое придумать!

- Найдем и накажем, - сплюнув под ноги, злобно процедил Мармон.

После чего он подошел к тому месту, где лежал муляж гранаты, брезгливо задел его ногой и бережно поднял с пола Круглого. Погладив Макса по голове, пристально посмотрел ему в глаза, обнял и тихо произнес:

- Спасибо, братишка, спасибо тебе за то, что ты настоящий. Я бы так, наверное, не смог... Еще поживем на белом свете.

- Да вот и погуляли свадебку, - вставая с пола и поднимая невесту, прошептал Егор. Он пошатывался, хрипел и смотрел так откровенно, что казался сейчас потеряет сознание.

Автор: Александр Целинский

Летописи межмирья

Книга третья

II

Ключи мироздания

Глава седьмая
Осколки

7 месяц 513 год с
м.п. (январь 2012 года
н.э)...

Новый Долан,
инквизитор Алексей.

- Знаешь, Лори, я иногда задумываюсь, что со мной было бы, не найди я того письма? Как я воспринял появление эльфов и гномов? Правду об Анклаве и Союзе? Как вел себя, – мы лежали на кровати в нашей комнате. Преследование Свиридова провалилось. Генерал скрылся в море за горизонтом. Пока смогли развернуть подлодки, он исчез с поля зрения. А так, как здесь не наша Земля с её спутниками, операция провалилась. Портер требовал, что бы русские сложили оружие. Полковник Довлатов, заместитель Свиридова, готов был наоборот, открыть огонь по аме-

риканцам. Положение снова спасла королева. Оружие русским оставили, но весь гарнизон был помещен под магический купол, покинуть который они не могут и до сих пор. Хотя и прошло уже три дня. Политики все еще ведут переговоры. Отозвать гарнизон, значит поддаться американцам, а русские на такое не пойдут. Наш мир все еще разделен.

Как не странно, но данный инцидент подкосил доверие и к инквизиции. Конечно, те, кто были в Анклаве с самого начала, ничего предосудительного не подумали. А вот представители Подводного города нет. Они и так ко всему относятся с недоверием, а теперь...

- Не знаю, - ответила Элориан. Анжелика лежала между нами и мирно спала. – Я бы, наверно, до сих пор была служанкой в Долане. Так и не встречав тебя.

Я посмотрел на свою жену. Как причудлива судьба. Она – дочь аристократа, по

вековым законам вынуждена была жить в нищете. Да, в нищете. Жалование служанки не столь велико, хоть и обеспечивают жильем и питанием.

- Что? - удивленно спросила Лори.

- Ничего, просто люблюсь вами, – ответил я. Что еще её сказать? Что я рад, что они здесь, а не в мире людей? Что с новой охотой на вампиров и оборотней на улицах стали убивать всех, кто похож на вампира или оборотня? Просто, по стереотипам, созданным киношниками. Счет таких жертв уже идет на тысячи. Если выплывет, что Свиридов глава Союза, то...

- Что-то нашли в библиотеке академии? – спросила Лори.

- Да. Записи легенд. Культ действительно существует. Они верят в то, что межмирье и миры - это осколки древнего мира, который погряз в войнах. Сначала все сражались ради того, что бы выжить, потом ради собственной наживы, а потом просто

из-за удовольствия. Тринадцать высших магов объединились и разбили мир на осколки, а сами погрузились в многолетний сон. Каждый из миров - отголосок личности одного из магов и хранит в себе ключ к его пробуждению. Культ стремится пробудить всех магов и воссоздать их мир. После ритуала, все миры перестанут существовать, а новый мир... я даже не знаю, каким он будет.

Лори была шокирована. Да, Союз просто хотел абсолютной власти. В их планы не входило уничтожение миров, а тут такое.

- Ужас, - произнесла она.

- Первопроходцы смогли найти старые карты межмирья, где указаны места расположения порталов в некоторые миры. Не во все, конечно, но пять новых миров мы сможем попасть.

- Отец планирует пойти на переговоры?

- Да, - кинул я. - Варинас хочет заключить, для начала несколько союзов с неизвестными пока расами. А потом уже идти в миры вампиров и оборотней. Но это пока в

планах. Сейчас главное найти Свиридова. На архипелаге всех подняли в ружье. На островах ему нет смысла появляться. А на материке...

Я откинулся на спину.

- Устал? - Лори провела ладонью по моим волосам.

- Да. Сил нет.

- Тогда давай спать, - она нежно взяла Анжелику на руки и отнесла в кровать. Потом вернулась ко мне.

- Засыпай, - ласково произнесла она. Я просто послушался совета моей жены.

* * *

7 месяц 513 год с.м.п. (январь 2012 года н.э)...

Новый Долан, инквизитор Алексей.

- Свиридов ушел, - печально произнес Портер.

- Вы об этой еще вчера докладывали, - ответил Евгений. - Я не вижу смысла повторять.

- Магистр, - ехидно начал адмирал, - вы бы на своем месте молчали. У вас и так шаткое положение.

Евгений спокойно отложил бумаги и закрыл глаза. Сейчас он

пытался успокоиться, так как спокойствие было только внешнее. Еще пару мгновений и... либо он успокоится, либо следующая фраза адмирала взорвет магистра.

- Вы, русские... - сел на любимого конька Портер.

- Адмирал! - я опередил Евгений на доли секунды.

- Что? - Надменно спросил адмирал.

- Алексей и Евгений уже не раз говорили, кто они, - вступил в разговор Варинас. В словесной перепалке участвовали только мы, остальные деликатно молчали. И Мар- тис, и Клодес с Рог Таном. Артур и Мор- морт отбыли в губернии, восстанавливать инфраструктуру. Клодес должен был отправиться на побережье, по решению королевы, но Оливия пересмотрела планы относительно генерала. И сейчас он был здесь. Так же здесь был Рукурий, глава совета Подводного города. Последние были сильно озадачены теперешним положением дел.

- И? Для меня что русский, что украинец, все равно!

- Тоді стули пель-

ку, американська свиня! – грубо ответил Евгений.

- Что? – переспросил адмирал.

- Магистр сказал, - начал переводить я, - что если уважаемый адмирал желает сравнить, русского и украинца, то это может закончиться для него плачевно.

- Да что ты себе позволяешь, сопляк?! – взвешел Портер. Плевать, мне надоело, что мою родину вечно путают с соседом! Я украинец! Да, я мыслю и говорю по-русски, но я украинец! Пора им это запомнить.

- Остыньте! – поднялся Рукурий. – Я понимаю вас как никто! Конфликт южан и северян – извечная проблема эльфов. И мы, так же как и вы готовы были вцепиться друг другу в глотку. Но иногда, - он посмотрел на адмирала, - надо засунуть свои имперские наклонности куда подальше! А так же, - теперь он смотрел на меня, - свой хваленый патриотизм. Сейчас у нас есть дела поважнее, чем перепалки между собой.

- Поддерживаю Рукурия, - ответил

Варинас. – Хватит! Перегрызться всегда успеем.

- Как скажите, магистр, – спесиво ответил адмирал. – Хотя, я понимаю, почему Алексею все сходит с рук. Не будет же магистр собственного зятя наказывать.

- По-вашему, я должен наказывать Алексея только потому, что он отстаивает свою точку зрения, а не слепо принимает вашу? Адмирал, ваша страна борется за свободу, но при этом вы всячески стараетесь её ограничить. Или вам нужна только ваша свобода? Тогда зачем бороться за свободу там, где она, по вашему мнению, не нужна? Это ведь абсурд.

- Господа! – вступил Рукурий. – Прошу вас, прекратите перепалки! На кону не свобода, на кону жизнь. Миллионы, миллиарды жизней! И нам надо забыть про свои амбиции и принципы.

- Хорошо, я прошу простить меня, – спокойно произнес Портер.

Не я, не Евгений, ничего не ответили.

- Раз все успокоились, начнем, – произнес Варинас. – В связи

с новыми обстоятельствами, мы организуем экспедицию через центр межмирья. Наша цель - один из ближайших порталов от портала первопроходцев. По записям в архиве первопроходцев, он ведет в мир, наполненный одной лишь водой. Населяют его разумные существа. Во всяком случае, экспедиция первопроходцев обнаружила подобие первобытного строя.

Я посмотрел в папку с отчетом. Жители водного мира представляли собой похожих на людей существ ростом от полутора до двух метров. Серо-зеленая кожа, иногда с синим оттенком, покрыта мелкими прозрачными чешуйками. Глаза большие, продолговатой формы с тремя веками. Два века как у человека, третье прозрачное. Скорей всего, для того, что бы спокойно видеть под водой. На пальцах рук и ног присутствуют перепонки. На ногах полностью покрывают продолговатые пальцы, а на руках только до второй фаланги. Под нижней челюстью и на шее присутствуют жабры, но существа

спокойно перемещаются по земле и дышат воздухом. Является ли это особенностью их жабр или же говорит о наличии легких, неизвестно. Сами представители расы не агрессивны. По крайней мере, на экспедицию нападений не было. Наоборот, первопроходцы впервые вступили с кем-то из миров в контакт. Правда, все ограничилось ночевкой в пещере и попыткой разобраться в их гортанных диалектах. Хотя, как говориться в отчете, есть предположение, что это и не было языков вообще, а всего лишь их задатком.

Язык. Вообще, языки - странная вещь. У эльфов, так сложилось исторически, язык один. И он очень схож с французским и итальянским. Правда, смесь очень искажена различного рода шипящими звуками, свойственным больше польскому языку. Поэтому инквизиция смогла найти общий язык с эльфами. Хотя, южане говорят более быстро, чем северяне.

Язык вампиров больше всего похож на китайский. Возможно у них, вампиров, когда

-то был один язык, но после катастрофы, изменившей их мир, он искажился, и появилось большое множество диалектов.

Оборотни говорят на «обрезанной» версии немецкого. Довольно грубые и короткие фразы очень напоминают язык арийцев.

С гномами все очень сложно. На удивление, у них очень витиеватый язык, напоминающий арабский и идиш. Правда при этом в ней имеются и певучие нотки китайского, а так же лающие моменты немецкого. Так же, в некоторых диалектах, можно встретить схожесть с русским, аравийским и норвежским языками.

Не удивлюсь, если язык и этих существ, будет схож с каким-то языком людей.

- Последняя экспедиция первопроходцев была около тысячи лет назад, её данные не просто устаревшие, а я даже не знаю, какие. - С насмешкой произнес Рукурий.

- Хорошо, ваши предложения, уважаемый Рукурий? - произнес Варинас.

Эльф замылся и стал что-то невнятное мямлить. Понятно, что никаких предложений у него нет.

- Ну, раз вам нечего сказать, тогда решаем, кого отправить. - произнес Варинас. Мы с Мартисом переглянулись. У нас уже был опыт совместных экспедиций.

- Магистр Алексей и мастер Мартис, смотрю, вы слегка озадачены. Могу попытаться, почему?

- Понимаете, магистр, - начал Мартис. - Мы с Алексеем уже были в подобной экспедиции и помним, чем закончилось дело.

- Мастер, - ответил Варинас, - не переживайте, в этот раз вы пойдете не одни.

- То есть... - начал, было, я, но тесть меня перебил.

- Да, Алексей, и в этот раз отправитесь вы с Мартисом. Так же с вами пойдет магистр Евгений и генерал Клодес.

- Я? - в два голоса произнесли Евгений и Клодес. То, что это новость для Клодеса я не удивлен, а вот то, что Евгений этого не знал... интересно.

- Вы удивлены, Евгений? - Спросил

Варинас.

- Я думал, что с экспедицией пойдет леди Нора. – спокойно ответил Евгений.

- Нора? – теперь в два голоса спрашивали Клодес и Мартис. Понимаю я их. Нора их в купальне так отчитывала, что не позавидовать.

- От меня больше пользы будет здесь, нежели в экспедиции. К тому же, Нора знает довольно много языков, что может способствовать преодолению языкового барьера с местным населением.

Такое ощущение, что Евгений всеми силами желает не идти с нами. Ну, это его право.

- Да, магистр, вы правы, – кивнул Варинас. – Но боевой маг не помешает в экспедиции. Так что вам придется идти.

- Хорошо, – кивнул Евгений.

- Стойте! – открыл рот Портер. Вот неугомонный. Да когда же ты заткнешься уже!

- Да, адмирал.

- А как же прикрытие? Делегация не может отправиться сама.

- Адмирал пере-

живает, что его brave солдаты не будут задействованы в этой операции? – с сарказмом спросил Евгений. По залу прошел смешок.

- Магистр, – адмирал стал закипать.

- Господа! – снова вступился Рукурий.

- Я не позволю кому-то... – гаркал Портер, пока Варинас не перебил его.

- Адмирал! Вы тоже многое себе позволяете! Вы не у себя в мире, так что, соблюдайте правила!

- Магистр! – адмирал никак не мог успокоиться. – Это переходит все границы! Да, я хочу лично принимать участие в этой операции!

- Даже так! – удивленно поднял бровь Варинас. – А кто же тогда, позвольте, будет командовать войсками в Новом Долане?

- В американской армии достаточно превосходных офицеров! – гордо закинув подбородок, ответил адмирал. Я усмехнулся. Не хватало только девушек в стиле Пин-ап рядом.

- Магистр, – спокойно начал Евгений. – Скорей всего, адми-

рал хочет не посетить неведомый мир, а контролировать меня, как «русского», в его понятии.

- Допустим, – произнес адмирал. Что и требовалось доказать.

- Хорошо, – кивнул магистр. – Адмирал, у вас буде такая возможность. Магистр Евгений, ваша кандидатура отклонена, в составе экспедиции пойдет леди Нора.

У Мартиса и Клодеса отвисла челюсть.

- Но... – недолго начал адмирал.

- А вы, адмирал, сможете спокойно контролировать деятельность магистра Евгения, – собирая бумаги, произнес Варинас.

- Как скажете, – Портер опустил голову. Обломился адмирал. Действительно, слишком многое они начали требовать. Инцидент с Ватиканом так и не разрешили, хотя охрана была на их совести.

Кстати, о церковниках. Что-то они притихли. Ну, кроме народных выступлений и митингов, никак себя не проявляют. Что странно.

- Собрание окончено? – пробасил Рог

Тан.

- Да, только если вы не желаете присоединиться к Алексею и Мартису в их путешествии, - Варинас еще мог шутить. Ладно, со своей дочкой сам будет разговаривать.

- Нет, благодарю! – оборотень был сама любезность. Без слегка туповатой резкости.

- Тогда все, заседание окончено.

* * *

8 месяц 513 год с м.п. (февраль 2012 года н.э)...

Новый Долан, инквизитор Алексей.

Лори рыдала навзрыд. Даже успокаивающие слова Норы не действовали.

- Не переживай! – подбадривала вампирша эльфийку, - я прослежу за ними!

Адмирал не пришел нас проводить. Да и пес с ним.

- Леша, - втягивая сопли, произнесла Лори.

- Успокойся, - я обнял жену, - я скоро вернусь. К тому же я иду не один. Мартис и Клодес со мной.

А еще отряд «Вергилий», десяток рыцарей под командованием Мартиса и десяток гвардейцев под

командованием Клодеса. Только Нора никем не командовала. Это, конечно, задело самолюбие вампирши, но она старалась не подавать вида.

- Меня забыл! – больно ткнула меня в бок Нора. – Ладно, хватит соплей! Портал открыт.

Иркус и Гориан Блей открыли нам портал в межмирье. Дальше мы должны следовать сами. Для открытия портала в водный мир с нами шел Манвелей. Он клирик первопроходцев и обладает нужными знаниями,

что бы открыть портал. Ну, в теории, так как устройства порталов были разрушены.

- Береги себя, - тихо сказал подошедший Варинас. – У Лори нас только двое и я не смогу заменить ей тебя.

- Вы тоже себя берегите, - сказал я. – Я не смогу заменить ей вас.

Мы понимающе посмотрели друг на друга, и я шагнул в портал.

Понеслась!

Автор: Александр Маяков

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛЕЙЛАХ ГРУПП ЗВЕЗДЫ

Глава 12. Какая-то грустная

Сергей шел, ставшей уже привычной дорогой, в сторону маленького одноэтажного магазинчика. С Леной у него не было проблем, не было заморочек, подобных долгим ночным гуляниям, как со сверстниками. В постели она ему отдавалась охотно, пылко и страстно, без тени смущения или каких-то внушенных заиклиненных комплексов. Все было прекрасно, но как-то обыденно и даже семейно, как, например... семейные трусы, которые не одеешь, собираясь в гости к незнакомой женщине на свидание. Воспоминания о Люси казались теперь просто нелепым сном, галлюцинацией, которая, случившись раз, больше не повторится.

Порой от Сергея пахло марихуаной, часто у него были стеклянные или сжатые в точку зрочки. Лена, казалось, не замечала этого, не устраивала сцен, не выказывала никаким обра-

зом недовольства, даже не намекала. Но вопрос, который она задала в этот раз, поверг парня в замешательство и смущение; вопрос этот был:

— Ну что, ты ко мне переезжаешь, или как?

— Или как, — отшутился Сергей, заваливая Лену на диван и расстегивая халатик.

Ее тело было для него знакомым, привычным инструментом, послушно звенящим в руках. Руки скользили по мягкой нежной коже, словно копируя ее виртуальный образ, стирая недостатки и приукрашивая достоинства; губы целовали так, как ей нравилось, и шептали нужные слова, пальцы находили самые заветные уголки, ласкали именно там и так, как это было необходимо; и уже через пару минут Лена изгибалась в сладкой истоме, тихо постанывала и шептала:

— Твои руки, они волшебные... Иди ко мне, скорее, не могу больше.

Когда Лена начала мирно мило посапывать, он отправился на кухню, проглотил подаренную Масакрой волшебную промокашку и долго курил, глядя в грязное черное окно, за которым видны были лишь страшные шевелящиеся уродливые тени костлявых осенних деревьев.

Возвращаясь обратно по длинному коридору, Сергей заметил, что дверь в соседнюю комнату приоткрыта, и из нее летел желтый болезненный свет электрической лампочки, который еще успеет до тошноты надоесть за черную бесконечную зиму. Тихо постучавшись и войдя внутрь, он увидел маленькую хрупкую девушку с фигуркой и прической совсем как у Даяны Росс. Девушка сидела на кровати и курила, задумчиво наблюдая, как дым ее дорогой сигареты уносится в коридор сквозняком. Взгляд у нее был какой-то отсутствующий. Повсюду валялись разные вещи:

одежда, вешалки, обувь, коробки, парфюмерия...

— Привет, хотите парикмахерскую тут открыть? – спросил Сергей, глядя на всякие приспособления для создания женских причесок.

— Я парикмахер вообще-то, но тут только мое, – ответила девушка, выпуская порцию дыма в сторону вошедшего лоботряса.

Выглядел он весьма респектабельно и живописно: черные дырявые отечественные трико, зеленые пушистые тапочки и розовый женский халатик на голое, довольно таки волосатое тело. Картину довершал «хаер», называющийся «взрыв на макаронной фабрике», большая золотая серьга с изумрудом в левом ухе и блестящие безумным светом, развратные озорные глаза.

— Меня Сергей зовут, – сказал он, нагло присаживаясь рядом и закуривая новую сигарету.

— Нина, – ответила девушка, так, словно она сомневалась, – ее ли это имя

на самом деле.

Поболтав минут пять о переезде и просто практически ни о чем, Сергей собрался было уже уходить, но Нина не пылала желанием просто так отпустить нового знакомого.

— Поможешь, завтра шкаф собрать? – спросила она.

— Конечно, как не помочь такой красивой девушке, – обрадовался Сергей и, прикинув немного, добавил: – Ближе к обеду, пойдет?

— Ладно, только инструмент возьми.

— Если собираешься прийти с молотком, не забудь прихватить гвозди, – сказал, непонятно почему, слегка взволнованный парень.

Нина как-то странно на него посмотрела.

— А сейчас у тебя разве гвоздей нет с собой? – ехидно спросила она.

Сергей покосился на приоткрытую дверь и ответил:

— Конечно, есть. Уверена?

— А ты?

— Более чем.

— Тогда закрой дверь. И свет выключи, хотя... как хочешь.

Сергей закрыл дверь, выключил яркую противную верхнюю лампу и почувствовал себя зайцем, попавшим в лисью нору, – начала действовать принятая не так давно промокашка. К тому же, за стеной возможно еще не спала Лена, а он тут, совсем рядом, с незнакомой женщиной.

"В жизни ты или мудака, или терпила", – пришла непонятно откуда в голову мысль. Вероятно у сидевшего на левом плече бесенка проснулось вовремя вдохновение. Больше совесть Сергея абсолютно не беспокоила, тем более что девушка подошла и обняла его, прижавшись всем телом.

Нина казалась по-детски хрупкой и миниатюрной, но в то же время невероятно изящной, желанной и женственной. Сергей сразу же захотел взять ее на руки и отнести в постель, что он и сделал очень бесцеремонно.

— Ты похожа на маленькую лесную нимфу, – сказал он, восхищенно любуясь ее юным телом, одно-

временно и нарисованным и вырезанным из идеально чистого мра-мора.

— Получше, чем та старая вешалка? – неровно дыша, спросила вдруг Нина.

— Не люблю такие вопросы.

— Я про Надю, – засмеялась нимфа и, повалив Сергея на спину, села на него сверху. – Ууу, да мы успокоились, – съехидничала она, взяв в руку теряющий твердость член. – Ничего, сейчас взбодрись. У Нинки тут есть припасы.

Встав с кровати и включив свет, девица прошла по комнате, грациозно покачивая бедрами (несмотря на худобу, попка у нее была – то, что надо). Ей явно нравилось разгуливать обнаженной, возможно не только у него одного на виду. В голове Сергея почему-то возникли ассоциации с рассказами о бесстыжих ведьмах, вызывающих демонов, или зажигающими с Урианом на шабаше.

Открыв какую-то коробку, она достала пакет с ампулами. Сергей молчал. Ему

казалось, что это если не галлюцинация, то какая-то злая шутка.

— Омнопончик; смотри какая запасливая! Бахнешься? – весело сказала девушка, удивительно красивым, сексуальным голосом.

— Люси?

— Наконец-то дошло. Но ты пока еще не совсем то, что мне нужно.

— Поясни.

— Не парься. Давай лучше вмажемся.

— Омнопон достать трудно, если ты, конечно, не врач. Она что, банчит? – спросил парень, зажимая большим пальцем, как жгутом, вену и, работая кулаком.

— С такой фигуркой можно и не то найти, – кокетливо ответила Нина-Люси и быстро струйно ввела Сергею в вену сразу две ампулы.

— Блииин, есть, – хрипло выдавил он голосом раненного на поле боя солдата, откидываясь на спину.

— Да не переживай, когда ты зашел сюда, она уже втертая была. Завтра ничего и не вспомнит.

— А я вспомню? – спросил Сергей, чув-

ствуя, что залипает.

— Посмотрим, – ответила теперь уже точно Люси, ставшая серьезной и грустной.

Она легла рядом, и провела длинными ногтями по груди Сергея. – Ты тут?

— Если бы не вся та дурь, что я сегодня захавал... Я бы решил, что свихнулся, – ответил Сергей.

— Ты и свихнешься, если будешь глотать все подряд.

— Так не бывает. Похоже, что я уже конкретно погнал. Кто ты такая?

— Я Люси, а ты мой Пойсон.

— Ладно, я – Пойсон, ты – Люси... В психушке место найдется и для меня. Будем с Масакрой циклодол кушать...

Сергей не заметил, как омнопон окончательно убавкал его. Отъезжать было легко и приятно. Шесть часов его не было в этом мире, не было и в привычном обиталище снов. Зато шум моря, теплый песок и нежные прикосновения Люси ощущались так явно отчетливо и так блаженно, как не бывает ни во сне, ни наяву, –

в нашей безыскусной, полной разочарований, унылой Ассии – краю изгнанников рая.

— Твой мир не самый реальный, и то, что существует, гораздо хрупче, чем кажется, — шептала ему на ухо прекрасная дьяволица, засыпая теперь уже в собственном сне.

Пробуждение было похожем на отключение электричества во время интересного фильма; еще казалось, что кто-то перерезал кислородный шланг акваланга, и теперь, — хочешь - не хочешь, а нужно всплывать на поверхность. Ну и, конечно же, первой мыслью, едва стоило только открыть глаза, и увидеть потрескавшийся потолок убогой общаги, мозг выдал следующее: «Есть что-нибудь?»

Нина лежала рядом и сладко спала. По ее лицу было видно, что она счастлива – у хорошего омнопона есть интересное свойство, которое можно выразить одним простым предложением: «Потащешься, поспишь, потом еще малеха потащишься». Осторожно убрав из-под ее головы онемев-

шую руку, Сергей встал, подошел к столу, и надломил ампулу. Услышав знакомый хлопок, Нина пошевелилась и, не отрывая глаз, пробормотала:

— Мне тоже воткни.

Порывшись в корбке, Сергей нашел резиновый жгут и очень аккуратно сделал худышке укол в тоненькую, едва различимую вену. Он видел, как напряглось ее стройное, накрытое простыней тело; потом, несколько мгновений спустя, Нина расслабилась, сладко мурлыкнув, положила свободную руку себе между ног и сжала бедрами.

— Я снова кончила, — прошептала она чуть слышно, и очень соблазнительно потянулась. — Ммм так не хочется вставать.

— Поспи, еще рано.

— Я хочу с тобой. Мне такой сон снился...

— Мне тоже, — Сергей наконец-то справился с непослушным жгутом и вмазал себе порцию омнопона.

Идти куда-то сразу же перехотелось, и, подержав секунду ко-

жу пальцем над местом инъекции, он нырнул под простыню к Нине.

— Что тебе снилось? — спросил Сергей, покрывая поцелуями небольшие упругие груди.

— Тебе интересно? — чуть хрипловатым, будто простуженным, сонно-пьяным голосом спросила Нина.

— Интересно, — Сергей целовал теперь уже нежную, бархатную кожу на ее плоском животике.

Нина запустила пальцы в длинные густые волосы Сергея, медленно заставила опуститься ниже, затем, также за волосы, подняла его голову вверх и впилась губами в его горячие губы, одновременно обвивая поясницу ногами. Не войти в нее было просто невозможно, и разговор они смогли продолжить только спустя час.

— Мне снилось почти то же самое, что было сейчас, только на море, — сказала Нина, оторвавшись от банки с соком. — Вода, просто чудо, — такая прозрачная и теплая, а внизу белое дно, как в бассейне. Но я просто

видела это все, а сама была словно марионетка.

— Белые скалы, — сказал Сергей.

— Скалы... ты был там?

— Да был, это место есть на самом деле, неподалеку от Гангиади. — Сергею почему-то не хотелось рассказывать Нине о том, что он видел во сне, тем более что не такие прекрасные, но все - же похожие скалы действительно существовали на Черном море.

— Так странно. Чудное место. Вот бы снова там очутиться. Наяву...

— Обязательно побываешь, или в еще более прекрасном месте.

— Хорошо бы, — мечтательно произнесла Нина. — Я последнее время постоянно втыкаю и торможу. Мы где познакомились?

— Здесь, вчера вечером. Ты просила шкаф собрать.

Большой платяной шкаф с антресолями был почти постоянным атрибутом каждой комнаты в общежитии. Как правило, он делил помещение на две части, отделяя жилое пространство от выхода в коридор, создавая хоть ка-

кое-то ощущение человеческого жилья и уюта.

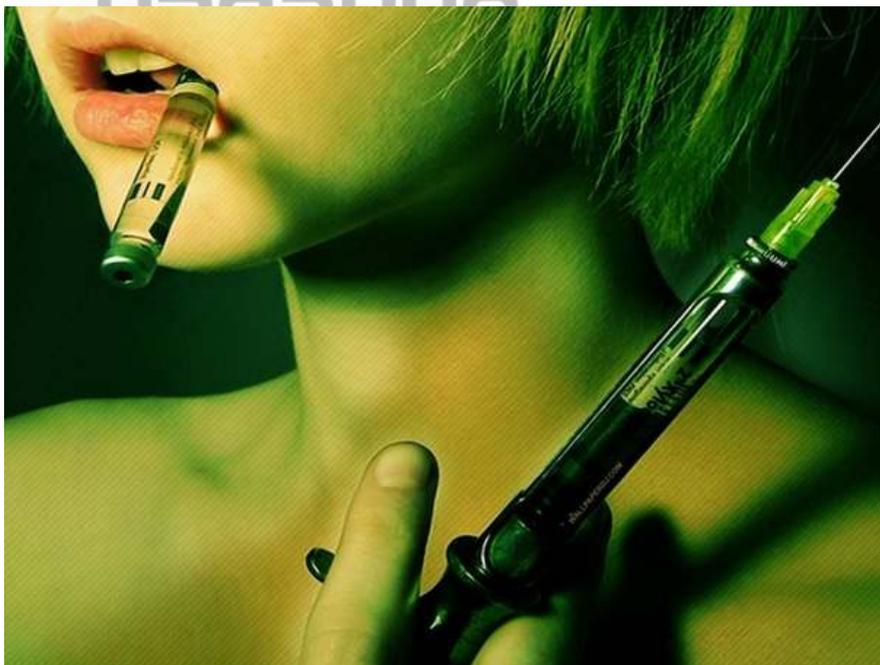
— Да ты што. Ну ясно. Бахнем еще одну на двоих? — предложила она, улыбаясь.

За стеной предательски зазвенел будильник.

— Мне надо одежду забрать, а то дверь закроют.

— Иди, — почти равнодушно сказала Нина, и повернулась на бок, заворачиваясь в мятую простыню.

Автор: Вадим Доннерветтер

Что захотел Стелва

Часть 2

Вторая половина прошлого века. Янки-Сити.

Сэмюэль Бенсон, дед Роберта, родился долгожданным мальчиком после трёх дочек. Он, смеясь, говорил:

- После девяти месяцев комфортного пребывания у мамы в животике, я появился на свет божий, криком выражая своё несогласие. Всё было напрасно, мой жребий был предопределён - в руку мне вложили скальпель: все мальчики, рождённые в нашем семействе, становились врачами нейрохирургами. И очень, нужно сказать, успешными.

Мужчины в роду Бенсон славились своей породой, статью и красотой, Высокие крупные брютеты, с пышной гривой волос, с длинными тонкими чуткими пальцами. Делом чести каждой ветви рода считалось оставить после себя наследника, который продлит славное дело своих дедов и отцов.

Сэм был похож на своих родственников, такой же неотразимый красавец, оперирующий нейрохирург, известный далеко за пределами своей страны. Сорокалетний холостяк, любимец женщин, отвечал им пылкой взаимностью, но вести под венец не спешил ни одну из них.

В тот роковой вечер Бенсон оперировал тяжёлого больного с субдуральной гематомой. Проведя резекционную трепанацию, ликвидировал источник кровотечения, ушил твёрдую мозговую оболочку. Восстановление покровов черепа и установку дренажа поручил второму хирургу и вышел из операционной. Трудно знать наперёд, но похоже всё прошло успешно. Бенсон устал, хотелось лишь снять с себя испачканный халат и отправиться домой спать. В этот момент, как в замедленном кадре, он увидел спешащую по коридору каталку, залитое кровью лицо, свесившуюся вниз тон-

кую девичью руку. словно яркие язычки пламени вслед за каталкой развевались в воздухе ярко рыжие волосы. Ещё не осознавая до конца, что происходит, Сэмюэль крикнул санитарам:

- Быстро, в третью операционную!

Полчаса тому назад восемнадцатилетняя Лилиан с партнёром возвращались с балета "Спящая красавица", где она исполнила партию Авроры. Премьера прошла на "бис". Счастливые, возбуждённые успехом, заваленные букетами цветов, они ехали в ресторан, где в их честь давался банкет. Пьяный водитель на бешеной скорости выехал на встречную полосу и врезался в их машину лоб в лоб. Партнёр погиб на месте. Спасатели с трудом достали умирающую девушку всю усыпанную лепестками роз, смешавшихся с кровью.

Всю ночь бригада хирургов во главе с Бенсоном боролась за её жизнь, Дважды им казалось, что они её

уже потеряли. Но ангел - хранитель, витавший в ту ночь под куполом операционной, спустился к ней, крепко держал за руку и шептал в изящное ушко: "Живи, живи...".

Всё свободное время Сэм проводил в реанимации рядом с ней. Он смотрел на юное лицо в россыпи веснушек, обрамлённое шлемом белых бинтов, что делало её ещё бледней. Хирург прекрасно понимал, что вправить больной мозги и наложить заплатку на череп ещё не значит сделать её вновь разумной гомо сапиенс. Неужели врачи зря боролись за жизнь этой девочки, а она останется просто растением?

Через двое суток Лилиан открыла ог-

ромные ярко-синие глаза, и в них светился разум и жизненный свет, Сэм с облегчением вздохнул и понял, что именно с ней желает прожить свою дальнейшую жизнь. Видно ей он тоже повредил что-то в мозгах, потому что и девушка влюбилась в своего спасителя.

Они поженились прямо в больнице, не дожидаясь пока ей снимут гипс с правой ноги и левой руки.

О карьере балерины пришлось забыть. Лилиан полностью отдалась любовным переживаниям, не желая думать, чем она будет заниматься в ближайшем будущем. А больше всего на свете она желала родить своему любимому мужчине мальчика,

сына, такого же великолепного брюнета, который продлит в будущем дело своего отца. Но Лилиан стала замечать, что Сэм даже в угаре страсти вполне контролирует процесс и прерывает его, не излив в неё свои соки. Когда она спросила мужа, что происходит, он ответил:

- Лили, девочка моя, ты перенесла тяжелейшую операцию, а беременность и роды слишком тяжёлая нагрузка для твоего неокрепшего организма. Если тебе так хочется ребёнка, давай усыновим мальчика или девочку, сделать это совсем не сложно. Я слишком люблю тебя и не готов рисковать твоей жизнью.

Лилиан рассерди-

лась, она решила во чтобы то ни стало отстаивать своё право стать матерью:

- Я полностью выздоровела, чувствую себя прекрасно и вполне в состоянии выносить и родить ребёнка.

Теперь занимаясь с мужем любовью, она обвивала его спину крепкими натренированными ногами, прижимала к себе со всей силы, не позволяя оставить её лоно без семени.

Лили переносила беременность, как и все другие молодые женщины в её возрасте. Прошёл лёгкий токсикоз, она чувствовала себя превосходно. Много гуляла, особенно любила Лилиан

прогулки в дождливую погоду. Надевала тёплый свитер, сапоги, плащ, натягивала капюшон на свои уже отросшие волосы и отправлялась к океану. Шум набегающих волн, серое небо, сливающееся на горизонте с небом, совсем не вызывали в ней тоску. Она видела в этом величие природы, вечное и непобедимое, связывающее прошлое с будущим. Уйдут поколения за поколением, покинут мир живых, а океан всё будет сливаться с землёй, напевая вечную мелодию жизни.

Роды начались вовремя, Сэм находился рядом с женой. Но в какой-то момент родовая деятельность пре-

кратилась, сердцебиение плода не прослушивалось. Лилиан забрали на операцию. Она держала за руку мужа, пока ей вводили наркоз, и умоляла:

- Только спасите нашего сына... прошу тебя... сделай всё, всё... спаси...

Очнулась Лилиан в палате. Сэм сидел рядом и держал её за руку.

- Сэм, ну как наш мальчик? Большой? Брюнет?

- Любимая, - Сэмюэль целовал её тоненькие ручки и устало смотрел ей в глаза...

Автор: Карин Гур

НАВАЖ ДЕНЬЕ

- Черты обостряются. Она уходит.

Что-то ещё колет. Я уйду? Куда? Серая пелена липнет ко мне.

Тихий голос над ухом:

-Выбор за тобой. Ты любишь Игоря? Ты, можешь, его простить?

Ты хочешь жить?

- Не знаю...

- У тебя одна минута. Думай...

Он сгоряча, конечно, сгоряча под влиянием Инны, орал. Привык командовать, разучился слушать. Я оправдывала его в своих глазах. Игорь не идеал, это моя прихоть, создала из него икону. Я без него не могу. Ужас охватил меня при мысли, что я больше не увижу Игоря.

- Неет! Господи, я прощаю его, Господи... Я так его люблю... Господи, ну что он плачет...

Подъехала кардиологическая. Меня переложили на какой-то брезент, потом на носилки, их задвинули в машину. Пелена на-

чала прореживаться. Игорь сел в машину.

-Вы кем приходитеесь больной?

-Мужем.

Игорь сказал, что он мой муж? Его гребень, который он любовно укладывал, торчит во все стороны. Подкусывает нижнюю губу, словно соску сосёт. Сильно нервничает. Знаю. Поздно, наверно, мать от груди отняла. А меня это действие вводит в дикий восторг.

-Прости меня дурака, Натали, прости... Что ты удумала...? Как ты решилась оставить меня одного в этом мире? До чего я тебя довёл... Не рассказывай, Натали, никому, на что ты решилась. Нельзя, а то в психушку, упекут. Я без тебя жизнь не представляю. Нашёл. И так глупо потерять. Как я тебя люблю! Я даже представить не мог, что ты потеряла код. Что же мне не сказала? Я бы позвонил тёте, она бы завезла деньги. Какая ты глупенькая. Знаешь,

какая Люська молодчина. Она ворвалась в квартиру, и дикими матами привела меня в чувство, рассказав обо всём! Люська! До конца своих дней я буду ей благодарен. Натали, пусть Люська будет свидетельницей на свадьбе. Вот и приехали. Меня в реанимацию не пустят. Я понимаю, что тебе трудно будет меня простить... любимая моя.

Я ничего не могла ответить Игорю, он всё равно бы, не услышал.

Боженька дал нам ещё один шанс. И всё-таки та любовная эйфория ушла. Я опустилась на землю.

Через три дня меня перевели в общую палату. Игорь хотел перевести в платную, но я отказалась. С женщинами веселей. Евгений переправил полис, хотел приехать, но я не разрешила. Сынок мой, Сашка, прилетел, просил прощения. Какая мать не простит родного сыночка. А с остальными разговор простой – вон! Даже

все номера телефонные удалила. Сашка, сказал, что он ничего на себя не переписывал и не будет. Познакомился с Игорем, подружился и жил у него. Пока не могу сказать у нас, что-то не даёт. Игорь Люську устроил на другую работу и нашёл обмен её малёхонькой коммуналки на большую, недалеко от него. В размышлениях о себе и Игоре прошёл месяц. Пелена спала с глаз. Я увидела себя со стороны: влюблённая женщина не понявшая, что её мужчина больше всего любит свою мечту детства, и в этой мечте ей пока отведена пассивная роль, что мечта о любви сильней самой любви. И мне придётся сделать выбор, или расстаться, протстав Игоря или бороться за свою любовь, понимая, что он прожил большую жизнь, что его не переделать, что будет ещё много неприятных ситуаций. И, после долгих раздумий, я решила бороться, сознавая, как нелегко мне будет жить с Игорем. Курс лечения подошёл к концу. Между полётами Игорь безвылаз-

но находился у меня. Впервые мы строили планы относительно нашей совместной жизни. Реальные. В них было место и моему Сашке, и внукам, и Люське. Но обида ещё занозой нет-нет да давала знать. После обеда в выписной день Игорь приехал за мной. Серьёзный. Настоящий командир. Пока ехали к дому, напряжение нарастало с каждой минутой. У двери квартиры такой страх охватил меня, что я готова была развернуться и уйти. Но увидев напряжённый взгляд Игоря, переборов свою обиду, я вошла в свой дом, и теперь точно могу сказать - в свою семью. Меня ждала вся семья. Стоял невероятный гвалт. Накрыт стол. Здесь все радовались нам. Сашка с женой Галей, внуки Владик с Юленькой, Люся с дочкой Валею. И вдруг Люся, как крикнет:

- Горько!

- Это же не свадьба!

- Репетиция!

Игорь нежно обнял, ласково преодолевая моё сопротивление, губы слились в поцелуе, самом горя-

чем в моей жизни. И всё горькое улетучилось, как та кошмарная пелена. Впервые за последний месяц я улыбнулась. Будем готовиться к свадьбе...

- Просыпайся, моя конфетка, просыпайся. У ж е п о л - одиннадцатого, скоро Игорь подъедет, а ты всё в постели.

- Бабулька, можно так, пока Игоря нет?

- Можно, но при нём ни-ни, Юля! Не надо его расстраивать.

- Бабулька, и чего вам не жилось в Москве? Видимся от силы два раза в год? Не летаешься в Париж. А, правда, что вы в Гоа в декабре полетите?

- Правда. У нас юбилей, десять лет, как встретились в Гоа. Там и отметим.

- Я тоже мечтаю о такой любви, как у вас. Бабуль, а что такое любовь?

- Любовь? Я не знаю. Для меня любовь просто наваждение, от которого куда не деться.

- Как это наваждение?

- А вот так. Ты же дышишь воздухом, не можешь не дышать, даже, когда он непри-

ятный. А я так же не могу жить без Игоря.

- Сравнила кислород с Игорем. Он у тебя добрый. Вы с ним наверно и не ругаетесь?

- Почему не ругаемся? Ты теперь взрослая, сама увидишь. Ещё как ругаемся, пыль до потолка стоит. Особенно, если на работе у Игоря какое-нибудь происшествие, то он ногой дверь открывает, злой. Конечно, такое редко бывает, но бывает. Но это мелочи жизни. Я тоже не подарок.

- Не обманывай, бабуль. Я не слепая. Скажи честно, не хочешь рассказывать.

- Когда мы поженились, жёны друзей Игоря, меня не приняли. Им нравилась гражданская жена Игоря Марина. А тут Игорю предложили поработать в Орли, он согласился. Мы всё продали, кроме одной квартиры в Москве и купили эту, маленькую квартиру, но в центре Парижа. Обзавелись новыми друзьями, получили вид на жительство. Каждый год двадцатого декабря ездим на Монмартр. Все поднимаются на эскалато-

ре, а мы пешочком. Любуемся Парижем от базилики Сакре-Кёр, а потом узкой улочкой с множеством сувенирных лавочек идём на площадь Тертр, где всегда полно художников. Нам понравилось творчество Жака Денни, и он каждый год рисует наши портреты.

Да-да. Те, что в холле висят на стене.

- Бабуль, как интересно. А почему на одном портрете Игорь один, без тебя?

- Пять лет назад чуть всё не полетело в тартарары. Игорь влюбился в стюардессу Мари. Ты же, родная, знаешь, что я старше Игоря на десять лет. И как бы я не следила за собой, годы берут своё. А Мари было всего тридцать лет, она могла родить ему ребёнка. Роман был не шуточный. Мне было очень тяжело. И тогда я приняла решение, помнишь, пять лет назад я прилетела на Новый год? Я ушла от него. Казалось, мир рухнул... Палочка-выручалочка моя, Люська, поддержала тогда меня. Слезы платочком носовым вытирала.

- Но я помню, Игорь прилетел за тобой через два или три месяца. Я тогда в гардеробной спряталась и слышала, как он прощения просил у тебя. А ты ему отказала. Как грубо! "Пошел вон, мерзавец!" Он через месяц снова прилетел. Ты снова отказала и снова очень грубо. Я бы на его месте больше не прилетела. Папа тогда говорил, что тебя не понимает.

- Не хотела портить Игорю жизнь. Он привык жить, как ему нравится, не считаюсь ни с чем. Чёрного кобеля не отмоешь добела, как говорится в нашей русской пословице. И только на четвёртый раз, когда он сказал, что любит только меня, а не Мари, что ему нужна только я, пошла на попятную. И то не сразу. Не сразу.

- Не плачь, бабуль, а то я тоже заплачу. Ты его не простила?

- Простила. Но не забыла. Очень больно, девочка моя. Ты спросила, что такое любовь? Я думаю, любовь это прощение, мучительное.

Когда говорят –

самопожертвование, я не верю. Я не жертва и заклятие не для меня. Я реально оценила сложившиеся обстоятельства. И освободила Игоря от пут каких-либо обязательств передо мной.

- А как же Мари?

- Она вышла замуж за француза. У неё хорошая семья. Не работает. Больше я ничего не знаю. На эту тему с Игорем не разговариваем.

- А у тебя романы были? Неужели ты никому не нравилась?

- Как тебе сказать? Игорь для меня свет в окошке. Но когда я вернулась к нему, произошло одно важное событие. Выгляни в окно. Видишь кафе. Я каждый вечер гуляю, потом захожу в это кафе выпить чашечку кофе. Официант, то один презент от кого-то передаст, то дня через два другой. А презенты дорогие, то колечко с бриллиантами, то браслетик. Игоря довёл до сумасшедшей ревности мой неизвестный поклонник. А у меня повысилась самооценка. И плечи распрямились, и походка лёгкой стала. Игорь всё-таки

вычислил его. У них состоялся крупный разговор. Владимир, тоже оказался бывшим русским, вдовцом. И напрямую заявил Игорю, мол, отдай жену, она тебе не нужна, видел тебя с французкой, токовал, как тетерев, а теперь нарываешься.

- Да ты что? А Игорь?

- А что Игорь... Оба крутые... обо мне забыли. Амбиции верх взяли. Пришлось точку ставить мне. Юля, всё. Игорь идёт. Молчок. У него сердечко пошаливает. Не летает уже. Глаза не красные? Постель убрала? Улыбаемся.

Игорь вошел сияющий, словно не прошло десяти лет. Если приглядеться, то изменения есть. Вместо гребня на голове, аккуратный ёжик, но только седой. Тот же блеск глаз, но слегка припухшие веки. Одет он, как всегда с иголочки, туфли модные. И так же прикусывает нижнюю губу. Глянул на меня и опять прикусил её.

-Юлька, проспала? Только подскочила?

- Я давно встала.

- Не ври. Даже не умывалась ещё. Какой там макияж. Я устал тебе говорить, что женщина должна смотреть за собой. Лени в тебе много.

-Убегаю, убегаю. Меня ждут, а я болтаю. Приду вечером. Не волнуйтесь.

-Скоро её замуж выдавать будем, Натали. Натали, я что-то устал, пойду, прилягу. Пойдём, полежим вместе. Кофе? Не хочу. Пойдём.

Обняв, настойчиво повёл в спальню, где мы дружно завалились на кровать. Я положила голову на его плечо. Игорь притянул меня к себе, не давая отодвинуться. Родной запах мужского тела не перебивала даже туалетная вода.

- Натали, ты опять плакала. Давай поговорим. Прошло пять лет, а мы ни разу не поговорили на самую болезненную тему. Как будто её не было. А она была. Ты пять лет истязалась и себя, и меня.

-О чём Игорь говорить? Мне больно. Я простила и забыла.

-Нет! Ты не простила! И не забыла. Ты не захотела даже

выслушать меня. Или ты выслушаешь меня и простишь, либо ты свободна. Я так жить больше не могу.

-Хорошо... Я слушаю...

- Помнишь пять лет назад, ты стала отрешённой. И всё спрашивала, когда я улечу от компании в Америку на стажировку, на целый месяц? Я думал, что ты завела любовника. В это время в экипаже появилась Мари. И положила глаз на меня. Но я, же мужик. То поманит, то оттолкнёт, а у меня разыгрался охотничий азарт. Страсть росла, а ты ничего не замечала, всё о чём-то думала.

-Думала. Собрала я тогда потихоньку денежки на пластическую операцию, хотела без тебя сделать. Ты же яростный противник всяких подтяжек. А мне уже сказали про Мари, что она тебе прохода не даёт. Конечно, такой импозантный мужчина, да ещё командир!

- Твои тайны и довели до кошмара. Я прилетел, а ты молодая, красивая, сияющая. Я с ума сошёл. Хотел найти любовни-

ка, от которого ты в таком восторге, что на вид стала гораздо младше меня, и грохнуть его.

-Конечно, во всём виновата я! А ты мог, спросить меня? Не мог. Гордыня заела.

-Испугался услышать правду и не справиться с собой. Я был в таком состоянии, что мог убить тебя. Тогда я поддался Мари, хотел тебя уесть. Начал ухаживать за ней. Но я её не любил, ни одной секунды. Тебе быстро донесли. Я помню, прилетел, а на тебе лица нет, ты молчишь, ничего не спрашиваешь. А в тот день Мари пригласила меня к себе. Молодая. Страстная. Не скрою, мне хотелось её. Когда я разделся, то глянул на часы. Было полшестого вечера. Это время до сих пор забыть не могу. Ну было, было всё... Не отрицаю. Только после этого на душе стало паршиво. Я сказал Мари, что все, что между нами произошло в первый и последний раз, что я люблю тебя, и никакая женщина с тобой не сравнится. Приезжаю домой, а тебя нет. И вещей нет. На столе

записка: "Уехала. Прощай. Желаю счастья с Мари. Ты свободен. Подавай на развод. Семнадцать тридцать." И вновь я в неуправляемом пике: подбит самим собой.

-Мне позвонила Эдит, сказала, что вы поехали к Мари. У меня, Игорь не осталось шанса. У мужчин возраста нет, а я шестидесятипятилетняя женщина ни в какое сравнение не шла с тридцатилетней. Она могла родить тебе ребёнка. Собрала вещи, документы и, умытая слезами, я написала записку. Часы отбили семнадцать тридцать. Его я и поставила.

-Хорошо. Улетела. Почему трубку не брала? Я прилетел в Москву, хотел покаяться. Ты и слушать не стала. Вернулся в Париж и запил. Порусски. Как раз компания дала всем долгосрочные отпуска. Пил месяц, месяц приходил в себя. Снова прилетел в Москву. Опять от ворот поворот. Дома перерыл все бумаги и нашёл квитанции из клиники. И понял: никакого любовника никогда не было. Была

операция. Я сходил к хирургу твоему, он подтвердил.

-А, что я могла, Игорь, сказать? Что? Я иногда жалею, что вернулась. Не надо было. Когда ты прикасаешься ко мне во время интима, мне кажется ты не со мной, а с ней. Я задыхаюсь от её духов. Когда я вижу ухмылки твоих коллег, мне хочется умереть. Ты меня размазал по стенке. О каком любовнике ты говоришь? У меня никогда в жизни не было любовников. Ты ищешь себе оправдание. Просто не можешь признаться, что разлюбил. Зачем, Игорь, я тебе? Зачем было спасать, чтобы потом убить? Тебе не двадцать лет, ты в здравом уме и вполне понимал, что делаешь. Не можешь так жить. Живи по-другому. Я уйду хоть сейчас.

Слёзы навернулись на глаза. Я редела навзрыд, хотела встать уйти, но Игорь крепко прижимал к себе, приговаривая:

-Что ты говоришь? Куда уйдёшь? Я не могу смотреть, как ты уже пять лет плачешь, да украдкой, но я же вижу. Я под-

лец, Натали, но я не могу жить без тебя. Выплачь обиду до дна, чтобы она больше не мучила тебя и меня... Я же люблю тебя больше жизни, и днём, и ночью только тебя, моя единственная. Какая Мари? С того дня я ни разу не вспомнил о ней. Какой ребёнок? Однажды я неудачно катапультировался, когда подбили в Чечне. После этого никаких детей быть не может. Плачь, моя желанная. Мне Люся сказала, что пока ты не выплечешься, мы будем маяться. И с чего ты взяла, что женщины только и мечтают переспать со мной? Я вовсе не красавец, ты разве не видишь? Что ты мучаешься? Посмотри, седые волосы.

-А какие густые...

-Глаза небольшие.

-А лукавые...

-И ноги ставлю неправильно, мать всегда ругала.

-Неет, ты ходишь, как маленький ребёнок... Мне очень нравится...

Слёзы нескончаемым потоком лились из глаз. Майка Игоря мокрая от слёз. Он взял меня на руки и

сидя на кровати, укачивал, как ребёнка, целуя в макушку.

-Это ты, Натали, красавица! Когда идём по Парижу, мужики головы сворачивают. Если бы ты знала, как я ревную тебя в эти минуты. Дурочка моя..., сладкая. Проревелась...? Пойдём, умоешься. Попьём кофе, я сварю по особому рецепту, моему. Ты простишь меня, Натали? И будешь ходить со мной всюду? Как надоело на коктейли ходить одному. Дай слово, что больше не будешь плакать.

-Даю.

-Натали, скажи: любимый мой.

И рыдая, через силу со всхлипами, шмыгая носом, кое-как произнесла:

-Любимый мой, я простила тебя. И больше не буду напоминать.

Правда простила. Честное слово.

-Ну, вот и ладушки. Натали, пусть Юлька зовёт нас, как хочет. Дед так дед, и так уже седьмой десяток идёт. Не пацан. У всех внуки. И у нас есть.

-Владик по твоим

стопам пошёл, летает как ты.

-Иван сказал, хороший лётчик из него получился, весь в меня. Я горжусь. Всем говорю, внук в меня! А у Юльки ещё ветер в голове, но как она похожа на тебя, Натали! Как похожа! Купил билеты в Гоа, прилетаем в Добалим, отель в Баге, твой любимый – «Алидия». Оторвёмся? А сейчас пойдём спать, пока Юльки нет. Сегодня тяжёлая смена и бурное утро. Настоял бы раньше на разговоре, раньше бы всё и утряслось. И ты сегодня не выспалась, Юльку встречала. Натали, а скажи, как у тебя получается, что чем ты старше, тем моложе выглядишь?

-Просто ты, Игорь, взрослеешь. Это правда, не выспалась. И вряд ли усну. Не могу понять, почему я люблю тебя, почему прощаю. От первого мужа ушла сразу и безоговорочно, со вторым брак сам по себе развалился. Если бы не встретила тебя, жили бы каждый своей жизнью.

-Просто я тебя очень люблю. Всю жизнь ты уходишь от меня, а я тебя возвра-

щаю. Хорошо, встретились, я был пацаном, но последнее письмо я тебе написал взрослым мужиком, мне было двадцать четыре года. Ты даже не удосужилась его прочитать, а вот твоя мать написала мне, что ты всё равно будешь моей женой. Я в нём предлагал тебе руку и сердце. Как я ждал ответа. Напрасно. Но провидение есть. Для нас – Бага.

- А мне иногда кажется, что я для тебя дичь, которую заполучив, тебе становится скучно. И ты создаёшь такую ситуацию, что я бегу от тебя не по своей воле, а по твоей. Мужская логика сильна, а уж у тебя... иначе стал бы ты классным лётчиком? В Баге встретились, я тебя не узнала, но ты узнал. И сразу провокация, потому что понял: понравился!

- Нет, Натали, я просто испугался. Признаюсь, а ты уйдёшь. Так и так ушла. Я тебя только в одном обманул, адрес мне был известен, но я долго решался. А Сергея я попросил сказать, что искал тебя через агентства. Он мне сказал, что я дурак, и ты меня любишь. Между про-

чим, когда ты прилетала в Багу второй раз, он тоже там был. И понял, что ты ищешь меня. А меня как назло в это время отправили на переподготовку. И в аэропорту встреча была не случайной. Я ждал тебя.

-Ты меня ждал?

-Натали, Натали... А почему не Ната, не задумывалась? При имени Ната, я становлюсь опять пацаном. А я не хочу быть им. И ситуации складывались удручающие от безумной ревности и любви. Инна, тогда мне намекнула, что ты деньги сняла с карточки и наверно потратила на какого-нибудь мужика, а чтобы оправдаться в моих глазах, устроилась подъезды мыть. Я и сдурел. А оказалось, как лежал на счету миллион, так и лежит. Ты даже рубля не сняла. Из-за этой стервы друга потерял, а тебя еле успел спасти. Мы с Люсей на мигалкой машине с мигалкой неслись к Курскому. Я видимо, патологически ревнив. И не хотел, чтобы ты делала подтяжку, потому что люблю каждую твою морщинку. Ты же не замечаешь, как я сдал,

так и я. Глупости всё это.

- Боже, мой! Игорь, но почему мы такие дурные? Знаешь, я не чувствую своего возраста, когда ты рядом со мной. Мир в ярких красках. Я ведь тоже безумно тебя ревную, иногда еле сдерживаюсь. И на коктейли перестала ходить с тобой из-за страха, что встречу Мари, и покажу ей Кузькину мать. Если бы ты знал, сколько вариантов мести крутится в моей голове. Вернее крутилось. Действительно, давно надо было поговорить. Насколько легче стало бы жить. Убери руки, мне дышать нечем. Где любимая подмышка? Ну, всё. Теперь можно спать.

Разбудил звонок. Юлька обрадовалась тем, что не придёт ночевать. Мол, не волнуйтесь предки я со своим бой-френдом. Завтра увидимся. Игорь в трусах устроился в кресле перед телевизором. Не признаёт никакой домашней одежды, только если мы не одни надевает шорты. Я быстро разогрела ужин, поставила на тележку, пристроилась

в кресле напротив и как всегда принялись за ужин втроем: Игорь, я и телевизор. Закат пошалил, заглядывая в окно, удостоверился: в семье порядок и спрятался за штору. Через неделю улетим в Гоа. Хозяйничать останется Юлька.

Даболим встретил нас прекрасным расцветом. Такси на выбор. Все знают английский. Даже я поднабрела в нём. Мы с Игорем сели на заднее сиденье, предвкушение восхитительно. До Баги всего пятнадцать километров, машин мало, за час докатим. Всё узнаваемо. Проехали Панаджи, затем по мосту через полноводную чистую реку Мандови. Когда-то говорили, что реки в Индии грязные. Не правда. Чистые. Не успели оглянуться - Калангут. Ещё два раза моргнули: Бага. А вот и «Алидия». Нас ждут. Номер готов. Шикарный. Я-то останавливалась в беднячком на первом этаже без кондишена, телевизора и прочих радостей жизни. А тут - супер! Отель в яркой зелени с нежно голубой водой в бассейне. Бросили вещи. Переоделись и к

океану. И за калиткой всё по-прежнему: песок, свалка, хаотично расположенные дома индусов, чёрные поросята, коровы гулены. Привычный ландшафт.

Дорожка, ведущая прямо к океану мимо нашего шэка. Изумрудные волны со взвесью песка. Народа на берегу нет. Только Игорь и я.

Игорь вбежал в море, нырнул, проплыл под водой и вынырнул, как мне показалось далеко от берега.

- Натали, иди ко мне!

- Идуууу...

Я медленно вошла в тёплую ласковую волну и поплыла к Игорю.

- Натали, я люблю тебя... Натали, я люблю тебя...

Он подхватывает меня на руки.

- Игорь, я люблю тебя... Игорь, я люблю тебя...

Океан замер. Полный штиль. Как давно он хотел услышать наши признания! Мы любим... Мы любим... Океан любви... Океан страсти... или наваждение?

Автор: Татьяна Уразова

Исповедь проститутки

Глава вторая. Любовь и сволочи.

«Я хочу исчезнуть из этой жизни!»

Это заявила мне Ирка.

«Как это? – с желанием придать этому заявлению долю шутки уточнила я. – Чтобы следов не осталось?»

«Вот именно!»

То, каким тоном она это сказала, срезало улыбку с моего лица.

О том, что Ирка была беременной, я узнала после ее смерти.

Беременная проститутка. Что вы знаете об этом состоянии? Ничего не знаете!

«Это тоже самое, - сказала когда-то сама Ирка, - что оплодотворить автомат, выдающий порции горячего кофе».

И вот она была этим автоматом, который был оплодотворен еще и мыслями о материнстве. Начались сбои, когда посетители обшлуживали за услуги свои деньги.

Она была этим автоматом, в который влезла бабка-повитуха

со своим скребком, валявшимся среди средств от клопов.

Обо всем этом я думала на похоронах подруги. Единственная, кто бросил на ее гроб горсть земли, была я на пустом кладбище.

Ирка умерла в ванной. Она лежала с измученным от боли и страха лицом, полузалитым красной от крови водой. А я долго сидела на краю ванной, раздумывая о бессмысленности человеческого существования. И даже попыталась представить себя на ее месте. И протяжно вздохнула.

Его звали Максимом.

- Тетя, дай малышу, - сказал он, когда я выходила из своего подъезда.

- Прямо здесь, что ли? – усмехнулась я. Мальчишке было лет пятнадцать. А может и меньше.

- У меня дома никого нет.

- Где ты живешь?

Он показал на дом, противоположный моему:

- Третий этаж,

вон пакетное окно, - сосед, значит.

Во дворе никого не было. Асфальт аллеи был в пятнах от опавших листьев. Рано утром слышен шелест метлы дворника. Но осень упорно устилает землю листьями.

- Я тебя вычислил, - сказал он. Робкие усики на его верхней безгрешной губе дрогнули. - Я видел, как тебя нанимали.

- Математик или разведчик?

- Нет, хочу попробовать серьезную телку.

- Серьезная телка, - усмехнулась я, - задарма не работает.

- 200 баксов на часа три...

- У тебя в школе подружки нет?

- Есть, но я хочу, чтобы она почувствовала мой опыт.

Вон как серьезно – опыт!

Я была свободна.

- Если под кроватью окажется футбольная команда твоих дружков, - предупредила я, - то с каждого по сотне баксов!

- Ты зайди через минут пятнадцать,

квартира 27.

Он побежал в свой дом.

Я прошла вдоль своего дома, вышла на улицу и заглянула в кафе. Одна чашка, одна сигарета, десятки взглядов мужчин. И презрительных от опытных, и наивных от восторга романтиков.

Я выгляжу на все сто. Даже больше, хотя Ирка была круче меня. Эх, подружка!

На улице я повела себя осторожно. Стояла, подкрашивая губы, в зеркальце осматрелась. Малыш мог устроить пакость.

И в подъезде осматрелась, поднялась на лифте на восьмой этаж, затем спустилась пешком. Ничего подозрительного.

Дверь в 27 квартиру была приоткрыта. Только вошла, как мой клиентик вынырнул из ванной. Он был в халате с отцовского плеча.

И бросился запирать за мной дверь.

Я осмотрела квартиру. Четыре комнаты, мебель новая, все облагорожено со вкусом. И в комнате мальчишки все, как у любимого сына: ком-

пьютер, музыкальный центр, домашний кинотеатр, удобное кресло, полутораспалка. Уместимся.

- Ты красивая, - вошел мальчишка.

- Даша, - представилась я. Соврала, не знаю, почему.

- Максим, - и без перехода, - вот деньги.

Он вынул из кармана халата две сотни.

- Пока спрячь, - сказала я. - Туда, в свой стол. На прощанье отдашь, на улице. Ведь пойдешь провожать даму?

- Ну что ж, осторожность не помешает.

Максим сказал это очень даже рассудительно.

Я стала раздеваться. Это продуманный ритуал. Плащ я повесила на спинку кресла. Так можно было быстро одеть его на голое тело, а вещи бросить в сумочку. Легкая кофта, короткая юбка, трусики, бюстгальтер. Это на компьютерный стол.

Пока я неторопливо раздевалась мой юный клиент раз пять садился на кровать и вскакивал. Он то кутался в халат, то распахивал его, демонст-

рируя свое возбуждение.

Я расставила акценты, подойдя к нему, заставив окончательно лишиться халата. Обняла, унимая его дрожь. Затем оттолкнула от себя на кровать и после некоторых манипуляций, предохраняющих от беременности, сверху села на неплохо натренированное тело.

- Паспорт есть?

- Что? - не понял он, судорожно стянув края простыни обеими руками.

- Паспорт, - повторила я.

- Он в столе. Но ты не поднимайся, я сейчас кончу!

Я подчинилась. Таковы издержки обучения.

Паспорт я все-таки проверила. Парню оказалось почти семнадцать лет. Ну, что ж, в растлении малолетних меня не обвинят.

Курс обучения продолжался по заказанному времени. Мальчишка был легко возбудим. Это и есть недостаток, который устраняется только сильной волей. У Максима она была где-то на задворках.

- А как у тебя самой первый раз это было? – спросил он, чтобы хоть немного отвлечься, потому что его естество протестовало против всякой задержки перед новым кругом обучения. Это было совершенно неожиданно для меня.

- Я была старой, - сказала я, - уже работала диктором телевидения, ну, седьмого канала, когда мой шеф закрыл в кабинете дверь. Сначала он пальцем лишил меня девственности...

Я рассказывала скучным, равнодушным языком. Но не про то, как этот красавец с виду Жорж Алмазов (в миру Георгий Наумов) настоял на моем увольнении после того изнасилования. Это было чудовищной подлостью. Он кричал в кабинете главного редактора о морали. Он брызгал слюной. Он назвал меня проституткой! Я тогда потребовала месячный оклад за дефлорацию... А через полгода, в парике и крутом прикиде, появилась в компании Жоржа и его друзей, вызвавших девочек. Я все-таки здесь же, на

людях, вытребовала у Алмазова месячную зарплату!

- У меня был папень, - я же говорила Максиму о другом, о раннем моем прошлом, - мы были одноклассниками, и проводила служить его на флот. Он утонул, оказавшись на плоту, унесенном от берега...

- Ух, ты! Как его звали?

- Не помню, - соврала я и тотчас же спросила, - а твою девушку как зовут?

- Ленкой.

- Она у тебя будет второй, после меня?

- Первой! Ты не в счет!

Я вздохнула. Вот так я не принадлежу в этой жизни самой себе!

Когда я выходила, то у двери на лестничной площадке уже стоял красивый, слегка седоватый мужчина. «Отец», - догадалась я.

- Пап, - это наша училка, по биологии, - нашелся Максим.

- Да, я знакомлюсь с учениками, - поддакнула я.

- Понятно, - ответил отец. Он дураком не был. - Сколько ты

ей отдал?

- Еще не...

- Сколько я тебе должен, - спросил родитель у меня.

- 200 долларов за три часа.

Он засунул руку в нагрудный карман своего модного пальто, вытащил деньги и отсчитал мне четыре бумажки по 50 долларов. Отдал он их левой рукой, а правой съездил мне по лицу.

Я разорвала эти деньги и бросила клочки в лицо папаше:

- Я их не мелко, можно будет склеить!

Дня через два меня снова подкараулил Максим. Он стоял между пролетами и смотрел в окно. Он слышал, как я закрыла дверь, повернулся ко мне и стал подниматься.

- Вот деньги.

Я взяла их и хотела обойти мальчишку. Но он расставил руки.

Я улыбнулась:

- Как Леночка?

- Не знаю, - полная растерянность в темных глазах юноши. - Можно я к тебе поднимусь?

- С какой стати? А следом ворвется твой папаша?

- Ну, можно?

- Ты, что, снова хочешь меня? - я всплеснула руками. - Ну, дела!

- Мне с тобой было хорошо.

- Уймись, между нами пропасть! Ты читал «Воскресенье» Льва Толстого?

- Вместе почитаем...

- Мне 31 год! Я измочаленная проститутка! А ты сосунок.

- Я тебе заплачу! - крикнул мой юный возлюбленный. - Это заказ!

Он полез в карман за деньгами.

- Ах, Леночка твоя трахается с другим? - догадалась я.

Максим побледнел и повторил то, что сделал его папаша на его лестничной площадке.

Декорации не меняются.

У меня появилось красное пятно на левой щеке.

На правой произошло, но та помнила боль.

- Сволочь! Вон отсюда!

Послышались чьи-то шаги по лестничному маршруту над нами.

Максим не стал

дождаться свидетеля и, повернувшись, запрыгал вниз через три ступеньки. Легко, спортивно, с чувством.

Мне стало совсем плохо. Я заплакала и поднялась к своей двери. Слезы и душили, и мешали вставить ключ в замочную скважину. Я слышала, как с пятого этажа спускался человек. Судя по шаркающим звукам, вероятно пожилой человек.

- Я еще ни разу не видела плачущую проститутку, - услышала я за спиной голос женщины. В этом голосе угадывались властные нотки классной руководительницы.

Ну, вот, купила себе квартиру! И откуда только люди узнают обо всем? Я сжала губы. Я не хотела отвечать. Я занесла ногу за порог, но обида заставила меня обернуться:

- У меня была строгая мама, как вы. Но она любила меня и берегла...

Я вбежала в свою прекрасную однокомнатную квартиру. В ней еще стоял запах недавнего строительства. Это был смесь аромата клея, краски,

линолеума и мела. Я любила этот аромат. Но сейчас он был запахом одиночества.

Я пошла в ванную и стала набирать воду. Шум струи стал успокаивать, я подошла к окну, увидела выходящую на улицу соседку. По стройной осанке угадывалась учительница. Может быть какого-нибудь балетного класса. Женщина остановилась и посмотрела на мое окно снизу. Она не могла видеть меня за занавесками, а я изучала ее дальнее лицо. Оно, действительно, напоминало мне мою маму, и я прочла в ее невидимом для меня взгляде боль.

Звуки говорили о полной ванне. Я разделась, нашла в маленьком шкафчике под зеркалом скальпель, оставшейся от мамы. Она была медсестрой. Шагнула в воду и часть ее вылилась на пол, когда я просто в изнеможении села.

Я подняла руки. Одна держала скальпель и подрагивала. Другая смотрела на меня нежной стороной с бьющимися прожилками.

Обе как бы спрашивали: «Хочешь ли ты исчезнуть из этой жизни?»

Я не стала уходить из жизни, а устроила себе отдых. Сервировка с нежным вином и все такое. После первого тоста наедине с диктором какого-то канала по телевизору на дверь позвонили. В глазке я увидела Максима. Еще я увидела за его спиной краешек букета цветов.

И я открыла дверь.

Так у меня начался роман.

Максим был чем-то похож на моего утонувшего на Дальнем Востоке одноклассника, имя которого было Любимый. И это имя забрал мальчик из соседнего дома.

Наш город вытянут вдоль Волги. Бывший исторический центр застраивается зданиями архитектуры, опробованной в цивилизованных странах на Западе. Я подолгу смотрю утром на город под окнами балкона. Надышавшись гарью от машин, закрываю створки и включаю кондер. Все, отрезана от мира! Затем

подолгу смотрю на себя в зеркало. Только мне одной известны изменения и на лице, и в фигуре. В уме складывается некий график старения. Я стараюсь ограничивать его самым близким будущим: днем нынешним, днем вторым... Дальше страшно заглядывать.

Мой юный возлюбленный ничего не видит. Он прибегает, как на тренировку со спортивной сумкой. Только в ней не пахнущая потом форма и кроссовки, а небольшой букет цветов, какая-нибудь любимая закуска или бутерброд из дома и несколько учебников. Он знает, я готовить не люблю, но разбираюсь в школьной программе. Я помню все! Когда работала диктором, достаточно было одного лишь взгляда на листок с текстом...

Я раскрылась, и теперь Максим зовет меня Оксаной, а иногда просто Ксой. Кса, и все!

Еще я купила продвинутый ноутбук. Иногда готовлю своему другу контрольные. Видимо то, что сын стал преуспевать

в учебе, не вызывало потребностей родителей контролировать передвижения Максима. А он проявлял чудеса конспирации. Я скажу об одной его операции. Он входит в дом с крайнего подъезда (набор кода на замке двери подъезда – не проблема для него), поднимается на последний этаж и там через неприкрытый люк по чердаку идет к моему подъезду и со всеми предосторожностями спускается.

Я понимаю, что когда-нибудь кто-то из бдительных жильцов с трясущимися от старости руками, но выстрадавшим в советские времена чутьем на шпионские темы, его застукает, но об этом думать не хотелось.

Кстати, о его родителях.

Об отце, руководителе отдела риелторской конторы «Петушок», знаю, что он относится к жизни серьезно. И это все о Вадиме Николаевиче с тяжелой рукой, двинувшей мне по лицу.

А вот мадам Елизавета...

В нескольких кварталах от нашего

дома есть салон красоты «Салют». Такое название можно было с успехом присвоить пиротехнической фабрике или заводу по выпуску шахтных ракет. Но какой-то шизанутый бизнесмен открыл эту парикмахерскую для высших слоев общества города. Да и области тоже. И гламурное бабье и мужички в твидовых пиджачках потянулись туда. Разумеется, каждый в свой салон.

В чем секрет этого «Салюта» многие или не понимали, или тщательно скрывали. Но я уже давно знала, что в соседнем помещении, куда вводила незатейливая серая дверь для подсобных помещений, был оборудован другой салон - для свиданий. Сюда приходили те дамы, которые жаждали получить все, что входило в понятие «внимание мужчины», а мужчины заглядывали, чтобы решать кое-какие дела с дамами, облеченными властью.

Все приходило сюда с солидными суммами, подарками, вручаемыми во время обедов в кабинках.

Гарик, глава этой хитрой фирмочки, сидел под крышей какого-то круглого отдела милиции. Все были довольны.

Итак, мадам Елизавету я увидела в соседнем кресле. Это, когда я позволила себе зайти сюда. Из озорства. Женщина сорока лет сидела под колпаком, а миниатюренькая девушка-мастер обрабатывала ей руки. Выстригивала заусенцы, подпиливала и красила ногти. И шел такой милый общий треп. В обращении к клиентке не было «Лизочки», «Лизы», а только строгое и торжественное, почти царское – Елизавета. И все о брелках, ожерельясах, серьгах и диадемах.

Я не знаю, может быть, девушка-мастер подрабатывала в ювелирном магазине, но беседу она поддерживала профессионально.

Прошло около часа, когда появился сам Гарик и, зачем-то наклонившись над ухом клиентки, громко сказал:

- Елизавета, вас ждут. Третья cabina.

- Ах, это ты,

сводник, - засмеялась Елизавета, - и кто на этот раз?

- Аск...нов, - скороговоркой сообщил Гарик, - ...тат городской Думы.

- Я сейчас, дружок.

В тот же момент из рук Елизаветы в руки Гарика переключало несколько ассигнаций.

«Вот проститутка!» - подумала я, забыв о своей профессии.

Лишь месяц назад я заметила эту женщину. У подъезда дома Максима.

Я быстро прошмыгнула за ней следом. Могу даже не говорить о том, что она вошла в квартиру моего юного любовника. И я тогда поняла, что это она семнадцать лет назад рожала Максима.

- Дружок, - сказала я, когда Максим появился у меня, озабоченный какой-то формулой из тригонометрии, - как зовут твою маму?

- Елизавета Антоновна. А что?

- Ну, если ты меня когда-нибудь представишь ей, я не буду ошарашена столь звучным именем.

- Представлю? – весело переспросил сынок.

- Извини, я размечталась...

Уже полгода прошло, как Максим перестал появляться у меня. Я поняла это правильно: теперь мой любимый утонул в море своей юной жизни. И похвалила себя за то, что не переставала работать. Не так интенсивно, как до Максима, но ведь и мне он был не безубыточен.

В апреле мы столкнулись в парке Струкова. Точнее, я увидела его с юной девицей. Они сидели на скамейке и без устали целовались, распахнув верхнюю одежду. Время было около трех часов дня. Сбежали с уроков. Думаю, это была Леночка, которая уже, вероятно, набралась опыта. Я прошла и присела на дальнюю скамейку, уставшей от всех прожитых лет, и подумала что, если он еще раз придет ко мне, то обязательно будет платить. Поторгуюсь!

А к маю жизнь опять вошла в привычное русло.

Что это значит?

Я по-прежнему

снимаю для работы квартиру Ирки. В двух газетах постоянно висит наше объявление об оказании услуг. Конечно, массаж! Кто хочет, тот понимает это и звонит. Или еду по вызову.

А сутенеры?

Они боятся моей крыши. Это все Иркин двоюродный брат. Игорек работает в милиции. Правда не прочь был побаловаться как со своей сестрой, так и со мной. В свое время и бесплатно. Теперь я у него одна. Но выдерживаю.

Вчера позвонил Максим.

- Как ты? – голос очень заботливый.

Голос, еще оставшийся мне родным. Я сглотнула.

- А ты? – спросила.

- Ты же видела, - небольшая, но многозначительная пауза. - Мне нужна твоя помощь.

Так звонят матери...

- Я догадываюсь.

- Неужели? Вот здорово! Так ты согласна?

- Нет, я не дам тебе свою комнату для сношений с твоей Леночкой!

- Но ведь нам негде! И я... заплачу!

- Из папиного кармана?

- Не важно!

- Важно. Я не буду устраивать у себя дом свиданий.

- Вот как?

В голосе Максима прорезались злые нотки. Но он, чувствуется, хорошо подготовился к разговору. Сдержал себя.

- Хорошо, я буду с вами двоими.

- Вот как? Интересно! К кому платить будешь?

- Тебе, конечно!

- А она как? В очереди будет?

- На кухне посидит.

- И она согласна?

- Она меня любит. Будет согласна.

- А вдруг я соглашусь, но надо будет для твоей подружки чайник ставить, конфеты, варенье... Одним словом, расходы! Ты и это будешь оплачивать?

- Да, ради денег ты на все пойдешь! - появился деловой тон. - Договоримся!

- Но еще есть одно...

- Ну, что еще?

- А вдруг она забеременеет, когда моя очередь придет на кух-

не чай пить?

- Это не твоя забота!

- Папа ее спросит: «Кто и где тебя обрюхатил, дочка?» И что тогда, явка с повинной? Мол, все это было у Оксаны? Она сводница и растлительница!

- Издеваешься?

- И да, и нет! Прощай!

Я положила трубку.

Как я могла влюбиться в такого мерзкого мальчишку?

Снова звонок. Ясно, что это он.

- Что еще?

- Ты же любила меня?

- А ты?

- Очень! Я тебе благодарен. Но ты же для меня почти мать!

- Вот тебе и мать твою! – воскликнула я.

- Откажешь, на травлю пацанов! Уж они бесплатно выполнят твою месячную норму! Среди них двое больных.

- Испугал! Я полк выдержу и презервативов покрепче накоплю!

- Нарываешься? Могли бы и по мирному.

- Да ты просто сутенер!

- Думай. Даю два часа.

- Подожди, - за-

кричала я, - не вешай трубку. Я тебе помогу. Квартиру я тебе не предоставлю, это факт! Но ты можешь пойти в одно местечко, где все чинно и благородно. Немного денег и никто слова не скажет.

- Правда?

- Конечно. Я же тебя еще люблю.

- Куда?

Я назвала ему адрес.

Меня встретили двое.

- Это ты что ли? – спросил у меня худощавенький, но прыткий. Я знаю, таким износа нет.

- Да, это она, -

сказала я о себе в третьем лице.

- Призналась! Тебя, наверное, весь город знает?

- Раз спрашиваешь, значит, не все потеряно, - отрезала я и получила удар в лицо.

Из носа потекла кровь.

- Не умничай.

Я полезла за платком, но тут же меня ударили по рукам. Сумка упала, там была косметичка, сотовый телефон, ключи. «Если сейчас нагнусь за ними, - подумала, - они собьют и ногами измочалят». Слабый свет уличного фонаря, ни одного прохожего.

- Серый, - приказал худощавенький своему напарнику, возьми ключи.

Его бугай нехотя присел на корточки, и, не вставая, стал рыться в сумке. Он нашел триста баксов и тотчас же сунул себе в карман.

- Я сказал ключи, Серый. А деньги отдай мне.

Верзила нехотя отдал доллары.

- Здесь еще сотовый, - сказал Серый.

- Мне.

И мой телефон оказался у худоща-

венького.

- Не много ли для одного? - спросила я, шмыгая носом. Но получилось зло.

Худощавенький снова размахнул рукой. Но я одним приемом свалила его на землю и поддала со всей силы между ног. Тот завизжал, схватившись за хорошо подбитое хозяйство. Бугай не успел встать, потому что с изумлением смотрел, как я уложила его друга. Я врезала ему ногой по уху. Это очень больно, словно в голове раздается взрыв петарды. Всему этому меня учил Иркин братлюбивник. Бугай свалился. Я взяла свои вещи у худощавенького, смазав ногой подбородку, побежала к своему подъезду, потому меня остановили на углу дома. Перегородкой дверь подъезда открылась, и появился Максим. За его спиной показалась тенью его подружка по школе

- Врезать? - спросила я.

- Да мы хотели пошутить... Ты сама во всем виновата, зачем показала место, где мать трахается?

Я ушла. Я отключилась.

С проституцией я завязала. Публично. Устроилась на работу. Сначала в воинскую часть, что за городом. После двух лет лавирований между старшими и младшими офицерами, что не всегда проходило успешно, заработала прозвище Неприкасаемая. Я усиленно занималась в спортивном клубе, осваивая мастерство ТЭК-Ван-до. И думала о том, когда снова стану телеведущей.

Максим мне встречался несколько раз, он приезжал из Москвы, где учился в каком-то институте. Он порывался поговорить. Но я смеялась в лицо: «Побить или сразу отбить?»

А вчера я нашла в почтовом ящике письмо.

Максим писал о чем-то много и страстно. Его письмо после прочтения мной было смятым и мокрым от моих слез. Это были последние мои слезы. Я помнила, как Ирка с украинским акцентом приговаривала при случае: «Нехай они плачут и пишут заявлений!»

Автор: Владимир

Рожденная воином Врата Журберила

Глава вторая. Рождение наследника.

Солнце играло на золотых украшениях богатых купцов. Они расхваливали свой товар, пытаясь перекричать друг друга, как будто от этого зависела их прибыль. И это было действительно так, потому что неискушенный в делах торговли человек первым устремлялся к тому продавцу, который громче кричал. Шум, словно карканье ворон над добычей, разносился по базарной площади Асина, благословенной столицы Нусана, а запахи копченого мяса и рыбы вызывали судороги в пустых желудках нищих. Бродяги рыскали в поисках удобного местечка и, если их никто не гнал, просили милостыню. Другие, не привыкшие ждать от людей подачки, то и дело хватали с прилавков ароматные куски и бежали, куда

глаза глядят.

У лавки с оружием остановилось несколько суровых мужчин в бело-зеленых плащах и с особыми знаками отличия, вышитыми на плечах. Воины из Постоянного отряда обороны Нусана выбирали себе луки со стрелами, сделанные в Лотлироуле, волшебном эльфийском городе. Поторговавшись с полчаса, они взяли два лука с колчанами и новый двуручный меч, выкованный в кузнице Девона, и направились в трактир, чтобы отпраздновать возвращение из похода в Земли Кочевников Вангол живыми, кроме того, у одного из воинов жена скоро должна была принести ребенка.

- Яблоки! Сочные, вкусные яблоки из садов Асина. Нет слаще ягоды, чем это яблоко! – нараспев выкрикивал пузатый продавец, хитрыми глазами обводя народ.

Возле него оказалась старушка с крючковатым носом. Она тут же протянула руку и, ухватив желтобокое яблоко, с хрустом надкусила его.

- Убирайся отсюда, воровка! – взревел торговец и хотел ударить ее по руке. – Заплати за яблоки, а потом уж и ешь!

Старуха в засаленных одеждах когда-то ярко-зеленого сукна увернулась от него, и толстяк, размахивая руками, едва не упал.

- Яблоко не ягода, да и я не воровка, – бормотала она, продолжая чавкать. – А ты врешь все, Фрок.

- Откуда тебе мое имя известно? – опешил продавец.

- Я все знаю. А яблокам твоим место в земле, сгнили они со всем.

Старуха бросила на землю огрызок и скрылась в мельтешащей толпе, а Фрок, выругавшись про себя, оглянулся и едва не

вскрикнул. Вместо ровных наливных яблок в деревянных ящиках расплзлась черная гуща, покрытая кое-где пушком плесени. Тут же зазудели большие зеленые мухи, облепившие испорченный товар.

А старушка, оказавшаяся ведьмой, пробиралась подальше от базара, зорким взглядом стреляя по прохожим. Какая-то женщина, неся огромного гуся, толкнула ее и, не извинившись, поспешила дальше, прошепав лишь: «Совсем обнаглели, бродяги проклятые».

- Гуся продать хочет,- пробормотала старуха, ехидно ухмыльнувшись. – Ощипала уже, а что он протух, и не заметила...

Где-то позади нее запричитала женщина. Видимо, обнаружила, что ее товар уже негоден, как и яблоки Фрока.

Впереди замычал трактир «Большой зад», в котором уже много сотен лет подряд рекой лилось душистое пиво и с воодушевлением поглощались закуски. Из дубовых дверей вышел повеселевший после отдыха путник и напра-

вился к трактирной конюшне, где он привязал лошадь. Ведьма проводила его взглядом и, довольно покачав головой, скрылась за дверьми старого трактира.

На нее сразу же обрушился говор здоровых мужчин, рассказывающих что-то под хорошо идущую выпивку. У стойки выпивало четверо одиноких нусан, а хозяин заведения отдавал какие-то распоряжения своему помощнику. У стен были расставлены маленькие столики, сейчас почти пустующие. Народу в полдень здесь почти всегда не бывало. Но за большим столом, возле не зажженного в душный день камина, с жаром что-то обсуждали шестеро мужей, все принадлежали к армии Нусана. Они только что приобрели на рынке два лука для низкорослых Эорлинга и Дрона, и длинный двусторонний меч для высокого, широкоплечего Фьорга. Они, не стесняясь, выкрикивали ругательства в адрес кочевников Вангол, и в это их поддерживали немногочисленные посетители «Большого зада».

Ведьма устроилась за столом возле шумной компании и, не вникая особо, прислушалась к разговору.

- Эй, хозяин! Что же ты медлишь? – крикнул чернобровый воин с приметным шрамом на лбу. Черты его лица были мягки и приятны, но в серых глазах крылась усталость от жизни воина. Не о такой участи он мечтал.

- Мы уже все кружки осушили и ждем, когда их наполнят снова, - поддержал его другой мужчина, сидящий напротив чернобрового. – Негоже мучить жаждой воинов постоянной армии Нусана, особенно если они пришли с границы.

- Да! – вмешался плотно сбитый воин с короткой бородкой. – Мы этих ванголов на копьях вертели, чтоб они горели, бестии! Я сам добрую сотню положил!

- Брось писаться, Герндир, - хлопнул его по спине сидящий рядом человек. – Ты отлично дерешься, но чтобы сотню... Это ты загнул. Вон даже Эорлинг подтвердит, он видел, как я тебя от этих гадов закрывал.

Загоревший Эорлинг кивнул и принялся дальше чесать волосатую руку, укушенную гнусом.

- А ты говоришь, сотню...

- Ладно, Хардинг, - смягчился названный Герндиром мужчина и произнес. - Я преувеличил, но девяносто - это точно!

Компания разразилась дружным смехом. Как раз подоспел трактирщик с полными кружками на подносе. В зале вслед за ним появился низкорослый помощник с зажаренным поросенком - по длинному столу прокатился одобрителный гул.

- Славно попируем мы сегодня! - воскликнул тот первый, со шрамом.

- Верно, Терек, - согласился с ним бородатый Герндир, чтобы друзья поскорее забыли о его хвастовстве. - Поднимем кружки в честь нашего сотника Хардинга. Он скоро станет отцом!

- Да! - поддержал его гул голосов. - Мы и не заметим, как его сын станет сражаться с нами бок о бок.

Воины мгновенно осушили полные деревянные кружки и

громко ударили ими о стол. Смуглый Эорлинг едва открыл рот, чтобы поведать друзьям какую-то историю, как за длинным столом оказалась старуха в обветшавшей одежде. Терек возмущенно глянул на нее, а его брови сошлись на переносице. Славный воин Нусана не хотел делить еду с нищей оборванкой, но тяжелая рука Фьорга примиряюще опустилась на его плечо, и тому пришлось усмирить свой пыл. Изумленный Терек встретился взглядом с возвышающимся на целую голову мужем, тот предостерегающе кивнул и обратился к ведьме с почтением:

- Что занесло в далекий Асин знатную ведунью из Тирея. Был ли тяжек ваш путь и не возникли ли недоразумения на границах?

Старуха усмехнулась, и складки на ее щеках растянулись, обнажив несколько полусгнивших зубов. Обращение Фьорга ей было приятно.

- Я, достопочтенный Фьорг, сын Форла, держу путь из Катира, чтобы исполнить обещание, данное одному магу. Сам он

занят, дела у него в Долине Валдоров, благословенной земле эльфов. Но кто он и что за обещание я ему дала, открыть я не могу, как это ни печально, - начала таинственно ведьма. - Путь мой был тяжел и извилист, не в мои годы бродить по Фрамории пешим ходом, а на коня меня не усадит даже сам Анамар.

- Ходят слухи, будто бы ты связалась с ним и теперь служишь силам Тьмы? - поинтересовался Фьорг, поддерживая беседу.

- Я свободная ведунья, каких мало осталось ныне. И ни король, ни боги мне не судьи. Только за Далекими Землями буду держать я ответ за свои деяния, по пути туда я и встречусь с проводником душ. Что ж ты не представишь меня своим друзьям, Фьорг, сын Форла?

Длинный воин пожал могучими плечами и, пообедав странников вмиг посерьезневшим взглядом, произнес:

- Эта женщина много лет назад излечила меня от тяжелой раны, полученной

мною в Катире...

- Ты никогда не рассказывал нам об этом, - оборвал его Дрон, до сих пор молчавший.

- Пьяной дракой в придорожном трактире не хвастаются, - подмигнула хитрющая старуха, чем рассмешила народ.

- Известная ведьма и целительница Герим-Хавея. Может навредить человеку, обидевшему ее, - грустно добавил Фьорг.

- Интересно, чем это мне навредит пожилая женщина? - усмехнулся Герндир и уткнулся в кружку, наполненную пивом из

жбана, который принес хозяин трактира.

- Пей свою мочу и помалкивай, - буркнула ехидно ведьма, и бородач мгновенно изверг изо рта бывшее пиво, изменившее свой вкус, вместе с ругательствами в адрес трактирщика. Под дружный хохот товарищей Герндир смолк.

- А будущее ты предсказывать можешь, Герим-Хавея? - обратился к довольной своей выходкой старухе Терек.

- Только то, что позволяет мне видеть око Митры и совет Древних. Будущее закрыто от нас, смерт-

ных, плотной завесой. Древние держат нас в неведении не из-за злобы или ненависти. Они не хотят навредить нам знаниями, которых мы недостойны. Любое новое знание нужно вначале заслужить своим трудом, - витиевато поведала она.

- А чего же я заслужил? - спросил Дрон, сидевший дальше всех от нее.

- Кто такие Древние? Почему они все решают? Кто дал им такое право? - набросился с вопросами Эорлинг.

- Ты слишком молод, чтобы задавать

такие вопросы. Даже я не знаю, кто они на самом деле. Скажу одно: в тайны мироздания посвящены эльфы из Древнего леса. Но и они не скажут тебе ничего, - Герим-Хавея покачала головой с сожалением и какой-то болью в потерявших былую яркость глазах. - А ты, Дрон, хороший защитник и верный поданный своего государства, мне чуждого. В скором времени ты отличишься в бою, и тебя, наконец, заметит король Ирндир. Он одарит тебя по достоинству и даст право выбора. От того выбора будет зависеть твое дальнейшее благополучие, не ошибись в нем и всегда слушай сердце, когда разум молчит, - ведьма снова кивнула, дав тем самым понять, что разговор с ним окончен, и повернулась к бородачу, посасывающему с некой опасной новую порцию пенного пива. - Герндир...

- Ей богу, я уже боюсь говорить что-либо, - произнес он и, поставив кружку на стол, приготовился слушать. За столом пробежался легкий смехок.

- А ты уж лучше помолчи, говорить все равно буду я,- пробормотала старуха. - Не каждому я могу открыть, что его ждет в будущем. Не язык красив человека, а его дела. Твои дела поистине благородны, Герндир, сын Середура. Как и твой друг, ты удостоен будешь приема у Ирндира, но на том ваши пути разойдутся. Если помыслы твои будут чисты, то ты сможешь побывать в Древнем лесу, где откроют тебе большие истины, и потомки твои станут там желанными гостями. А пока приглядишься получше к своей жене. Она много времени проводит одна, пока ты сражаешься в походах. Кто знает, быть может, уже нашла себе утешителя. Коли так, отпусти ее с миром.

Последние слова ведьмы Герндир вряд ли услышал. Он едва не сшиб выходявшего посетителя и исчез за дверью.

- А я чем-нибудь заработал знания? - произнес Хардинг, придвигаясь поближе к ведунье. Его карие глаза блеснули азартом из-под густых бровей. - Жена у меня на

сносях. Так вот, мне интересно - сына она принесет или же опять дочку?

Герим-Хавея мгновенно оценила его зорким глазом и довольно причмокнула. Видимо, вопрос ее как-то заинтересовал.

- Хардинг, ты-то мне и нужен, - проскрипела, словно старая телега, ведьма. Сотник насторожился. - Жена принесет тебе славное дитя, красивое, как трепетная лань, и сильное, как разъяренный волк. И станет он великим воином, пред которым будут склонять головы великие короли Фрамории. Охладит он разгорающийся костер Первобытного Ужаса и избавит мир от новых смертей. Им будут гордиться люди всех родов, и почитать гномы всех колен, а Долина Валдоров откроет свои первозданные тайны.

- Сын! У меня будет сын! - взревел от радости сотник нусанской армии и поднялся со стула, едва не опрокинув жбан с пивом. - Всем посетителям закуски и доброго вина покрепче. Это надо отметить! У меня сын!!!

- Не торопись угощать люд, - охладила разгорячившихся мужчин старуха. - Иди лучше в дом, не то родит Тарима без тебя!

Радости захмелевшего отца не было предела. Вместе с ним оживленно загудели друзья, и все они, сорвавшись с насиженных мест, помчались вон из «Большого сада». Кое-что они успели ухватить с собой, чтобы сразу отпраздновать рождение наследника у превосходного бойца Хардинга, третьего ребенка в семье.

Высокая ограда, выполненная искусными мастерами из Халило-Турна, подземного государства гномов, встала на пути у шестерых крепких мужчин в бело-зеленых плащах. Один из них распахнул парадные ворота и, вмиг преодолев внутренний двор, оказался у крепких дверей из граба. Двухэтажный дом с белыми стенами широким балконом принадлежал сотнику Нусана Хардингу. Здесь он жил со своей черноволосой красавицей женой Таримой и двумя малолетними дочерьми Шадизой и

Раминой. Обе были похожи на мать, которую он нашел в Землях кочевников Вангол во время одного из походов.

Хардинг с волнением распахнул двери и ворвался в обширный зал. Друзья последовали за ним и, обосновавшись по лавкам, вытащили из-под плащей выпивку. Откуда-то сверху доносились стоны измученной женщины, значит, ведьма не солгала.

- Дунья, накрывай на стол! У меня будет сын! - крикнул могучий сотник появившейся из кухни служанке.

- С чего это вы так уверены? - пробормотала плотно сбитая светловолосая Дунья.

Хмыкнув, она скрылась в проходе, чтобы угостить друзей Хардинга.

Он сам, скинув ставший душащим его плащ, поспешил по уходящей вверх лестнице. Этот роскошный дом он выслужил своей верностью Ирндиру и отвагой. Король наградил его землей в Асине, на которой быстро выросло великолепное и в то же время уютное семейное гнездышко.

Едва поднявшись, Хардинг метнулся к спальне. Скрипнула дверь, за которой слышались душераздирающие крики, и оттуда появилась дородная женщина в белом фартуке. Это была известная знахарка, славившаяся своими снадобьями и лечебными травами. Видимо, за ней послала сама Тарима.

- Пусти меня к жене, женщина, - произнес Хардинг и попытался ее оттолкнуть от дверей, ведущих в спальню.

- Еще чего! - знахарка Мирта тут же встала в оборонительную позицию, уперев голые руки в бока. - Я позабочусь о роженице, а вы уж подождите. Третьи роды, а все как мальчик.

- Но у меня сын! - возразил было вяло сотник.

- Ишь ты! Это матери виднее: сын у тебя или дочь. А ты скажи скорее Дунье, чтоб еще кипятка принесла.

Стон из спальни заставил толстушку скрыться внутри. Хардинг, абсолютно растерявшись, вернулся к друзьям. Увидев служанку, весело щебечущую с Дроном, он и

вовсе рассвирепел и прикрикнул на нее:

- Дунья, где мои дочки?

- В своей комнате, - ответила Дунья, оправив свое платье перед мужчинами. - Тарима попросила их закрыть пока. Ну, что-то я заболталась, пойду на кухню.

- Воды не забудь горячей! - бросил ей вслед будущий отец.

- Да помню я, помню, - буркнула она уже из прохода.

Хардинг принял мерить комнату шагами. Его руки тряслись от волнения, ведь, если ведьма из Тирея не соврала, у него родится долгожданный наследник. Ему воин сможет передать свой опыт и умения, он станет достойной сменой, когда сотник нусанский состарится. А ведь это когда-нибудь произойдет. С каждым годом Хардинг все сильнее хотел сына. На него он возлагал все свои надежды. Старшая дочь Шадиза родилась четыре зимы назад, когда в Нусане стоял настоящий покой, и воин мог надолго не уезжать из дома. Меньше радости принесла Рамина. В тот

раз Хардинг ждал сына, но его мольбы не были услышаны богами.

- Хардинг, присядь, выпей с нами, - пригласил его к накрытому Дуньей столу Герндир.

- Да, выпей! У тебя же сын будет! - поддакнул ему кто-то.

Заботливые руки всунули кружку с пенной шапкой в руки. Хардинг, не сдувая пены, опорожнил ее залпом и утер губы рукавом. Тут же рядом с ним оказалась закуска, и через минуту он уже с азартом поглощал горький сыр и зажаренного Дуньей цыпленка. Со всех сторон полился веселый говор друзей. Они наперебой рассказывали разные истории, из которых Хардинг не смог запомнить ни одной. В его голове все время вертелись пророческие слова Герим-Хавеи. Неужто его сын, сын простого сотника из Нусана, станет великим воином, которого будут уважать во всех пределах Фрамории. За такого изумительного наследника нужно озолотить красавицу Тариму с головы до

ног. Эта женщина сохранила свою удивительную красоту и совсем не изменилась с их последней встречи.

А встретил он ее в степи, где живут кровные враги Нусана, кочевники. Испоконов веков у северо-восточного государства, расположенного в долине Ашитар, было два врага: горные орки из Горукряжа, порождения тьмы, и кочевники, чьи земли лежали южнее Нусана. Тарима, молодая черноволосая смуглянка, приглянулась воину сразу, когда он с визитом к старшему держутского рода был отправлен в опасные степи. Позже он узнал, что она дочь Нурзана. Сколько лжи пришлось Хардингу вылить на его уши, чтобы украсть ненаглядную Тариму, сколько упреков он выслушал от соратников... но вот красавица оказалась в его маленькой комнате в постоялом дворе, и разом его дела пошли в гору. Она никогда не понимала набегов кочевников, но грусть по родным не оставляла ее, пока не родилась Шадиза.

Тогда молодая жена словно окрылилась и полностью взяла в свои руки хозяйство только что построенного дома. Со всем она не могла управляться, и Хардинг согласился найти служанку, которая помогла бы Тариме по дому.

Время шло, и Хардинг уже почти свыкся с криками, доносящимися из их спальни, как вдруг все стихло, лишь захмелевшие друзья продолжали шуметь и смеяться

- Тихо! – крикнул сотник, встав со стула. – Да заткнитесь вы все!!

Мужчины, наконец, замолчали, и в полной тишине, воцарившейся в доме, раздался крик младенца, сделавшего свой первый вдох. Вслед за ним прогремел радостный бас шестерых суровых воинов, и вновь наполненные хмельным напитком кружки взметнулись вверх. Все принялись поздравлять Хардинга, а он, быстро осушив свою кружку, помчался наверх, в спальню. Ему навстречу выбежала ошарашенная

Дунья и, пряча глаза, скрылась на кухне. У двери в комнату Хардинг заколебался на миг, но тут же, расправившись с сомнениями, вошел внутрь.

В занавешенном темными шторами помещении горело несколько свечей. На кровати лежала абсолютно измученная Тарима. Ее черные прямые волосы растрепались и превратились в спуганный ком, а смуглое лицо было покрыто красными пятнами. Рядом с ней стояла целительница, держа в руках уже омытого младенца, завернутого в мягкую льняную рубашку. Взволнованный отец преодолел расстояние, отделяющее его от ребенка, и взглянул на него оценивающе: будет ли эта кроха славным воином?

- Прости, Хардинг, - донесся до него слабый голос Таримы. – Я хотела принести тебе радость, но, видно, не сумела...

Смутные сомнения прокрались в душу отважного воина, и он развернул белую рубашку. В то же миг все внутри него оборвалось, все надежды и

мечты разбились о скалы непонимания. Почему, почему он в который раз разочаровывается? Быть может, виною тому жена Тарима? Не нужно было приводить в дом чужую, тем более из враждебного государства. Все уговаривали его бросить эту чернявую женщину, смеялись над его выбором. И вот еще один голодный рот в семье и ни одного наследника, о котором он так мечтал.

Хардинг опустил ся на деревянный стул возле двери и обхватил голову руками. Снова девчонка.... Какой грех он совершил в прошлом, что теперь ему приходится расплачиваться?

Тарима кормила младенца, а знахарка отправилась за Дуньей. Никто не видел слез, текущих по напряженным скулам Хардинга. И вдруг он вспомнил про ведьму, которая так жестоко его обманула. Может быть, она еще в городе. Тогда ее необходимо найти и проучить, как следует. Огорченный отец вскочил со стула и скрылся за дверью.

Поистине прекрасен Асин, главный город Нусана в предзакатные часы. Много воды утекло в реке Хогра с той поры, когда опасный враг надынулся со своей армией через Проклятые горы в гномье королевство-под-землей в Халило-Турна. Маг, известный всему Фрамории под именем Западник, не обошел стороной государство в долине Ашитар и стер с лица земли прекраснейшие замки и храмы. Местность, казалось бы, навсегда была изуродована кочевниками с южных степей и ненасытными орками, принявшими сторону врага всего Фрамории. Но вот, спустя семьсот лет после страшных событий, не оставивших в стороне ни гномов, ни эльфов, ни людей, мир, наконец, смог оправиться от нанесенных ему ран. Нусан был заново отстроен, и люди смогли пережить все трудности и высоко поднять свои головы. Асин – это пример сплоченности нусан, его возводили лучшие зодчие королевства.

Сейчас заходящее солнце, прощальным

взором окинув город из-за горизонта, устремилось в страну снов, и все погрузилось в сумерки. День, этот неудачный день, подошел к концу. Подумав так, русоволосый Хардинг оттер лицо от дорожной пыли и вышел во двор. Он потратил весь день на поиски гнусной ведьмы Герим-Хавеи, но, несмотря на помощь друзей (лишь Фьорг оказался в стороне) он не смог найти эту хитрую плутовку. Только хозяин трактира, где они выпивали, видел, как она выходила спустя некоторое время после них. Но больше ничего узнать не удалось. Старуха как сквозь землю провалилась, может быть, это ее колдовские приемы. А громадина Фьорг, такой бесстрашный в открытом бою с кровавыми орками, по-настоящему испугался ее гнева и отказался участвовать в поиске, чем бы он ни закончился. Друзья еще немало поспорили о предсказанном ведьмой будущем и разошлись каждый своей дорогой.

Хардинг нехотя поднялся по лестнице

и остановился. Вздыхнув, он снял кольчугу, с которой редко расставался, и сапоги. Оружие было повешено на стену до следующего похода, когда сотника призовет справедливый Ирндир. Несмотря на молодой возраст, он уже успел показать себя в лучшей стороне и в военном деле и в деле управления страной. Хардинг знал его еще до того, как тот принял корону от своего отца Дурнбара.

Постояв у стены с оружием, сотник устроился на лавке, покрытой мягкой шкурой. Идти наверх не хотелось. С лестницы резво, как молодая коза, сбежала Дунья, тряся длинными, белокурыми волосами.

- Ой! Что вы здесь делаете?! Там жена ваша... ей плохо очень. Она зовет вас и просит, чтобы вы обязательно пришли! – затарахтела девушка, взволнованно размахивая руками.

Хардинг поспешил вслед за Дуньей наверх. Она продолжала что-то говорить.

Новоиспеченный отец понял лишь, что Тариме стало хуже и

знахарка делает ей компрессы из лечебных трав, чтобы изгнать жар. Оказавшись в спальне, Хардинг упал на колени перед мечущейся в бреду женой и взял ее ладонь в свои руки. Знахарка произносила какие-то заклинания на исковерканном старолесном языке, протирая женщине лоб и смачивала ей губы каким-то снадобьем.

- Тарима, что с тобой? Клянусь солнцем и луной, если с тобой что-то случится, я убью эту скверную травницу,- пробормотал воин в полной расстерянности.

- Не вини ее, мой соломенный лик, - произнесла Тарима и улыбнулась. Сознание вернулось к ней, и она назвала мужа так, как звала его в землях Кочевников после первой встречи. - Я сама виновата, обещала тебе сына и не смогла выполнить это обещание. Мне сегодня приснился сон, странный очень. Ко мне пришел Анамар и сказал, что заберет меня с собой...

Хардинг крепче сжал ее руку и хотел было сказать о том,

что никому ее не отдаст, но Тарима, прикрыв его рот ладонью, продолжила:

- Я испугалась, не за себя, а за сына. А потом он попросил меня дать имя нашему ребенку. Может быть, я плохо разбираюсь в ваших традициях, но, по-моему, если Древний дает имя ребенку - это хороший знак.

Хардинг молчал, ему показалось, что жена потеряла рассудок. Анамар - бог тьмы и одновременно правитель Царства мертвых, которое находится в Дальних Землях, и именно он приходит за умершими, чтобы проводить их в эти таинственные владения тишины. Если Тарима так спокойно говорит об этом, она либо сошла с ума, либо смерть ее уже близка.

- Не оставляй наших детей, воспитай их согласно обычаю, - голос Таримы прорвался сквозь его размышления. Было совсем тихо. Знахарка, покачав головой, ушла, оставив их наедине, но почему-то сотнику показалось, что они не одни в этой комнате.

- Обними меня, - прошептала черноволосая женщина, не потерявшая еще былой красоты, совсем слабо.

Хардинг прижался к ней осторожно, боясь навредить, и услышал имя, данное его третьей дочери, которое вырвалось из вымученной Таримы вместе с последним вздохом. Тело ее как-то сразу обмякло, оставив, наконец-то, наполненное суетой пространство уходила душа. Хардинг сжал челюсти, до боли прикусив язык, чтобы не закричать от горя. Мир покинула его избранница, оставив одного с малолетними детьми. Хардинг взглянул на старую деревянную кровать, в которой успели побывать обе дочери. Теперь там мирно сопела розовая кроха, названная самим Анамаром. Но почему он тогда забрал ее мать, без которой девочка не выживет? Пламя свечей заколыхалось, будто из закрытых ставен ворвался бестактный ветерок.

- Зачем ты отнял у меня Тариму?! - закричал Хардинг, чувствуя чье-то присутст-

вие в опустевшей спальне. – Она должна была дожить до старости, слышишь? Ты меня слышишь, темный творец?! Уж лучше б ты забрал это дитя вместо нее. Я одарил бы тебя первой кровью убитых мною врагов, если б это свершилось. Что я смогу сделать для младенца? Что будут делать без матери Шади-за и Рамина? Зачем мне этот ребенок без моей черноокой Таримы? Ведь это дитя виновно в ее смерти! Да, это она ее убила, она убийца моей жены и заслуживает наказания!

- Тебя ослепляет горе, воин Хардинг, - прозвучал голос в наступившей на секунду тишине.

Он был мягок и заманчив и предвещал настоящее блаженство за Дальними Землями. Его невозможно было не услышать и не осознать его предназначение. Хардинг поднял голову и увидел, что на деревянном табурете возле детской кровати сгустилась тьма.

- Это горе принёс мне ты своим неожиданным приходом, – отве-

тил он.

- Помни, воин, не много живых знает меня в лицо, ибо я являюсь только мёртвым, - тьма словно развеялась, растворилась, и перед Хардингом возник высокий мужчина в начищенной до блеска кольчуге под черным плащом, таким черным, что казалось, будто это сама ночь окутывает гостя своими крепкими объятьями.

Его сапоги до колен были окованы металлом, который сотник не смог опознать. Броня наплечников, слепящая в полутьме глаза, мешала разглядеть лицо, но Хардингу это удалось. Черты лица гостя были мягки и, несмотря на это, строги, изогнутые брови четкой темной линией уходили вдоль глаз, черные волосы были небрежно разбросаны по всей голове, будто их только что трепал ветерок, - он был похож на эльфа, но его фигура больше выдавала в нем хорувица. Длинные, но не тонкие пальцы держали резной посох из дерева, на вершине которого был изображен оск-

лившийся волк.

- Ты хочешь, чтобы я забрал это дитя взамен Таримы, - спросил гость, кивнув на ребенка. – Это твоя кровь, воин Хардинг.

- Я хотел сына, он оправдал бы страдания моей жены. Мне не нужна еще одна дочь, я не смогу ее воспитать!

Всевластный Анамар вздохнул и закрыл глаза.

- Я чувствую, как течет время. Тысячи и тысячи лет не замедляет оно свой ход. Люди умирают, но не они одни должны переправляться со мной в Дальние Земли. Орки, тролли, гномы, эльфы и другие, о которых тебе лучше не знать, уходят к глубинам мироздания с его благословенной поверхности. Для каждого существа отмерен его срок, он может своими поступками приблизить или отдалить свою кончину, - страшный гость открыл глаза и с гневом вперился в Хардинга. – Так почему же ты указываешь мне, кто должен умереть, а кто будет и дальше бродить по Фрамории. Кто ты?! Ты пылинка

в огромном разумно устроенном мире, где ничего не бывает случайно или по чьему-либо капризу. Хватит говорить, тебе все равно не понять и малой доли того, что я познал, когда нынешний мир только стоился. Время не ждет, да и Тариме уже пора в путь. Я еще вернусь в твой дом, воин Хардинг, но ты сам доживешь до старости. Это наказание за твою дерзость. Твоя дочь Дайнара упокоится лишь тогда, когда придет ее время. А до тех пор я буду оберегать ее от врагов и тебя, воин Хардинг.

Сотник постоянной нусанской армии хотел возразить, но в следующую секунду перед его глазами пролетела серая дымка, скрывшая ночного гостя, а когда она развеялась, то его уже не было. Анамар ушел, прихватив с собой Тариму, а Хардинг еще долго сидел, вперившись взглядом в деревянный табурет подле детской кроватки. Там мирно спала новорожденная Дайнара, покровителем которой вызвался быть сам повелитель Царст-

ва мёртвых.

Прошло несколько лет, отважный воин пережил много сражений на южных границах Нусана, бил отвратительных горных орков у подножия Горрукряжа и получил много памятных отметин в тех боях, но всё равно он продолжал с внутренним ужасом вспоминать ту ночь. Пережив потерю, сотник осознал всю глупость и бессмысленность своих дерзких слов. В каждую трудную минуту, а их на долю отца троих детей выпадало немало, он будто перечитывал в ветхой книге памяти слова неумолимого проводника души. Он обещал возвратится и сдержал своё слово.

Предсказание начало сбываться в особенно жаркий год, когда Нусан постигла голодная участь из-за неурожая. Тогда людям пришлось к месту помощь из Долины Валдоров. Эльфы решили обеспечить людей продуктами, как ни удивительно, но владения Кайрилиэль и Иованиса не пострадали от страшной засухи.

В тот год будто

черная тень смерти распростерла свои необъятные крылья над домом Хардинга. Когда отряд сотника прошел все государство, добравшись по Западному Тракту до подножия Проклятых гор, известных своими подземельями, в которых таилась нечисть, на них внезапно напали орки. Они заманили нусан в ущелье и атаковали со скал, окружая охотников людей. Схватка с творениями Хрездрога длилась полчаса, потом орки отступили, но на их место прибыли какие-то люди, с ног до головы обросшие шерстью. Лица их были вытянуты вперед, а массивные толстые носы сдвинуты вверх, навстречу лбу так, что ноздри находились на одном уровне с маленькими глазами. Они дрались со страшной яростью, рубили воинов необычными плетями, которые оканчивались длинными загнутыми ножами. В той безумной схватке погибли славные бойцы Эорлинг и Терек, был тяжело ранен Фьорг. Они заслужили особое отношение и почести своей отвагой.

Позже во дворец на прием к Ирндиру были приглашены отличившиеся в битве при Горукряже Герндир, Хардинг, Дрон и еще пятеро воинов. Каждого король Нусана выслушал с огромным вниманием. Дрону, как и еще троим, было предложено отправиться в Хорувью, одно из самых древних людских государств, дабы вступить в многочисленную и прославленную армию или же остаться в Нусане при дворе короля Ирндира. Дрон выбрал первое и вскоре покинул родину. Герндир решил остаться в прикипевшем Асине и поселился в белокаменном обиталище Ирндира, правда, один. Его жена, едва отважный хвастун покидал родные стены, бежала к соседскому дому, где проводила жаркие ночи с наглецом Кордом. Бесстыдную женщину Герндир выгнал на улицу и уже не смотрел в ее след, встречая на своем пути.

Вот тогда Хардинг и вспомнил старуху Герим-Хавею, с которой повстречался в «Большом заде».

Сам он получил от короля превосходный меч и право в любое время приезжать в королевский замок. Но этого не случилось.

Спустя три месяца после приема у Ирндира от неизвестной лихорадки умерла Дунья, которая заняла место Таримы в доме Хардинга, и девочки во второй раз осиротели. Почувствовав странный знак в этом несчастье, сотник принял решение не приводить больше женщин в свой дом и все последующие годы не менял его. Вскоре Хардинг узнал, что по Нусану распространилась зараза, которую раньше не встречали. Осенью того же года скончалась средняя дочь Рамина, а вслед за ней в Дальние Земли ушла Шадиза. Чудом выжила подросток Дайнара, которой исполнилось к тому времени три года.

Не единожды корил себя Хардинг в грозных словах, выплеснутых у постели Таримы. Он понимал свою вину и винил себя во всех смертях, которые обрушились на его голову. Анамар не солгал, он возвра-

щался за душами, но все время обходил стороной поседевшего от горя Хардинга, оставляя ему возможность ненавидеть себя. Пытаясь избавиться от проклятья, сотник покинул опустевший дом, он поселился в отдаленной деревне Муштар. Там Хардинг смог успокоиться, но свирепые ванголы, степные кочевники, постоянно совершали опустошительные набеги, мешая ему забыться.

Время шло, солнечный глаз Митры менял свое расположение на небосклоне, влияя на смену времен года. Хардинг наблюдал за подрастающей единственной наследницей и все чаще вспоминал предсказание Герим-Хавеи, ведьмы из Тирея.

Девчонка, с копной вьющихся волос, совершала набеги в соседские огороды едва ли не каждый день. Не раз она попадала под тяжелую руку разгневанного муштарца, если не успевала быстро исчезнуть со своей добычей, но все равно возвращалась на место преступ-

ления. Ее друзья ми были такие же голодранцы-мальчишки. Вместе с ними она училась метать ножи и драться на деревянных мечах. Чтобы не отставать от более сильных друзей, Дайнара постоянно тренировалась, разбивая в прах соломенное чучело, что стояло во дворе. С девчонками она мало общалась, да и они сами не выказывали большого желания подружиться с извечно синей от ушибов Дайнарой. Однажды в Муштаре поселилась семья из Рогэна, и вскоре у Дайнары появился новый друг Элиус. Их во многом сблизило то, что мать мальчишки также была родом из ванголов, только она появилась на свет в Убории, которую наравне с людьми заселяли гномы. Отсюда черный цвет волос Элиуса, довольно редкий среди коренных жителей Нусана. Постепенно все друзья Дайнары испарились, они предпочитали мужские компании, а дерзкая девчонка им не подходила. Рядом остался лишь Элиус.

Оттачивая уме-

ние, Дайнара перешла с деревянных палок на дешевые, изготовленные из крестминской стали мечи. Они быстро гнулись и тупились, но в один весенний вечер седой старец, прошедший несколько дней в доме Хардинга, преподнес ей настоящий шедевр изостальных мастеров. Несмотря на внешнюю простоту, он был легок и удобен в обращении. Тогда то, в пятнадцать неполных лет, Дайнара впервые встретилась со своим покровителем.

Когда щедрый старец покинул Муштар, девушка, взяв с особым трепетом из его рук прекрасный дар, отправилась на излюбленное местечко у реки. Там, сев на корточки, она еще тщательней осмотрела меч, каждую выпуклость узора на рукоятке, каждый изгиб обвода пальчиками.

- Это прекрасное оружие ни на что не похоже. Оно, наверное, ничего не стоит, раз уж старец Унгобар так просто расстался с ним, но для меня это самый лучший подарок, - произнесла девушка.

Она развязала обмотанную вокруг запястья ленту и подобрала непослушные волосы. Прикоснувшись руками к крестовине, она крепко обхватила ее руками и вытащила меч из старых, потертых ножен. Металл засверкал, отражая в голубой глади яркое весеннее солнце. В душе Дайнары стало светло и радостно, будто что-то ясное и теплое пришло из глубины неизведанных тайн. Вместе с ними появилось спокойствие, и Дайнара, поднявшись на ноги, разрежала воздух резким взмахом холодного лезвия.

- Отличная вещь, - усмехнулась девушка. - С ним я утру нос Элиусу!

Она сделала еще несколько выпадов, сражаясь с невидимым противником. Оружие было выполнено искусно, его легкая тяжесть давила на руку, но Дайнара не нуждалась в усилении, чтобы нанести удар.

- Много лет я провёл среди людей, но мир не перестает удивлять меня, - слышался ласковый голос из-за спины Дайнары.

– Что ты здесь делаешь, юная звезда Нурберила, одна и с оружием в руках?

Не успев испугаться, девушка обернулась и увидела на земле, возле брошенных ножен, чужеземца. Он сидел, чуть наклонившись вперед, и наблюдал за ее упражнениями, черный плащ прикрывал серебряную кольчугу и выделялся, словно кусочек ночи, на набирающей соки, зеленой траве. Дайнара сжала крепче эфес меча и, застыв на месте, ответила:

- Я Дайнара, дочь Хардинга. Здесь я делаю то, что мне по душе. А вот тебя, чужеземец, я не знаю.

- Зато я знаю тебя со дня твоего рождения. Быть может, твой отец рассказывал тебе о нашем знакомстве, но сейчас это не имеет значения, - медленно с расстановкой произнес он. – Я вижу, тебе нравится играть с оружием. А знаешь ли ты, что оно несет смерть?

- Умереть с оружием в руках – честь для отважного воина, - гордо выпалила она.

Человек в черном одеянии рассмеялся.

Ответ девчонки его удовлетворил, и он поднялся с земли. Дайнара боялась пошевелиться. Страх липкими цепями сковал ее тело, и ей показалось, что дневной свет померк. Незнакомец протянул ладонь и, улыбнувшись, сказал:

- Позволь пожать тебе руку, юная звезда Нурберила.

- Хорошо, - девушка крепко сжала ладонь этого странного путника. – А что это за звезда и, в конце концов, назови мне свое имя.

- Мир гораздо разнообразней, чем ты думаешь, он сплетен из мелких ячеек, образующих огромную паутину, находящуюся в вечном движении. О Нурбериле я расскажу тебе позднее, когда мы снова встретимся. А мое имя... что ж ты узнаешь его, если сразишься со мной. Преподать урок юной воительнице я всегда готов.

Слова его были непонятны и загадочны, но когда он отбросил свой походный плащ на траву, Дайнара поняла, что намерения его серьезны. В

лучах весеннего солнца засияла всеми оттенками радуги кольчуга чужестранца. Дайнара знала, что в Нусане таких не делают, от Хардинга конечно, слишком мелкие кольца и их узорчатое сплетение говорили о высоком мастерстве кузнеца. Незнакомец, с быстротой молнии оказавшись подле девушки, рубанул в воздухе холодной сталью невесты откуда взявшегося меча. Слово чужая сила подняла ее руки, послышался скрежет металла. Противник был в полном облачении воина, она же – с одним клинком, не имея на теле никакой защиты. Это было бесчестно со стороны чужака, но сказать ему об этом Дайнара так и не сумела. Она едва успевала отражать сокрушительные удары, чтобы в следующий миг не свалиться замертво. Меч его был много длиннее и весил вдвое больше, но озверевший от охватившего его азарта чужеземец, казалось, не замечал различия. Он бил жестоко, бил до боли в суставах и желания закричать.

Дайнара поняла, что это всерьез, что враг может раскромсать ее без особого сожаления. Никогда раньше не было так страшно дочери сотника Хардинга. Противник изматывал ее своими мощными ударами и, когда девушка уже видела желтые пятна в глазах, а ноги косились от напряжения, он выбил из ее рук оружие. Дайнара не успела опомниться, как оказалась на земле. Над ней возвышался человек, с которым она несколькими минутами раньше мирно беседовала. Острие его меча упиралось в горло, пересохшее в пылу драки. И тогда девушка уже попрощалась с жизнью, ненависть кипела в ее глазах, но свирепый противник возвратил холодную сталь в заждавшуюся ее внутренность мягких ножен и снова протянул руку.

- Поднимайся, - произнес он. - Ты уже многому научилась и можешь сразиться с человеком, но, чтобы достичь настоящих высот доблестного воина, тебе придется много работать над собой.

Дайнара с трудом

встала на дрожащие ноги и взглянула на чужеземца, оказавшегося бесподобным мечником. Кто он, этот статный чужеземец? Можно было не сомневаться в его силе, он мог убить ее, но не сделал этого. Возвратившись к месту, откуда началась схватка, он наклонился и, подхватив небрежно брошенный плащ, накинул его на себя. Дайнара безмолвно стояла с обнаженной сталью в уставшей руке, пока незнакомый мечник застегивал играющую на солнце, как и его доспехи, фибулу с интересным рисунком. На ней были изображены созвездие Ильдерины в обрамлении двух переплетенных между собой ветвей и три неизвестные девушки руны. Она почему-то запомнила этот узор, который никогда не видела здесь, в Муштаре.

- Ну что ж, - произнес чужеземец. - Помни, надежда Миррилла, что сегодня урок твоего любимого занятия тебе преподавал Анамар, покровитель иных миров.

В свежий весенний день, когда лазурное небо было лишено

перистой одежды облаков, вверх взмыла серая туча, тут же развевая резвым ветром. Незнакомец испарился, словно никогда и не бывал на берегу этой речонки, а Дайнара, услышав его настоящие имя, покрылась липкой испариной. С ней разговаривал, и не только разговаривал, бог мертвых, а она при этом осталась жива, вовсе не пострадав от этой встречи.

Этот урок Дайнара поняла по-своему, став больше времени посвящать тренировкам, разбивая в прах старые чучела в соседских огородах. К осени в ее арсенале появились огромные тыквы, которые она кромсала, насадив на деревянные колья. Позже Анамар вновь посещал подрастающую воительницу, просачиваясь сквозь любые щели, как дым от костра. В такие, всегда короткие встречи Дайнара просила дать ей еще один урок в сражении на мечах, но всегда получала отказ.

Автор: Хиль Де Брук

Брутальная жизнь

VI

Когда Сандро только окончил школу и начал работать, мать каждое Божье утро вставала спозаранку, чистила одежду, готовила завтрак и только потом будила его, проводжала, а вечером встречала с заботливым вниманием, вкусным ужином. Тогда он, совсем юный, простодушный, не понимал всей силы и значения родительской любви, стараний, всё казалось ему незыблемым и непреходящим. Нынче, уже в другом веке, в иных условиях, ему вспомнились любимые слова отца: «Что имеем – не храним, потерявши - плачем». Те времена поколения энергичных людей, с энтузиазмом у т р о и в ш и х «процветающий социализм», безвозвратно канули в прошлое. А что сегодня? Сегодня нет дорогих и незабвенных папы и мамы. Только они могли так тепло заботиться о нём, переживать за него.

В этом прошлом Сандро поменял много работ. Его ближайшее родственное окружение состояло из людей мещанского склада, друзья – простые трудяги, любившие после работы зайти куда-нибудь выпить, закусь... В недрах такого окружения не существовало никакого благоприятного климата, способного оказать благотворное влияние на формирование человека как личности и, тем более, творческой... Но несмотря ни на что, Сандро не попал под влияние этого окружения, в нём он был чужим среди своих. Какая-то, тогда ещё не понятная ему, внутренняя сила тянула его в другую сторону, в круг других людей... Он работал на разных заводах Тбилиси, нигде надолго не задерживался, не ограничивал себя узконаправленной профессией, был не в силах по-настоящему работать на одном месте за сто пятьдесят рублей, понимая, что с такой зарплатой буду-

щего не может быть, он работал не ради заработков, а чтобы сменить коллектив, обрести новые знакомства, впечатления, не отказывал порывам молодой, беспечной души. Зарботки для него имели второстепенное значение. Всем своим существом он тянулся к людям интеллигентным, близким ему по духу. Чтобы пробиться к ним, не хватало нужных знаний, диплома, в результате на каждом производстве ему предоставляли работу простого рабочего, а среди рабочего люда он ощущал себя посторонним, маргиналом, никак не вписывался в общую обстановку. На первый взгляд, поведение его выглядело легкомысленным, таких, как он, в те времена называли «летунами». Но, как показали последующие события в большой стране, всё оказалось не так однозначно и просто... Меняя работу, он накапливал знания и опыт. Знако-

мился с производственной техникой, получал представление о том, как делаются те или иные детали, продукция, стал разбираться в психологии и повадках начальников. Уловил их общее сходство - все они держались с каким-то форсом, важным, деловым и неприступным видом. Может быть, этого требовали их должности. А миллионы людей, которые долгие годы и даже всю жизнь горбатились на одном производстве, ожидая пенсионного возраста, к началу девяностых оказались у разбитого

корыта: по всей необъятной державе, вместо коммунизма, семимильными шагами бродила беспризорная инфляция, трудовые, многолетние банковские сбережения граждан обратились в ненужную бумажку. Деньги были у всех, а через пару лет, даже пенсионерам выплачивались миллионные пособия. Яркие огни коммунизма потухли не только на горизонте, но и в домах.

Сегодня Сандро часто встречает людей, которые смотрят на него с холодным безразличием, готовы бесчестить его по не-

значительной причине. А ведь мама так его любила. Но что тут можно поделать? С такой тяжёлой ношей обиды, тоски, отчаяния и грусти живут очень многие, и ничего с этим не поделаешь, такова беспощадная, brutальная реальность, в которой случаются и головокружительные взлёты, и фатальные падения...

Но он был человеком напористым, не хотел и не мог «плыть по течению», идти на поводу у обстоятельств, всегда стремился управлять ситуацией, влиять на неё на столько, насколько

мог и находить выходы из, казалось бы, тупиковых положений. Презирал конформизм.

Сандро вспомнил, как в девяностые годы, получив ваучер — свою долю от дележа социалистической собственности, и продав его ниже номинальной стоимости, эквивалентной десяти американским долларам, проходил с сигаретой через подземный переход. К нему придрался полицейский:

- Почему куришь в переходе?

Сандро воспринял претензию «стража порядка» с недоумением:

- В этом переходе курят все, кому не лень. С каких пор это запрещено? Вон твой коллега сам стоит с сигаретой в руке.

Ответ не удовлетворил полицейского. И Сандро отвели в грязную, прокуренную и заваленную окурками служебную комнату. Он знал, что полиция хуже рэкета. Голодная, безденежная и вооружённая, она пользовалась своим служебным положением и, чтоб хоть чем-нибудь разжиться, не

гнушалась и вымогательством. В служебной комнате потребовали вывернуть карманы. Он, сообразив, что к чему, незаметно, стоило полицейскому отвернуться, закинул за ворот сорочки пятьдесят тысяч российских рублей. Полицейский вновь взялся за него и стал разглядывать вещи, вынутые из карманов. Они не вызвали интереса полицейского.

- И это всё? — спросил он.

- Да. А что ты хотел найти ещё?

- Ну, хорошо. Собери всё и уходи, но больше не кури.

Так Сандро удалось сохранить свою долю от дележа социалистической собственности, которую, неизвестный ему умный человек назвал «прихватизацией».

Не успел Сандро отойти от гнезда рэкета, как увидел, что полицейский остановил ещё одного прохожего. Тот, правда, не курил, но нёс в руках две тяжёлые коробки — по-видимому, направлялся что-то продавать на Навтлугский рынок. Его погнали в ту же комнату...

По дороге домой Сандро честил про себя власти страны, безучастные к подобным случаям, с которыми мог столкнуться любой человек. И некому было пожаловаться в стране, где воровство стало популярным занятием, обрело тотальный характер, где воровали все, от простого человека до высокопоставленного чиновника. В обиходе появились такие словосочетания, как «левый свет», «левый газ».

Нынче ходят слухи о том, что в Грузии уничтожается образование. Процесс начался ещё в девяностые годы, когда дети уходили из шестого, седьмого классов, чтобы помогать родителям в решении бытовых и финансовых неурядиц, им приходилось работать сапожниками или торговать на рынках ... То время уже принадлежит истории. Теперь всё по-другому. Хотя до сих пор не понятно, что подразумевается под образованием, какие знания оно должно содержать в себе? Очевидно одно, что в массовом пони-

мании образование ассоциируется со знанием английского языка и компьютерной грамотностью, но владение этим техническим средством, ничего общего с образованием не имеет. Это нонсенс. Критерии образования доведены до примитива...

VII

...Как-то в семье двух пожилых людей Сандро показали среди прочего несколько объёмистых коробок с радиодетальями ещё советского производства, считавшимися в своё время дефицитом. Они уже ни на что не были пригодны, не существовало аппаратуры, в которой их можно было использовать, да ещё в таком количестве. Но у них самих такая аппаратура, предназначавшаяся для промышленных целей и использовавшаяся на производствах, имелась. Сандро предложил им хорошую цену, с учётом, правда, и своих интересов. Старики оскорбились: цена оказалась им неприемлемой. Они обозвали Сандро аферистом и непорядочным челове-

ком, обманщиком. Эти эпитеты сильно оскорбили Сандро, его шокировала их реакция.

- Простите, если чем-то обидел вас, но на вашем месте я бы не был столь категоричен. Если всё это могло бы принести хорошую прибыль, то отказываясь от этого, я, прежде всего, наношу ущерб себе. Ваше право,- направляясь к выходу, сказал Сандро, - но сегодня эти детали нигде не используете. - И он вышел.

Шел, досадуя, возмущаясь: «Назвали меня аферистом, обманщиком, будто сами такие невинные ангелы, «образцы порядочности». Кто из нас обманщик, можно ещё поспорить. Напомнить бы им, что в своё время всё это добро они тащили с заводов, разбазаривали социалистическую собственность. Так кто же из нас непорядочный? Я и сам тогда вкалывал на разных предприятиях, но мне и в голову такое не приходило. Скорей всего, я дурной, это определение ко мне подходит больше. Будь я понаходчивее, то откусил бы от поезда застоя парочку

вагонов и не скитался бы сейчас по всему городу, по всем рынкам, не проходил бы мимо соседей с рваными сумками, не добирался бы домой в грязной одежде, окольными путями, стараясь проскользнуть незамеченным. Или в те же злополучные девятые бы выпрашивать сигареты у прохожих, ходить до полудня голодным, надеясь встретить знакомого и попросить двадцать тетри, чтобы купить булочку».

Да, жизнь не баловала Сандро, нужда нещадно хлестала по хребту, давала пощёчины и унижала. Он научился ценить деньги, понимал, что это, прежде всего, труд.

Натура Сандро часто возмущалась от сознания того, что люди, в обыденной ситуации столь скупые, почему-то в ресторанах, впад в кураж, пытаются поразить неизвестно кого, широтой размаха, оставляют официантам сдачу, будто так оно и должно быть, и этот предрассудок, как у клиентов, так и у персонала заведений сло-

жился очень давно. Сандро находил этому своё объяснение: люди в таких местах, впадая в кураж, старались обратить на себя внимание, показаться «щедрыми», «не обидеть» официанта и вообще «не обложать», произвести «хорошее впечатление respectableного человека». А со стороны официантов это было наглым попрошайничеством, скрытым «престижностью» заведения, обстановки. Сам Сандро не был скупым человеком и всегда, когда была возможность, готов был потратиться на друзей, но дарить в таких заведениях деньги, пусть даже небольшие, считал мимолётной показухой и неблагодарным делом. Ведь этот обслуживающий персонал ресторанов также посещает магазины, рынки, не редко торгуются и полагающуюся сдачу они берут всегда...

Нельзя сказать, что Сандро интересовали только работа и деньги. Это не так. Он мечтал о свободном времени, и когда оно выпадало, прифран-

тившись, отправлялся к кому-нибудь из друзей, подолгу беседуя о политике, культуре, особых событиях. И очень любил читать...

VIII

В будничной суете, в бесконечной беготне не замечал, как Тбилиси из месяца в месяц изменяется, как обновляется его облик, появляются новые объекты. Любимый город, с его неповторимым рельефом, историческими кварталами, становился, между тем, всё уютнее, ухоженнее. Вычищены «авгиевы конюшни», от тяжёлого смрада девяностых не осталось и следа.

Как-то к Нане приехала из Москвы племянница. Они втроём отправились на прогулку. И Тбилиси открылся Сандро по-новому. Он был необычен. Сандро смотрел на всё, как бы впервые, как зачарованный турист после многолетнего перерыва. Впервые за долгие годы, в душный летний вечер, побывал на Песках, прошёлся со спутницами по ажурному мосту, обратил внимание гости на то,

что в столь многолюдном месте нет ни одного полицейского, и никто не стоит с дубинкой... Всеобщее внимание привлекала причудливая игра фонтана, окружённого взрослыми и детьми. Под популярные классические мелодии струи фонтана разной высоты группами взмывали вверх, то ровными, то виляющими рядами и, падая, рассыпались роем радужно искрящихся брызг. Красивая палитра неоновых ламп, окрашивала струи всеми цветами радуги. Казалось, играл большой симфонический оркестр.

По недавно построенной канатной дороге поднялись на Нарикала. Отсюда открывался замечательный вид на красиво освещенный город... С другой стороны древних крепостных стен, со смотровой площадки простирался Ботанический сад, – настоящее зелёное царство. В сгущающихся сумерках он казался громадной тёмной бездной. Там в стороне ровным рядом, стеной зелёной стояли кипарисы, а где

-то прогуливалась влюблённая парочка, пытаюсь скрыться под кронами деревьев...

IX

Сандро активно пользовался компьютером. Через Интернет он нашёл своего давнего друга. Завязалась переписка. Сандро рассказал о своей жизни, работе. Друг предложил ему приехать в Штаты, готов был прислать приглашение. Через месяц Сандро уже держал приглашение в руках. Казалось, сама судьба идёт ему на встречу. Но чтобы попасть в американское консульство, необходимо было соблюсти некоторые формальности и, главное, отправить через банк на его счёт триста пятьдесят долларов. Такой суммы у него, разумеется, не было. Приглашение имело силу в течение полугода, за это время можно было заработать нужное.

Сандро вновь стал звонить, искать клиентов. Клиенты нашлись. Он взялся за дело с новой силой и новой надеждой...

Часть заработка

уходила на жизнь, другую он откладывал, копил. Через три месяца собралась нужная сумма. И спустя несколько дней отправился на приём. Небоскрёбы Америки, вечерний Нью-Йорк, сверкающий огнями Манхеттен, бурлящая жизнь, бары, рестораны, изобилие и берег Атлантики теперь уже не были недостижимой мечтой, - от них его отделяло каких-нибудь десять-двенадцать часов полёта.

Дождавшись своей очереди, пройдя все необходимые процедуры, вплоть до снятия отпечатков пальцев, он подошёл к окну с бронированным стеклом. Говорил с сотрудником посольства Америки через переводчика. Заключение словами американского дипломата были:

- Вы не убедили меня, что стремитесь в Америку не на заработки.

Его поторопили, ни дав вставить ни единого слова. В визе было отказано по нелепой, как ему казалось, причине.

Выйдя из кон-

сульства, он зашагал, не совсем отдавая себе отчёт, куда идёт. Настроение пропало, надежда рухнула. «Нелепые инструкции и требования! Как я мог убедить этого идиота, что еду не на заработки? Чтобы убедить, необходимы доказательства, а, по логике доказательства опираются на реальные факты. Где я мог взять такие факты? - спрашивал себя Сандро. - После такого скрупулёзного досмотра я ещё говорил с этим мудаком через бронированное стекло. А ведь убедить - это ещё не гарантия того, что получивший визу, действительно, не будет работать.

Придурки!.. Помогают нашей стране по многим вопросам, выделяют нам миллионы, а зарабатывать нашим гражданам своим трудом в Штатах не разрешают. Жаль только денег, они бессмысленно потеряны, лишь пополнили бюджет посольства. Но какое этим янки дело до таких «мелочей»?» Несколько раз с такой же неудачей в американском консульстве сталкивался и брат

Сандро, оставив там несколько сот очень нужных для семьи всемогущих долларов.

Он кипел от возмущения, поймал себя на мысли, что уже ненавидит Америку. Вернувшись домой, сел за компьютер и, едва справляясь с обидой и возмущением, захлестнувших его, отправил другу несколько строк, поведав о своём визите в американское консульство, который завершился полным провалом...

Пришёл ответ. Друг писал, что очень разочарован, что державный маразм американских дипломатов зашкаливает, а бюрократия, к несчастью, бессмертна, и обещал прислать пятьсот долларов, чтоб компенсировать затраты.

Потеряв надежду на поездку, Сандро вернулся к своим будничным проблемам, с каждым днём всё больше внедрялся в монотонную прозу жизни, выхода, и выбора ему не виделось. Пропадала охота делать лишний шаг, даже сходить в магазин. Нередко возникало желание, бросить всё к чертям собачьим. Ус-

талость порой доводила его до полной апатии, состояние тупости сменялось депрессией или наоборот, Но в голове неизменно работала важная клетка, что отвечала за организованность, собранность, ответственность, и поэтому он никогда не опускался до безалаберного образа жизни.

Х

Приятельница, Нана, к которой он был очень привязан, с определённых пор не раз предавала его, грубила, хамила, закатывала истерики, чаще всего без внятных причин. Он недоумевал, не мог дать рационального объяснения подобному поведению приятельницы. Во всех его действиях и проявлениях она видела лишь негатив. Сандро любил её и потому всё прощал и терпел.

На фоне этих проблем, доставлявших немало переживаний, трудно было сосредоточиться на работе, даже на быте. Приходилось контролировать и регулировать собственное самочувствие и настроение, и,

к его чести, это ему удавалось...

Как-то, во время одной беседы, Нана, пребывая в хорошем настроении, беспечно сообщила Сандро о новом знакомстве. Рассказала, что у нового знакомого есть в деревне большое перспективное хозяйство. Сандро не придавал этому серьёзного значения и слушал снисходительно. Только спросил:

- А ты не поинтересовалась, что он хочет взамен? Мне кажется, тебя просто унижают, полагая, что могут привлечь сельским достатком.

Нана отмолчалась.

Наступило лето. Нана затеяла в квартире ремонт. Шутила: «Готовлюсь

к старости». И очень рассчитывала на помощь Сандро. Он взялся помогать активно, самозабвенно. Решал все организационные вопросы, искал мастеров, бегал в жару за строительными материалами по рынкам и лесопилкам...

Однажды, возвратившись с грузом, не смог к ней войти, и понял, что она не од-

на. Было ясно: безобидное на первый взгляд знакомство переросло в близкие отношения. Что можно испытывать в такой ситуации, памятуя многолетние отношения, совместные минуты печали и радости?.. Уважающий себя человек махнул бы рукой... Но Сандро не нашёл в себе сил на это, он был слишком привязан. Оставив груз у порога, в смятении убежал... Вечером она позвонила. Он решил подняться и объясниться. Она отговаривалась тем, что её не было дома.

- Не ври. У тебя это не получается. К тому же я видел, как он выходил от тебя. Я не знаю, как объяснить твой легкомысленный выбор. Он пожилой и хромой, да ещё женатый, я же... Чего тебе ещё надо?

- Ты не понимаешь, - отвечала она, - есть такое слово «любовь», и этим всё сказано.

Он не знал, удивляться или отчаиваться, а может, просто посочувствовать?..

- Я могу попросить его, - продолжала она, - чтобы он нашёл

тебе хорошую работу. Он всю жизнь находился на руководящих постах, он серьёзный, представительный, строгий, порой даже не замечает, когда с ним здороваются.

Слова её казались не просто легкомыслием, а вершиной глупости. Сандро ответил:

- Ты что, совсем рехнулась?! Издеваться надо мной, что ли? Решила поудобней устроиться? Но я до такого не унижусь, у меня хватает своих сил и способностей!.. - Он запнулся, почувствовал, как кровь прилила к голове.

- Послушай, я прошу, прошу всё, только прекрати эти инвалидные отношения, не разрушай нашу многолетнюю дружбу, наши отношения... -

- Какую дружбу?! О каких отношениях ты говоришь?! - в истерике закричала Нана.

- У тебя что же, память отшибло? Я допускаю некоторое легкомыслие, но что из этого может выйти? Ты... Ты...

Но у неё были свои критерии. Её влекло к мужчинам зрелого возраста, а для

них она была находкой. Ведь у них на склоне лет нет большого, да и малого выбора. А Нана всё ещё была красивой, сексуальной, успешной женщиной. Одним вальяжным видом располагала к себе, обладала харизмой. С более молодым Сандро она не чувствовала себя комфортно...

Нана отвечала своему другу:

- Ты не знаешь его, у него большое чувство юмора, он рассказывает весёлые истории, анекдоты, я не перестаю хохотать.

- Мужчины все таковы. Многие из них имеют запасной, если хочешь, дежурный набор слов, мыслей, всяких историй, реприз... Через какое-то время он исчерпается, и ты хохотать больше не будешь. Что же я говорю, - Сандро хлопнул себя по лбу, - Боже мой, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Ты воплощение глупости. Судя по всему, Господь, действительно создал женщину из кости, в которой нет мозга...

Не достучавшись до её сознания, он ушёл с чувством доса-

ды и обиды, почти неделю не заходил и не звонил...

Неизвестно, сколько бы это длилось, если бы не позвонила она сама. Оторвавшись от чтения, он поднял трубку.

- У меня дверь не открывается, - послышалось из неё.

Сандро не был злопамятен, не стал напоминать ей ни про «мать Терезу», ни про день, когда у него от мороза потрескалась кожа на руках, ни о её «избраннике». Хотя мог бы отказать в помощи - при этом ей пришлось бы простоять у порога неизвестно, сколько времени, в ожидании хоть какой-нибудь помощи, да ещё в прохладную погоду. Сандро рванул к Нане, не раздумывая. Дверь не поддавалась. Он предложил пригнать грузовой подъёмник, как уже случилось несколько лет назад, войти в квартиру через балкон и отпереть изнутри.

Она дала ему тридцать лари на водителя, и он отправился за целый километр пешком, туда, где эти водители биржевали.

- Привет, земляк,

- обратился он к одному, заметно скучавшему в ожидании клиента. - Ждешь?

- А что делать-то? - отозвался водитель.

- С утра ни одного заказа!

- Заказ будет! - главное, сойтись в цене.

Он объяснил суть дела. Водитель запросил семьдесят лари.

- Так тебе заказа не видать. За полчаса работы - семьдесят лари?! Не многовато ли?

- Я работаю на бензине, а это чего-то да стоит. Вон, у того транспорт работает на газе, он возьмёт дешевле.

Сторговавшись с другим водителем-крановщиком за двадцать пять лари, Сандро поехал-таки с ним. Нужно было разменять купюру, чтоб расплатиться с водителем под расчёт, это оказалось не простой задачей, ни в одном супермаркете «не нашлось» денег, чтобы разменять десять лари, пришлось купить пачку сигарет.

Подъехали к дому. Сандро запрыгнул в «корзину» и вскоре оказался на высоте

балкона Наны. Перелез и распахнул дверь.

Нана с важным видом вошла.

- Всё, спасибо, давай уходи, - бросила она равнодушно, не переставая удивлять чудесами нелепости и неадекватности.

Сандро стоял, как вкопанный, не то от недоумения, не то от обиды...

- И это всё, что ты можешь сказать?

- А чего ты ждешь ещё?

- Твоё «спасибо», как обглоданная кость, брошенная бездомной собаке.

- Как хочешь, так и воспринимай.

- Если бы я воспринимал так, как ты заслуживаешь, то ты простояла бы у порога ещё не один час.

- Тоже мне, большое дело сделал...

- Что бы я ни делал для тебя, тебе всё мало, всё по барабану. Старуха из сказки про «золотую рыбку». Вот ты кто!

- Ну, всё, уходи! А сколько ты заплатил водителю? - внезапно заинтересовалась Нана.

- Двадцать пять.

- Не слишком ли много?

- Пошла бы сама. Думаю, смогла бы договориться за бесplatно...

- А где сдача?

- Ах, да, вот она.

- А остальное? Здесь не хватает одного лари.

Сандро с сочувствием смотрел, как унижается женщина, которая, казалось, была самым близким для него человеком. Он всё ещё любил её, не хотел разочаровываться, старался списать всё на её женскую глупость...

- Чтобы разменять, купил сигарет. Ты же знаешь, за так никто не разменяет. Но если этот ларик что-то решает, я тебе его завтра верну.

- И хорошо сделаешь. А теперь убирайся! Это ты испортил замок.

Сандро, собравшийся уходить, вдруг остановился, совсем сбивый с толку. Он почувствовал в себе тупиковое бессилие перед её непрошибаемостью.

- Ты живёшь в тесном союзе с глупостью и с безумием в ладах, с такими неразлучными спутниками жизни я тебе ни чем не

могу помочь. Ты что, выжила из ума? Кто же тебе помог, как не я? Твоему маразму нет предела, хотя по возрасту тебе ещё не время. И почему ты позвала меня, а не своего старика? Было бы интересно посмотреть, как он ковылял бы за машиной и перелез бы через балкон.

- Его нет в городе!

- Да, ну, конечно же. А я всегда под рукой, будто бы МЧС. У тебя ко мне лишь потребительское отношение!.. А чем он серьёзнее меня? Тем, что его крупные габариты сочетаются с его тяжеловесным поведением, отсутствием улыбочивости, строгой интонацией? У тебя слишком традиционное представление о серьёзном человеке. Человек серьёзен, прежде всего, своими делами, умением доводить начатое до конца, ответственным отношением к делу, выполнением обещанного... но вовсе не своим представительным видом...

Наутро он зашёл к Нане, чтобы вернуть лари. Она засмузилась. Всё же он поло-

жил купюру на стол.

- На, бери, и больше не переживай. Давай-ка я сниму замок и отнесу его к мастеру.

- Нет! Его нужно просто заменить новым.

- Такого нового ты больше не купишь, а дурацкие китайские быстро портятся, к тому же наверняка не подойдут по размерам. Дверь-то у тебя железная, придётся звать слесаря, делать новые отверстия, это недёшево.

- Ну, хорошо! Делай, что хочешь.

Замок оказался вполне пригодным, просто в скважину кто-то запихал спичек. Мастер извлёк их, собрал замок заново, даже отказавшись от денег. Менее чем через час Сандро вернулся и установил замок на место.

- Видишь, как хорошо иметь верных друзей? – обратился Сандро к хозяйке. Она сидела молча, но довольная.

В этот день обошлось без нервотрёпки. Он ушёл со спокойным сердцем.

Автор: Александр Черкасов

Судьба и воля

Глава 1

Он бежал за санями. Снег был глубоким и рыхлым. Снег не давал набрать скорость и ему никак не удавалось зацепиться руками за заднюю скобу, удерживающую солому. Лошади притормаживали в поворотах и он почти не стигал свою цель, но сани елозили в разбитой колее и в тот момент, когда его ботинки наконец оказывались на концах подкованных железом деревянных полозьев, вильнув резко сотрясались, сбрасывая его на дорогу. Приходилось начинать все с начала. Снег не пускал его, удерживая в своей, все увеличивающейся глубине. Пара рыжих битюгов уносила повозку и ему так и не удалось дотянуться до стога, а он хотел прокатиться, как местная ребятня шутила, “от калитки до ворот”, и вытащить пару соломинок, чтобы пускать

через них мыльные пузыри, а еще через них можно медленно пить воду. Но вот же снег, белый сахаристый, не запачканный конным пробегом. Зачем соломка? Можно просто набрать в руку этого холодного сахара и есть его, охлаждая горячее горло.

Борис застонал и Жозет смочила его губы влажным тампоном. Ему было хорошо в бессознании, в этих детских воспоминаниях, ничем не перемешанных, как это бывает наяву. Ты стараешься вспомнить о чем-то из прошлого, но настоящее никуда не исчезает и оказаться в этом прошлом, чистом, без примесей сегодняшнего мира, не получается.

Борис в коме, ему 84 года. Два дня назад он упал с винтовой лестницы в своих апартаментах в Жуан-Ле-Пэ. Он слышит, как суетится Жозет, чувствует лавандовый запах простыней и их шеро-

ховатость. Иногда, когда он выплывает ближе к поверхности, становятся осязаемой боль сломанных ребер и трудное дыхание задетых легких.

Но окружающие его люди, медперсонал, жена, появившаяся накануне сыновья этих его приближений к реальности не замечают, только на мониторе пациента иногда выстрелит пиком какаянибудь синусоида.

Борис понимал, что на этот раз ему не выкрутится. Смерть не однажды приближалась к нему, как он шутил, на интимное расстояние, но роман закрутился только теперь.

Его радовала возможность проваливаться в прошлое, в сладкий сироп детства, и он отпускал себя в это плавание, в глубину не подверженную суете.

Отец брал его на руки. Он был большим, широким, с густой черной шевелю-

рой и аккуратной бородачкой. От него пахло табаком, одеколоном, сыромятной кожей лошадиной упряжи и смолистым сосновым духом. Он был известным и уважаемым торговцем лесом. Иногда, в его нагрудном кармане, к восторгу Бориса обнаруживался клад - шоколадная конфета. Но такое случалось не часто. Отец много работал и редко находил время для общения с детьми - кроме Бориса в семье было еще четверо, все девочки и все были старше его.

Как-то перед сном он спросил Мириям, 15летнюю, уже взрослую старшую сестру, мамину главную помощницу.

Она зашла поцеловать его и пожелать добрых сновидений, но присела на постель услышав его вопрос:

- Почему я не могу получить такую конфету, которая бывает в папином кармане, всегда когда хочешь?

- А что еще ты хочешь получить по первому твоему желанию?

И пятилетний мальчик перечислил целый список предметов, совершенно ему

необходимых для полноценной жизни. Там было увеличительное стекло, юла, деревянная конка с выточенными тремя лошадыми, как у Максика, лук со стрелами из игрушечного магазина, трехколесный велосипед, стеклянные голубые шарики и собака.

-А что ты сам можешь сделать, что бы все это получить? - спросила Мириям,

-Ведь, если по первому твоему требованию, будет появляться все, что ты хочешь, то тебе и с кроватки подниматься не надо будет. А когда ты вырастешь и у тебя будет свой маленький сынишка, а мама и папа улетят на небо, ты ведь ничего не будешь уметь, только просить все, что твоя душа пожелает. А как же ты своему малышу достанешь все то, что ты сейчас перечислил?

Он задумался, как это мама с папой улетят? Мама иногда одевает такое воздушное платье с оборками и широкой юбкой, наверно ее может унести ветром, а папа слишком большой и тяжелый, он одет в шерстяной костюм с широ-

ким ремнем, застегнутым на толстую бронзовую пряжку и большие сапоги с отворотами. Но он спросил про другое:

- А что надо сделать, чтобы у меня всегда были конфеты”?

-На все ,что ты перечислил, нужны деньги, а деньги нужно зарабатывать.

-А сколько стоит одна конфета ?

Мириям рассмеялась:

- Спи давай!

Но он настаивал:

- Сколько?

-Ну, наверно, сантимов пять.

Рядом с их домом двое рабочих разбирали мостовую. Они таскали бульжники на телегу и освободившееся пространство приводили в порядок, подсыпали песок и щебень, а потом этот же бульжник укладывали обратно.

Однажды, когда мужики сделали перерыв в работе и уселись перекусить, Борька подошел к ним и спросил, сколько им платят за каждый камень, что они выкорчевывают из мостовой ?

Мужики расхохотались:

- А что, пацан, подработать хочешь? Наверное, девчонка понравилась, хочешь ей конфет купить”?

Про “конфеты” Борьке добавило решимости и он сказал:

- Да, хочу конфет ей купить.

Хохоту у мужиков прибавилось. На растеленном платке перед ними лежали ломти ржаного хлеба, куски сыра и круг домашней колбасы. Из глиняного кувшина они наливали себе в железные кружки темное пиво и уже на кураже предложили ему хлебнуть:

- Вот выпьешь пива с нами, возьмем тебя в нашу артель.

Борька смело взял протянутую кружку, но старший из них остановил:

- Ладно, вот лучше колбаски поешь.

-А если я вам помогать буду, сколько вы мне денег дадите?

Он решил, что так будет правильно разговаривать со взрослыми: прямо скажешь — прямо поймут.

-А ты камень поднять сможешь?

И он тут же продемонстрировал свои способности. Схватил лежащий поблизости булыжник и бегом оттащил его к телеге, только закинуть не получилось, высоко.

Рабочие переглянулись:

- А батька не побьет?

Борька проработал весь день, заработал серебрянный лат и, придя домой, гордо положил его на стол перед отцом.

Ему купили целый кулек конфет и он вначале угостил всех домочадцев, а оставшиеся съел, сидя на полу в своей спальне, впад от наслаждения в протрацию. Когда мама зашла проведать его, он сидел, уставившись в одну точку с поднятыми, испачканными в шоколаде руками. Этот жест означал, что надо их помыть, но у него не было на это сил.

Отец имел с ним

по этому поводу серьезный разговор. Он не стал его наказывать, но впредь такими вещами заниматься без его разрешения строго на строго запретил. Зато теперь, он стал брать его с собой на работу. Работа, на которую брали Борьку, происходила в лесу, а в лесу для пятилетнего человека есть тысяча вещей, которыми можно заниматься бесконечно: из коры старой сосны можно выточить кораблик - лодочку, вставить в нее палочку-мачту и приделать из промасленной бумаги парус, а в орешнике найдется палка, из которой можно согнуть лук, а из веток потоньше наделать стрел. Одни шишки чего стоят, набрать их побольше и целясь в дерево кидать, выработывая меткость, это вообще занятие на целый день.

Но с каждым новым приездом в лес он все больше внимания обращал на то, чем занимались взрослые. Отец продавал лес на корню. К нему приезжали покупатели со всей Латвии и им выделялась делянка с четкими границами.

Важно было определить, какое количество леса находилось в этих границах и какого качества были деревья. В те времена, это делалось людьми, которым покупатели доверяли как специалистам, как людям с репутацией честного купца. Продавец на глаз оценивал делянку, сообщал об этой оценке покупателю и бил с ним по рукам. В зависимости от конечного результата, насколько близким он оказывался к этой оценке, выстраивался его авторитет в этом лесном деле, и чем выше был этот авторитет, тем больше к нему тянулось потенциальных покупателей. Так выглядела конкуренция в этом бизнесе.

Уже к десяти годам отец заметил, как остер был глаз у сына, тот поражал его своими способностями просчитать осматриваемый участок и он, в виде шутки, начал с ним советоваться, все больше удивляясь точности Борькиных оценок.

Еще через два года приказчики, сопровождавшие своих хозяев - покупателей, старались потихоньку,

в обход отца, переговорить с мальчишкой, услышать его мнение о качестве и емкости предложенного участка. Удивительным образом у него в голове складывалась картина леса на предложенной территории и он каким то шестым чувством, природной чуйкой своей, мог точнее всех назвать количества стволов, годных для переработки в мебельном деле, в производстве шпал или просто для дровяного склада.

Приказчики просили его не просто так, и в его маленькой ладони оставались иногда лат, иногда два лата, а бывало, и большая серебряная монета-пятилатовик с прекрасной Милдой, отягощала руку. Отец прекратил сыновью коррупцию, но оценив его способности, как бизнесмен, положил ему оклад 30 лат в месяц. Он был ужасно горд тем, что его маленький сын продолжил его дело с таким успехом, с такой необычной для совсем еще юного человека хваткой.

Тринадцатилетие Бориса праздновали со

всей широтой зажиточного благополучного семейства.

В синагоге на улице Пейтавас, где у отца было свое почетное место, Борис прочел наизусть часть недельной главы Торы и отец поблагодарил бога за то, что ему позволено было вырастить такого замечательного мальчика и что теперь этот мальчик, став взрослым, сам может отвечать за свои поступки.

На праздник пригласили всех его друзей, близкую родню и партнеров отца по работе. Дом был переполнен людьми, шумом их общения, музыкой, запахами ломящегося от яств стола. В его спальню сгрузили целую гору подарков и главным был новенький, сверкающий никелированными частями и спицами велосипед. За столом говорили речи, восхищались его необыкновенными способностями. Мама плакала и целовала его после каждого такого тоста. В его жизни никогда больше не будет такого светлого, пронизанного любовью, искрящегося счастьем

праздника.

Борька рос в женском царстве. Его мать, Дина, выглядела так молодо, что могла сойти за подружку своих дочерей. Она сохранила стройность, нежную розовость тонкого лица и веселинку в своих черных глазах, всегда готовую раскатиться обворожительным рассыпчатым смехом. Сестры-погодки: Ханна, Эстер и Гита приводили в дом своих многочисленных приятельниц и Борька с самого детства варился в этих девичьих переживаниях, их интимных секретах и мечтаниях. Он был всеобщим любимцем и отвечал сестрам взаимностью, но подсознательное заставляло искать в себе те качества, которые не позволили бы ему раствориться в мире розовых бантов и голубых лент. Он лавировал на контрастах и женское окружение не размягчило, а напротив, отточило его мужественность.

Первый опыт влечения к противоположному полу он пережил, когда ему не было и десяти. Среди сестриных подруг бы-

ла девочка чуть старше его. Ее звали, как и его мать, Диной. В главном зале их дома были диваны на высоких ножках. Они позволяли малышне пролезать под ними по паркету по-пластунски и дети затеяли игру. Распластавшись по полу, они по очереди проползали под этими диванами, для скорости вытаскивая друг друга за руки или за ноги. Так у них выстраивался ручеек кругового движения. Борька ловил момент, когда надо было вытаскивать Дину и хватал ее за ножку: в начале за лодыжку, потом за коленку, а потом и выше. И тогда он почувствовал неизведанное раньше волнение. Прикосновения к ее бедру вызывали у него такие приливы крови, что ему казалось, что у него горит кожа.. Он делал вид, что ничего особенного не происходит и он касается того места выше коленки случайно, просто так вышло, ведь движение ручейка должно быть быстрым и безостановочным. Но однажды, он встретился с Дининым взглядом и в ее при-

шуре было такое, что он понял, его прикосновения не остаются незамеченными и что ее это тоже волнует. Это открытие придало ему смелости и у них с этой красивой девочкой установились тайные отношения. Теперь везде, где им удавалось остаться наедине, он прикасался к ней в тех местах, которые казались ему наиболее притягательными. Она молчала, но резко пресекала все попытки его рук добраться до самых потаенных. Все это происходило в полном молчании и постоянном опасении, что их заметят. Дина уходила неожиданно, как только ее прелестное личико розовело, без “до свидания” и без обещания прийти еще раз. И Борька потерянно оставался в одиночестве и недоумении. Ему не с кем было поделиться своими переживаниями и этим опытом. Его друзья подняли бы его на смех и он стал бы презируемым девчончим подъябочником, а с сестрами не то что советоваться, он просто не пережил бы того позора, которым покрыл бы себя, рас-

сказав им о том, что он чувствует. Так ему казалось. Роман этот длился недолго. Родители Дины переехали в Вильно и девочка осталась в его воспоминаниях, как самый сладкий цветок, который ему удалось только понюхать.

Совсем другие события разворачивались на повседневном мальчишечьем фронте. Район где находился их дом был поделен между тремя “бандами”. “Банды”, это им так хотелось называться. Никакой реальной вражды и преступного акцента среди мальчишек, разделившихся по национальному признаку, не было. Евреи, латыши и немцы группировались по такому принципу только когда происходили события, требующие консолидации. Первое — это футбол. Играли по выходным, по графику. Стадион в районе был один и в его владении были заинтересованны все три группы. Тут они выступали единым фронтом и чужакам в этом месте показываться было небезопасно. Играли не толь-

ко в футбол: городки, крикет, устраивали забеги на разные дистанции, но высший уровень авторитета достигался в победах на гимнастических снарядах. На стадионе были брусья, перекладина, канат и кольца, и это было реальным полем сражения. Борька был прекрасно сложен. Господь и родители дали ему пропорции, на которые он нарастил мышечный каркас. Он с самого раннего возраста занимался всем, что развивает тело. Он делал это так же естественно, как дышал. Борька был невысок, разве что маленьким не назывался, но он был очень сильным парнем и на снарядах ему равных не было.

Но не всегда все было между “бандами” так безоблачно. Несогласие в судеюстве футбольного матча, чьи то личные разборки, какая ни будь сплетня и, конечно, девчонки, которые национальных преград не соблюдали, становились причиной для драк стенка на стенку. При чем утром могли латыши с немцами бить

евреев, к вечеру евреи с латышами били немцев, а к выходным немцы с евреями давали по шеем латышам. Впрочем, это не мешало отдельным персонам из всех трех группировок дружить в индивидуальном порядке и когда корпоративные интересы вынуждали таких ребят вставать друг против друга, они могли с сожалением наносить удары, сообщить своему противнику:

- Извини ,Янка, но я тебя немного поколочу,

- Да ладно, Вилли! Только не по лицу, а вот Менахему вмажем по полной.

1 июля сорок первого года соотношение сил в этих мальчишеских подразделениях несколько изменилось: в руках бывших немецких мальчиков оказались «шмайсеры», в руках бывших латышских мальчиков, оказались винтовки «маузер 98», а в руках евреев, всех: и девочек, и мальчиков, и их родителей, и их бабушек и дедушек, оказались иголки с нитками, которыми они пришивали к одежде желтые звезды.

Несколько лет Борис вместе с сестрами занимался в танцевальной студии одного из учеников Освальда Леманиса, руководителя Латвийского балета, замечательного танцора и хореографа. Борькины успехи были настолько очевидными, что когда ему исполнилось 16 лет, его пригласили в труппу оперного театра. Он прошел предварительный просмотр и после первых дней знакомства со сценой поделился со своим ближайшим другом Мишей Шерманом некоторыми странностями поведения танцоров балета. Эти странности Мишка со смаком, с соответствующей жестикуляцией и с прогнозом Борькиной судьбы в ближайшее время, разъяснил другу. Мишка был лучше подкован в таких вопросах, в его семье было два старших брата и они были доступным и неиссякаемым источником знаний во всех вопросах интимного свойства.

Педерасты! Жуткое слово прозвучало в Борькиных ушах пожарной сиреной, и

хоть Мишка потом смягчил тон и сказал, что его братья знают несколько таких ребят и ничего плохого о них сказать не могут, в оперу Борька больше не пошел. Но в эти несколько дней, за кулисами театра, у него произошло знакомство с балериной кордебалета Байбой Брока. У них закружился роман обжигающий, безоглядный. Она была на год старше его, невысокая, тоненькая, веселая, голубоглазая блондинка. Они сошлись с ходу, с первого прикосновения и не могли друг от друга “отлипнуть”- это было ее выражение.

- Я не могу от тебя отлипнуть, даже когда тебя нет рядом. Я твои руки чувствую ночью, во сне, так ,как наяву, и когда просыпаюсь не понимаю, почему я одна.

Они занимались любовью везде, где им удавалось остаться наедине: у подруг, у друзей, в лесу, куда он увозил ее на раме велосипеда. Они любили до изнеможения, до ощущения невесомости. Им нужно было успеть насладится

друг другом до того, как это станет невозможным. Они избегали этой пугающей темы, но в воздухе висело мрачное ощущение надвигающейся беды. Их обостренное любопытство сознание вибрировало от предчувствия скорой разлуки. Два совершенных тела переплетались в тщетной надежде остановить время, не отлепляясь друг от друга еще на мгновение, еще ...

Синусоиды на мониторе стали опасно выравниваться в прямую линию. Засуетились белые халаты, в вены направились потоки реанимационных препаратов, уколы дексаметазона в плечо, адреналина под язык. Нет, это еще не конец, просто он не мог вспоминать то, что было дальше.

Его старший сын, Мишель, входит в десятку ведущих нейрохирургов США. Однажды, он объяснил отцу, как происходит блокировка памяти. Сложные названия: нейромедиаторы, нейроны и пр. Их исчезновение или рождение новых стирает старые хранилища памяти.

Именно это интересовало Бориса. Он плохо понимал эти процессы, даже в популяризованном виде, терпеливо рассказанные его умным сыном, профессором, владельцем одной из лучших клиник специализирующейся на проблемах головного мозга.

Но однажды, Жозет уговорила его посмотреть фантастический фильм Джона Ву "Час Расплаты". Там был эпизод, в котором у сотрудника крупной корпорации, с целью сохранения корпоративных секретов, при его согласии, стирают память. Импульс выжигал нейроны головного мозга, носители той секретной информации. И компьютерная графика, изображающая этот процесс, эта трехмерная паутина мириадов линий, соединяющих студенистые узелочки, лопающиеся и опадающие под воздействием направленного на них луча, вырвала его из кресла. Он приблизился к экрану, он не мог выразить словами то, что почувствовал, только тряс кулаками и наконец выдавил:

- Я так сделал

сам, без их сраных машинок! Я выжег эти точки из своей головы, я их сжег и поэтому выжил!

Сон и явь смешались.

Он шел через мрак и ужас, охвативший жизнь его семьи, его близких, его народа, по лунной дорожке любви. Видеть ее, вдыхать запах солнечного тепла ее кожи, запах ее волос-запах скошенного луга. Он медленно подходил к пику наслаждения, вначале касаясь губами пульсирующей жилки на ее шее, подымаясь к маленькому круглому ушку и потом вниз по выступающей на худеньком лице скуле, по нежной коже щеки к мягким, трепещущим в ожидании, губам.

Борька вскочил, отбросив одеяло. Сон не успокаивал, он не давал телу находится в покое. Он лихорадочно натянул на себя брюки, на ходу заправляя в них рубашку. Сдернув с вешалки куртку, вылетел за дверь, не давая маме успеть закричать. А она не могла не ужаснуться его ночным рывкам из их еще не тро-

нутого мирка, их ,еще не разрушенного железом, стеклянного дома.

Комендантский час. Смерть за каждым углом! Но он рысь, он пантера, его реакция, сила, скорость им не подвластны. Байба пропала. Ее нет третий день. Она не приходит в условленный час в их место встреч в дальнем углу парка. Никто из тех, кто еще отваживается с ним общаться из того, уже чужого мира, ее мира, не знает, где она. Он идет по темной опасной территории родного города, так недавно территории его счастья, территории залитой солнцем его юношеского страстного узнавания жизни, ежесекундного открытия новых, неизведанных сторон бытия.

Теперь он шел, он крался по одной из таких сторон, это была страница под названием “невозможное”. То, что происходило, было невозможно, но оно случилось. Убивали соседи, убивали тех, кто их лечил, учил, шил им одежду, чинил обувь. Ад поднялся из преисподней и расположился на террито-

рии его недавнего благополучия. Но у него была, среди черных стен, сжимающих неспособный противостоять им разум, лунная дорожка. Он бежал по ней, отвергая безысходность, отвергая смертельную опасность, все было ничто против того, что среди людей принято было называть “вечным зовом”.

Ее дом -темная многоэтажная глыба, серый камень строгого фасада. Ее окна на втором этаже, как и все остальные, погружены во мрак и вдруг ударило в сердце, шевельнулся силуэт у парадного. Не она! Грузное большое тело в пальто, поднятый воротник. Иварс Брокс - ее отец. Иварс держал шляпу в руке и ветер трепал его мягкие светлые волосы. Он знал, что этот мальчик придет, и что он должен с ним поговорить. Он ждал его, выходил наугад в ночь, повинуюсь неведомым сигналам душевного беспокойства, простаивал по нескольку часов у парадного и наитие его не обмануло. Он сделал рукой приглашающий

жест, они прошли через темное пространство подъезда и поднялись на второй этаж. Борис дважды бывал в их квартире, забегая с Байбой на минутку, когда отца не было дома.Ей очень хотелось, чтобы он увидел, как она живет. Какая она серьезная хозяйка, как она все устроила на маленькой уютной кухне, какие красивые, бежевые с голубым портьеры на окнах. Она жила с отцом, мамы не было уже давно.Она умерла, когда Байбе было три года. Они ни разу не оставались у нее дольше, словно приберегая возможность ощутить себя вправе придти туда на законных основаниях. На каких законных, они себе не объясняли. Их мир не предполагал законов окружающего их общества, они были в раю, а разве в раю есть такие законы, по которым они должны прятаться, опасаться чужих взглядов и слов, подчинятся придуманным людьми социальным, национальным, конфессиональным преградам. Они и слов то таких не употребляли, да и не знали по-

жалуй.

Иварс Брок - большой, очень полный пятидесятилетний мужчина. Светлые, чуть на выкате глаза, пухлые, несколько одутловатые щеки и яркие, как то по детски влажные, маленькие для такого крупного лица губы. Он усадил Бориса за небольшой круглый стол в кабинете. Свое пальто и Борькину куртку положил на кожаный диван тут же. На столе была бутылка водки, нарезанные толсто куски холодной говядины и холодная отварная картошка. В квартире было прохладно, но Иварс вытирал большим белым платком постоянно выступающие на его высоком лбу капли пота. Борис видел, как сильно он нервничал. Байба всегда очень тепло отзывалась об отце. Из ее рассказов Борис знал, что этот человек был очень добрым, мягким и глупо несчастным. Он так и не смирился с потерей своей жены, не смог связать свою жизнь с другой, и всю свою любовь обратил к своей маленькой дочке. Он работал чи-

новником в муниципалитете и Байба, как то вскользь, несколькими короткими фразами, дала понять, как ее отец в связи с последними событиями относится ко всему, что происходит. Иварс сел напротив и налил в маленькие серебряные рюмочки водку. Он сопел суетясь с посудой, раскладывая закуски, к которой оба не притронулся и никак не мог начать говорить.

Борька не выдержав начал сам:

- Скажите только одно где она и что с ней ?

- Она в деревне у деда. Там и ее двоюродные братья. Она здорова, но пожалуйста, юноша, давайте вначале выпьем и я вам все объясню.

Они выпили .

Иварс высказал все, что он готовил все эти дни и ночи, все эти слова, которые повторял про себя иногда вслух, и если это происходило на службе, пугливо озирался ,не услышал ли кто.

-Борис! Байба- это все, что есть в моей жизни. Я люблю ее так же сильно, как, наверное, вы, если

можно сравнить любовь отца и любовь ее избранника. Я знаю, что вы для нее так же дороги, и она не мыслит без вас своей жизни. Я хорошо знаю твоего отца и всегда относился к нему с уважением, и если бы не то, что сегодня происходит, я не был бы против вашего союза.

Но...

Борька знал, что будет за этим "но". Он сам налил себе еще рюмку и выпил, приготовившись это услышать. Но то ,что Байба в безопасности, что она жива и здорова, успокоило его больше, чем он сам этого ожидал.

Поэтому то, что оказалось после "но", он воспринял спокойно.

-Борис!- продолжил Иварс.

- Вы знаете, что я работаю в государственном учреждении, и к тем, кто находится на государственной службе, сегодня направленно особенно пристальное внимание со стороны нового режима и спец служб. Несколько дней назад меня предупредили, что этим господам из гестапо стало известно

о том, что моя дочь имеет связь с евреем. Вы понимаете, чем это может нам грозить, но это еще не все. Ее двоюродные братья из Валки тоже узнали о вас и пригрозили Байбе, что если они встретят вас вместе, то расправятся с вами прямо у нее на глазах, а потом убьют и всю вашу семью. Только после этого она согласилась уехать, только ради вас, и поэтому я умоляю вас, Борис, не ищите ее, пожалуйста всех нас: и ваших и моих. Байба, наверное, рассказала вам о том, как я отношусь к тому, что происходит, это так ужасно! Я с трудом скрываю свои чувства на службе, а теперь, после того как меня предупредили о том, что им известно о вас с моей девочкой, мне придется уйти с работы и я уеду туда же, к дочке. Я только ждал вас, что бы все это рассказать, но если бы вы не пришли сегодня, я бы все равно уехал, потому, что к вам придти не решился бы. Последнее, о чем я вас попрошу, напишите ей два слова, чтобы она знала о том, что я с вами обо

всем поговорил. Я боюсь, она мне может не поверить, если не получит такого подтверждения в виде письма с вашим почерком.

Борис выслушал все молча и на предложенном Иварсом листе линованной бумаги написал химическим карандашом: "Я все знаю, верь папе, я всегда буду тебя любить!"

Он вышел на темную улицу. Он уже не был пантерой и рысью, он шел по тротуару так, будто он прохожий, которому нечего опасаться. Прохожий-это такое мирное, спокойное определение человека в нормальном мире нормальных людей.

У самого его дома стояли двое полицаев. Они курили и о чем то негромко переговаривались. У каждого на плече висела винтовка с примкнутым штыком.

Они показались ему неопасными, но в свой подъезд он войти не решился. Он уже почти повернул за угол, когда один из них его окликнул. Проклиная себя за то, что так глупо попался,

он подошел к ним. Молодые, явно сельские, с зелеными повязками на рукавах полувоенной формы, они спросили документы и напомнили, что он слишком поздно гуляет по городу, ведь уже давно наступило время комендантского часа. Он ответил по -латышски, без акцента: "Был у друзей выпили и замешкался со временем, простите парни." Один из них готов был его отпустить, погрозив кулаком:"Беги,пацан, и не попадайся.Там дальше немцы КПП устроили", но второй оказался принципиальным и повторно потребовал документы. Борис мог легко справиться с обоими, но в случае, если кому то из них удастся поднять тревогу, выстрелить и его поймут, то в его кармане найдут документы, а там домашний адрес. Этого он не мог допустить. Пришлось еще раз сослаться на то, что выпил и документы забыл дома. Они не стали продолжать расспросы, а просто приказали следовать за ними. Его привели в префектуру

напротив парка Кронвальда. По узкой лестнице спустились в подвал и только перед самой дверью принципиальный прошипел ему в ухо:” Ты ведь еврей, а звезду не одел. Там парни научат тебя законы соблюдать!”- и ударом приклада впихнул его в помещение с низким потолком, освещенное двумя яркими лампами. Вдоль стен стояли лавки. На них сидели человек десять полицаяв, а по полу ползали старики евреи, некоторые религиозные с пейсами, в лапсердаках. Пол был залит кровью и их одежда тоже вся была в крови. Несчастные языками вылизывали пол под одобрительные выкрики шущманов. Они так были увлечены издевательством над стариками, что не обратили на вошедших внимание, но один из них вскочил со скамьи и прихватив Бориса за куртку буркнул его конвоиру:” Этого жид а сам пристрелю!” И пока тот не опомнился, выволок Бориса на улицу. Это был Эйнар Янсонс -капитан футбольной команды латышской “банды”.

Борис не раз сталкивался с ним на футбольном поле. И в драках, и в гимнастике они были главными конкурентами. Они перешли дорогу и вошли в парк. Убедившись, что за ними никто не наблюдает, Эйнар развернул его к себе, спросил:” Узнаешь”?

Он кивнул утвердительно.

- Дашь мне по морде так, чтобы видно было и беги!

Борька не заставил себя уговаривать, благодарности- потом, он вмазал Эйнару по скуле так, что у того сразу вздулся шишкой синяк, и побежал, прячась в тени деревьев.

На выходе из парка, у самых трамвайных путей, в лицо ударил ослепивший его луч фонаря. Через несколько минут его втащили в тот же подвал. На этот раз он оказался в центре помещения на полу. Полицаи не узнали его и это Борьку спасло. Эйнара не было, но он появился через минуту с мокрой тряпкой, прижатой ко вздувшемуся кровоподтеку. Оценив драматизм происходящего, он

сходу врезал сапогом Борьке по ребрам и матерясь сообщил присутствовавшим, что к этому еврею у него личные претензии. Он снова выволок его на улицу и повел через все тот же парк перехватив винтовку за цевье. Борис молчал, говорил Эйнар:” Ты совсем дурак? Сейчас бы не только тебя пристрелили, они, если бы соображали получше и не были пьяными, и меня сдали в “СД”. На этот раз он довел Бориса до дома. У двери он остановился. Борис собрался поблагодарить его, но Эйнар перебил. Он сказал, что завтра его отправляют в боевые части:” Я знаю, меня убьют на фронте, а ты ,если выживешь, запомни, не все мы звери. Я представить себе не мог, что наши парни станут такое с вами вытворять.”

Борька стиснул его руку выше локтя, обнять не решился.

Эйнар, оглянувшись, сам притянул его к себе, застыл на мгновение и, резко развернувшись, ушел.

Автор: Лев Клиот

История одного андрогита

XII Глава

Спустя пару дней Катрин умерла.

Натаниэля это опечалило. Слезы на его глазах не высохали. Он все думал о тех словах, что говорила ему Катрин. Он был растерян. Ему было жаль Катрин, ровно, как и себя. Он не знал, как быть ему дальше. Как быть ему с Биллом.

Билл сидел всю ночь в комнате Катрин и скорбил. Единственный раз в жизни он плакал. Но этот единственный раз он, и то, пытался скрывать. То ли от Натаниэля, то ли от самого себя. Он не пускал в комнату Натаниэля, закрывшись в ней, а тот, в свою очередь, метался по дому от диссонанса своих мыслей.

Он смотрел в окно, в котором видел февральскую вьюгу, и прокручивал в голове свой план побега. Ему хотелось все бросить. Особенно Билла. Он не посмотрит на то, что старику тяжело в

этот момент. Он заслужил такого же отношения к себе. Но с другой стороны, Натаниэль не мог так поступить, чувствуя себя скотиной. Он не мог бросить Билла в столь тяжелый для него момент. Как бы Натаниэль его ненавидел. Он хотел еще чуток потерпеть. Он хотел переждать вьюгу.

Слова Катрин переплетались с его собственными мыслями в его голове, но ее смерть оставляла место для шока. Он не мог сделать это в первую же ночь. Он понимал, Билл может вовсе привязать его к себе, если он не решится сделать это прямо сейчас. Но он не мог. Лишь на третью ночь Натаниэль оклемался и стал всерьез помышлять о побеге.

Сделав из мешка самодельную сумку, он запихнул туда самые необходимые вещи и спрятал ее в шкаф, тем самым приготовившись заранее. После он вышел из спальни и пошел в

кухню, где Билл стал вести себя слишком громко. Он уронил стакан с домашним алкоголем на пол, и он разбился. Это и привлекло внимание Натаниэля.

- А, ну! Убери это! – сказал Билл, как только Натаниэль появился в кухне.

Натаниэль увидел, как Билл, сидя за столом, активно выпивал самогон, выглядев разбитым и будто на пороховой бочке. Он поставил перед собой новый стакан и стал наливать в него. Натаниэль аккуратно стал подметать осколки, пытаясь не привлекать внимания Билла, который сейчас как никогда мог разгневаться как ненормальный. Пьяного Билла Натаниэль боялся еще больше, чем тверезого. Он не знал, как с ним таким обращаться. Поэтому, как только он подмел все осколки, развернувшись, он хотел тут же скрыться в своей комнате. Но Билл не дал ему этого сделать, окликнув его

и сказав:

- Сядь, Натаниэль! – показав на место за столом, напротив себя.

Натаниэль молча выкинул осколки в ведро, и вернулся, чтобы сесть за стол с Биллом. Он чувствовал себя неуютно в этот момент. Он не знал, чего ожидать от Билла. Поэтому, он просто ждал, что тот ему скажет.

- Будешь пить? – спросил его Билл.

- Нет, спасибо! – ответил Натаниэль, сложив руки на колени.

- Молодец! – сказал Билл, и в очередной раз приложился к стакану.

Натаниэль молча сидел, в ожидании последующих фраз его пьющего деда. Он украдкой поглядывал на него из-под лба. Он казался ему неменяемым. Его каменное лицо оставалось столь же каменным, только более могильным, будто памятник гранитный.

- Завтра похороним бабушку... - наконец-то сказал Билл как-то недосказано и махнул рукой в поле за окном.

Натаниэль понял, что имеет в виду Билл,

и решился спросить:

- А почему не на кладбище?

- Потому! Я хочу, чтобы Катрин всегда была рядом!.. – сказал Билл, после чего его лицо, вдруг, чуть ожило.

Натаниэль стал смотреть на него и видеть, как тот сдерживается, чтобы не раскрыться пред Натаниэлем. Почему он так боялся быть чувственным? Билл три ночи просидел у кровати покойной Катрин, но он ни разу не показал своих слез Натаниэлю.

Он решил, что пора разговаривать с Биллом. Пора, наконец-то, поговорить с ним откровенно. Ведь он такой же человек, как и все остальные. И Натаниэль спросил у него:

- Какой она была? – давя на сердце Билла.

- Кто? Катрин?

- Да, Катрин!

- Почему ты спрашиваешь?

- Мне интересно!

- Тебе интересно?

- Да, интересно!

Пожалуйста!

Билл не понимал такой внезапной инициативы Натаниэля. Он скривил лицо, но

спустя десять секунд, вдруг, начал говорить:

- Я не знаю, как я теперь буду без нее...

Катрин была безмозглой, но ее улыбка всегда вдохновляла меня. Она умела поддерживать меня без слов. Она была доброй...

Билл снова налил себе самогону и выпил. Натаниэль смотрел на него в ожидании хоть каких-то сантиментов, но Билл больше ничего не говорил. Они оба молчали, пока Натаниэль не решился на резкую фразу, зудевшую ему мозги:

- Тогда почему ты такой жестокий, Билл?

После этого Билл глянул на него своим фирменным убивающим взглядом, который тут же заставил Натаниэля занервничать, и спросил:

- Что?

Натаниэль растерялся. Ему казалось, что Билл сейчас по-прежнему на части.

- Жестокий? Ты говоришь, что я жестокий? Я правильно слышал? Ты знаешь, что такое жестокость, малыш? Нет? Я сейчас расскажу тебе! Ты знаешь, что такое война? А что такое предатель-

ство? Когда твой друг бросает тебя раненым на поле боя? – сказал Билл, сорвавшись на крик в последних нескольких словах.

Он сделал небольшую паузу, после чего более тихо, но не менее нервно продолжил говорить:

– Будучи семнадцатилетним парнем я испытал всю жестокость войны на себе. Раненый, голодный, брошенный в осаде немецких войск. Я вижу насквозь таких ползающих гадов, как ты, и ненавижу вас! Вы не знаете, что такое жизнь, и плачете оттого, что она жестока! Но открою тебе один секрет – она и есть жестока! И выживает сильнейший! Поэтому, если ты вздумал найти во мне хоть что-то называемое «человеческим», то можешь оставить эти попытки при себе! – гневно завершил Билл, разбив стакан о пол.

Натаниэль вовсе замер. Он понял, что вместо терапии, он лишь усугубил внутреннее состояние Билла.

– Шагом марш в свою комнату! – прокричал старик.

Натаниэль мигом

рванул из кухни со слезами на глазах. Билл не на шутку напугал его. Он лег на кровать и стал реветь в подушку. Теперь он был уверен – надо бежать, сейчас же. Подняв голову, он стал смотреть в окно и думать: «Давай, Натаниэль! Сейчас или никогда!» Ему безумно хотелось это сделать. Он больше не видел никаких перспектив – Катрин мертва, Билл спивается и в нем все меньше адекватности. Пора брать жизнь в свои руки, так, как он хотел этого и ранее. И достав приготовленную им сумку из шкафа, Натаниэль уже готов был сделать это. Но мысли о Катрин все досаждали ему.

Натаниэлю казалось, что он не красиво поступает с Катрин, не похоронив ее. Но в этот же момент в его голове крутились ее слова, сдвигающие на обратное. На то, что он и сам давно хотел сделать.

Он приоткрыл дверь своей комнаты, чтобы посмотреть, что делает Билл. Его охватила ностальгия. Натаниэлю не хотелось повторить неудачную

попытку предыдущего побега трехлетней давности. И когда он увидел, что Билл сидит за столом словно бревно, его тревога чуть стихла. Он почувствовал уверенность в себе и стал смотреть в окно, очередной раз, прокручивая план в голове. Он был готов бежать отсюда. Но что-то смущало его сердце. Будто чего-то не хватало или в нем была некая недосказанность. И Натаниэль решил, что все-таки он выскажет Биллу все, что он думает.

Он достал листок бумаги из тумбочки и стал писать. Он стал выплескивать все свои эмоции, не щадя себя и Билла. Его рука переносила все его мысли из головы на листок бумаги. И дописав, Натаниэль почувствовал себя таким удовлетворенным, что он даже не стал перечитывать. Он положил письмо на тумбочку, и, взяв своего ангела в ладонь, сказал:

– Пора! – и открыв окно, он выпрыгнул в него.

Он выпрыгнул в метель, в полуночное время. Как и тогда, он решил обойти сарай, чтобы не попасть в

поле зрения Билла. Мадонна, укрывшись от холода, лежала в своей будке ни сном, ни духом. Билл так же не застал Натаниэля врасплох. Выйдя на дорогу, Натаниэль, наконец-то, почувствовал приближение свободы.

Он смотрел в один конец дороги, который вел в Брэйнтри и в противоположный, ведущий неизвестно куда. И Натаниэль решил пойти в неизвестное ему направление. Он предполагал, что Билл начнет искать его именно в Брэйнтри, там, где все его знают и знают Натаниэля. Он бы мог вычислить его со временем. Поэтому Натаниэль хотел выиграть и время, и место, и он решил рискнуть. Он полагался на свою решительность. На то, куда приведет его это направление дороги. Ибо эта дорога была его свободой.

Спустя пару часов Билл решил проверить комнату Натаниэля. Ему показалось, что в дом тянет холодом. Открыв дверь комнаты, он увидел открытое окно и письмо на тумбочке. И это письмо Натаниэля со-

держало следующий текст:

«Дорогой Билл!

Не сочти за грубость мои последующие слова, но я должен был высказать тебе все это. Поскольку ты никогда никого не слышал, кроме самого себя, тебе будет полезно узнать, что ты жестокое существо. Именно существо, не способное на любовь. Ведь никто не чувствовал твоей любви. Тебе главное было быть свирепым. Свою ранимость превращать во зло и ненависть по отношению к другим людям. Но смысл? Принес ли ты кому-либо радость? Ты никогда даже не думал о подобном! Ты изверг! Ты низкий человек! Собственные проблемы своего характера превращаешь в проблемы других людей. Вместо того чтобы пытаться быть счастливым и приносить счастье другим людям.

Возможно, ты и не поймешь меня. Возможно, не простишь, как не простил собственную дочь. Но спроси самого себя, Билл: простила ли тебя твоя родная дочь!? Ты этого добивался? Она,

вообще, тебя любила? А Катрин?

Знаешь, за те годы, что я прожил с тобой под одной крышей, я многое понял. Я понял то, что ни в коем случае, никогда не стану таким бесчеловечным как ты! Ты мне противен! Я ненавижу тебя, как и все остальные! И сбежал я не потому, что я обижен, а потому что ты невыносимый! С тобой невозможно жить! И я понимаю свою маму, сбежавшую однажды ради своей мечты. У меня тоже есть мечта, Билл! А у тебя она была когда-нибудь? Ха, ты явно сейчас меня не понимаешь!.. Но моя мечта уж точно не гнить с бредовым холериком на ферме! Этого никто не захочет! Поэтому ты, никогда не понимал свою родную дочь! И знаешь что? Я искренне тебе сожалею! Потому что ты, наконец-то, узнал правду о себе! И это были последние слова, которые обращены к тебе. Подумай и прощай!»

**Автор: Ротген
Морган**

Эпиграф

Лучшее

произведение

примера

Он ненавидел алкоголь в любом его проявлении. Ни нежные, терпкие букеты изысканных вин, золотой струей льющихся в прозрачный бокал, ни острые, пряные нотки джина, обволакивающего ароматом леса, ни изысканная горечь хорошей водки, приправленной правильной закуской, его не прельщали.

Он ненавидел состояние опьянения, когда сознание будто раздваивается и одна его часть все сознает и понимает, но испытывает непреодолимое отвращение к другой, которую никакими способами уже не в состоянии контролировать: ни движения тела, ни направленность мысли, ни ясность речи.

Дешевая теплая водка булькнулась в грязную кружку с отбитой ручкой и тяжело провалилась в недра опаленной долгим за-

поем глотки. Закусывать уже давно было нечем. Желудок потешал способность сокращаться, стараясь избавиться от отравы и, как забитая жертва насилия, покорно принимал любой удар.

Тяжелая голова, не вмещавшая трезвое сознание, грохнулась о стол, застыв с открытыми глазами, тупо глядящими в пространство.

За двадцать семь лет он испробовал все, что было ему доступно, чтобы заглушить в себе проклятье, выживавшее на корню его жизнь, способность радоваться и быть самим собой.

Сигареты, алкоголь, наркотики, травка, попытка самоубийства...

По какой-то мрачной случайности, сильные наркотики в нем не прижились, лишь усиливая эффект. Травка помогала, однако действие прохо-

дило достаточно быстро, оставляя после себя ощущение полнейшей опустошенности.

И лишь алкоголь, достаточно крепкий и пакостный, с каждым годом все более и более дешевый, давал возможность заснуть. Или отключиться. На время. Заглушить то, что не давало вдохнуть и начать жить.

...Воспоминание худого изможденного лица лезвием полоснуло по нервам. Ввалившиеся щеки, поросшие щетиной, глубокие тени под глазами, словно спрятавшимися за наглухо закрытыми ставнями, не открывавшимися долгие годы. И под этой безмолвной, тихой могилой бездвижного тела билось загнанное, одичавшее сознание, молящее об избавлении, кровоточащее болью усталости и безысходности. Невозможность объяснить, что значит жить в закрытом на-

глухо теле, распорядиться своей остановившейся жизнью, прекратить боль и отчаяние...

Он пытался сказать об этом родственникам парня, его врачам, но его никто не услышал. Эгоистичная любовь и нежно лелеемая надежда на невозможное самых близких людей держала того стальными тисками в самой жуткой тюрьме, не давая возможности даже надеяться на скорое избавление.

Он кожей чувствовал его панику и неслышные вопли, но попытка объяснить что-либо закончилась так же, как и всегда – от него отгородились, как от чумного, и в два счета состряпали причину для увольнения...

Очередной глоток теплой отравы вызвал тошноту. Он застонал и сдвинул виски, тяжело повалившись на воняющий застарелой грязью пол.

Чужие эмоции. Чужие чувства. Чужие желания.

Все это вымещало его собственное право на жизнь, какой бы она ни была. Так было с детства. Хлесткие эмоции пьющего отца,

загонявшего мать в петлю, были для него привычными, как чужая одежда, которую так давно носишь, что перестал отличать.

Шакальи эмоции одноклассников, всегда относившихся к нему, как к умалишенному, били по самолюбию, которое еще не знало, что в этом сознании ему нет места.

Девушки менялись со скоростью забывания, когда их истинные чувства и эмоции прорывались сквозь его затуманенное влюбленностью и возбуждением сознание.

«Открытая книга...» Для него это было не просто выражение. Это был жуткий образ жизни. И никто не способен был ценить изящную лесть, ложь во спасение и улыбку вместо правды больше, чем он. Но все эти прелести человечества были для него недостижимы – образы, чувства, эмоции, мысли любого человека шквалом обрушивались на его собственное сознание, вымещая способность отгородиться и вежливо ускользнуть. Чужие страдания текли по его собственным жилам,

чужая паника раскаленными прутьями ударяла по его нервам... А еще ложь. Много лжи и лицемерия. Ложью так или иначе было пропитано все.

Относительное затишье наступило в институте, который он закончил заочно, практически оживая между редкими сессиями, когда он не выходил из дома и никого не видел. Работа на дому спасала какое-то время, пока очередной виток кризиса не лишил даже этого скудного дохода. Пришлось довольствоваться тем, что было. А были люди. Множество людей, которых он за свою жизнь успел возненавидеть.

Начались запои. Беспамятство. Существование...

Лавка, еще пропитанная ночным холодом, неприятно уперлась в костлявое, и без того одеревеневшее тело. Желудок сводило болью от голода. Воспаленные глаза щурились от света, скудно пробивавшегося сквозь еще оставшиеся на деревьях ржавые листья. Было холодно и тихо.

Шуршание справа

заставило открыть глаза и, сморщившись, повернуться.

На другом конце длинной лавки сидел мужчина и читал газету. Седые волосы. Умные глаза. Черное пальто.

Что-то было не так. Какая-то мысль пыталась определиться в расторможенном мозгу, но соскальзывала в привычную муть похмельного отупения.

Мужчина оторвал глаза от газеты и повернул к нему голову. Спокойный взгляд пробежал по его скрюченной фигуре, равной, грязной одежде и распухшему лицу.

Он медленно встал, сложил газету, и, пройдя несколько

шагов, протянул руку.

- Николай.

И тут он понял.

Он ничего не чувствовал, словно перед ним была пустота. Или призрак.

Неосознанный страх и недоверие не дали ответить. Но мужчину это, кажется, не смутило. Он подобрал пальто и присел рядом, все еще разглядывая его красные опухшие глаза и разбитые губы.

- Тяжело?

Он неопределенно мотнул головой, пытаясь высказать то, что бродило на языке.

- Понимаю.

- Это вряд ли... - просипел он, кидая взгляд на его лощеную внешность.

- Вы – эмпат, так?

- А вы, видимо, еще один мозгоправ, - грубовато ответил парень, повидавший за жизнь психиатров и их методов больше, чем обычных людей.

Николай слегка улыбнулся и покачал головой.

- Полный доступ, как и у вас.

- Да ладно... - фыркнул тот, с недоверием рассматривая спокойные глаза незнакомца.

- Ну, раньше было хуже, много хуже.

- Вот так? – он провел рукой вдоль собственного тела.

- Много хуже.

Николай молча закатал рукава и оголил руки. Толстые бе-

лесые шрамы покрывали предплечья жутким узором.

Огонек трезвости зажегся в левом виске, пульсируя болью рождающейся мысли.

- Олег, - сказал он.

Тишина застыла в холодном воздухе, давая возможность мозгам начать работу.

- Я вас не чувствую, - Олег против воли протянул руку и коснулся мягкой ткани пальто. Не призрак.

Он ненавидел свой дар. Но какая-то доля привычки заставила недоуменно вскинуть брови.

- Как вы это делаете?

- Хотите, чтобы я вас научил?

- Научил? - Олег растянул губы в саркастической улыбке. - Если бы этому можно было научиться, я бы уже это сделал. - Он покачал головой. - Нет. Это не заглушить и не отключить.

Николай лишь усмехнулся.

- Я не беру за это деньги. Неужели вам не хочется просто попытаться?

- А какой вам прок?

- Я все еще слишком хорошо помню,

что значит не знать, кто ты на самом деле, не иметь шанса на собственные чувства и собственную жизнь. Мягко говоря. - Николай слегка иронично улыбнулся. - Вернуться к вашим методам вы всегда успеете.

Он должен был оставаться трезвым в течение двух суток. Тошнотворных, кошмарных суток, пропитанных жутким похмельем, недоверием и страхом испытать хоть какую-то надежду на избавление.

Что это за методы, о которых он говорил? Все, что было можно на себе испытать, он давно уже сделал: еще в детстве он пропил столько психотропных средств, которых хватило бы на небольшую психиатрическую клинику. Гипнозы... Внушения... Даже йога. Каждый второй психиатр делал на нем карьеру, втискивая статьи о его отклонениях во все печатные издания, куда только принимали этот бред. Толку не было.

И что теперь?

Полупустой автобус затормозил возле освещенной остановки. Олег поднял ворот куртки и привычно

нырнул в обжигающий поток чужих мыслей.

Николай ждал его, слегка опершись о железный парапет и разглядывая калеку в грязных лохмотьях, выставившего напоказ две культяпки, оставшиеся от ног. Запах мочи обволакивал прохожих, кидавших мелкие монеты в потасканную, смятую шапку, стоявшую около него.

То же спокойное лицо и безупречная внешность. Если он сможет стать таким же, то пойдет за ним хоть к черту на рога.

- Добрый вечер, - Николай уверенно пожал чуть влажную ладонь и кивнул головой.

- Здравствуйте, - Олег неуверенно глянул вокруг. - С чего начнем? В чем заключается ваше лечение?

- Это - не лечение, - он добродушно покачал головой.

Они шли молча по темной улице, заполненной праздно шатающимся народом. Сегодня был день города. И у Олега было сильное желание свернуть во дворы, скрыться, чтобы немного сбавить напор. Он глубже

запихнул руки в карманы, сжав зубы. В голове опять начал пробираться червячок боли.

На площади орали микрофоны. Толпа подвыпившей молодежи дружно скакала в такт музыке, повиснув друг у друга на плечах.

Олег ошалело продвигался сквозь толпу, видя перед собой лишь маячащую спину в черном пальто. Площадь заканчивалась густым парком и скоро они туда доберутся, успокаивал он себя, мотая головой в очередной бесполезной попытке очистить сознание.

Они внезапно за-

тормозили возле самых колонок и беснующейся толпы. Олег задохнулся от полосонувшей по нервам волне чужого опьянения, острый запах чужих эмоций захлестнул сознание. Он прижал руки к животу, боясь, что его вырвет. В голове привычно запульсировало. Он посмотрел на Николая, молча стоявшего рядом и улыбающегося странной улыбкой. Тот с интересом разглядывал зеленеющее лицо Олега, оседавшего на корточки.

В вышине грохнул первый фейерверк. Воздух взорвался восхищенными воплями.

Полосонула чья-то чужая боль – кому-то бутылкой разбили голову. Олег зажал уши руками, но это не помогло – его лихорадило, он уже готов был потерять сознание.

Лицо Николая расплывалось перед глазами мутным пятном.

- Зачем?

- Позволь всему этому войти в тебя, не сопротивляйся. Только тогда ты сможешь отгородиться и освободить себя.

Но Олег уже ничего не понимал – бесконечный грохот фейерверков добавлял сюрреализма разорванному в клочья

сознанию. Впустить? Позволить? Боль прошивала оба виска, пока его наконец не вырвало, и асфальт не шибанул по скуле ледяную пощечину.

Второй урок он устроил четыре дня спустя. И Олег затруднялся ответить, какой из уроков был более жутким: он отвел его в наркологическую клинику.

- Впусти это в себя. Просто позволь всему этому проходить сквозь тебя, только тогда ты сможешь закрыться.

- Больно, - тихо стонал Олег, с ужасом наблюдая за парнем на соседней койке, у которого была ломка. Его собственное безумие во время запоев не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось в этом корчившемся теле. Скрюченные пальцы и вывороченные конечности... Боль белыми вспышками прошивала все тело.

- Это – его боль, а не твоя. – Николай размахнулся и со всей силы врезал Олегу по лицу.

Боль, другая, настоящая внезапно вернула сознание. Ярость на секунду затмила

глаза.

- Вот твоя боль, - услышал он твердый голос, - она имеет право на существование. А это, - он указал рукой на корчащегося парня, - его судьба. Он оказался здесь по собственной дури, тебя это не касается! – Еще более сильный удар чуть не лишил его сознания, но при этом своя, осязаемая боль прояснила мозги. – Это – ЕГО судьба!

Он выбирал все более и более жуткие места для терапии. Олег уже не понимал, зачем позволил втянуть себя во все это безумие. Раньше он считал, что хлебает слишком много чужих эмоций, но по сравнению с тем, что он испытывал сейчас, это было детской игрой. Самые страшные и жуткие стороны человеческой жизни обрушивались на него в таком масштабе, что в двух случаях из трех он заканчивал вечер в луже собственной блевотины.

- Это всего лишь чужая жизнь. Тебя это не касается. – Неустанно повторял Николай, спокойно разглядывая мелкий бисер

пота на его бледном лбу. – Люди вольны жить и чувствовать то, что они позволяют себе чувствовать. Это – не твоя боль.

Это – не твоя боль.

Это стало девизом их занятий.

Как ни странно, постепенно жуткий метод терапии начал приносить свои плоды. Пять часов, проведенные в отделении онкологии, закончились лишь легким дискомфортом в желудке. Впервые в жизни Олег смог относительно спокойно смотреть на страдающих людей, продолжая чувствовать их боль и опустошенность, при этом четко разграничивая свои и чужие чувства.

Реанимация, онкология, морг... Они стали странными гостями в самых страшных местах. Чужая боль и чужие эмоции все также проходили сквозь него электрическими разрядами, но душа занемела, как старая рана. В мире было столько боли, что ни один разум не мог воспринять ее всю. Он не мог ни помочь всем этим людям, ни позволить себе

откликнуться на всю их боль.

Спасительное равнодушие разрасталось в душе день ото дня. Он слушал чужие мысли, все так же сочащиеся ложью и притворством, эгоизмом и злобой с отстраненным интересом вежливого наблюдателя. Душа деревенела все больше, давая возможность ощутить себя отдельной личностью.

Его собственное Я, его чувства делали первые неуклюжие шаги. Самосознание, его, Олега, как отдельной личности, скорченным уродцем грелось в солнечных лучах зачерствевшего сознания.

Часто они просто прогуливались с Николаем по людным улицам, не говоря ни слова, в полнейшем молчании, наслаждаясь тишиной и пустотой в душе.

Равнодушие. Спокойствие. Бездеятельность. Спасение в безразличии.

Со временем они начали встречаться все реже и реже. Ни один из них не испытывал сожаления по этому поводу. Все это было не важно. Олег получил то, к чему так от-

чаянно стремился. Он старательно выучил все уроки.

Работа нашлась сама собой, удачно подвернувшись тогда, когда все источники к существованию иссякли. Появились какие-то знакомые. Такие же, как и все остальные люди этого мира, со своими пороками и неурядицами. Но это больше его не трогало. Он перестал замечать чужую боль. Как, в общем-то, и счастье. Душа перестала воспринимать не только чужие страдания, но и радость, иногда нечаянным гостем пробегавшую по нервам, заставлявшую улыбаться и вызывавшую желание обнять весь мир.

Осталось лишь свое безжизненное пространство, где не было места сожалению, боли и отчаянию. И это было хорошо.

Наверное.

Ровно через четыре месяца он провожал девушку до остановки. Привычно пропустив мимо внимания ее мысленные сожаления об отсутствии у него машины, неустроенности квартиры и желания посидеть в resto-

ране, он легонько коснулся ее прохладных губ на прощание и, подняв ворот пальто, двинулся к дому, ни разу не обернувшись. Знакомая дорога блестела высыхающей грязью, освобождавшей серый безжизненный асфальт, глухо отдававший его собственные шаги на милость эха.

Он не уловил момента, когда это произошло.

Горячая волна вынесла его вместе с куском старой деревянной двери подъезда и швырнула в нескольких метрах на дорогу, присыпав острой россыпью раскаленных обломков. От взрыва болели все кости, в голове остро звенела глухота.

Ночь расцвела огнем, вырвавшимся из огромной дыры, образовавшейся в стене его дома. Два этажа похоронили под собой подъезд и несколько метров тротуара.

Он лежал на асфальте, боясь пошевелиться, пока не услышал вой сирен несущихся сквозь ночь пожарных и нескольких скорых.

Завал разбирали почти сутки. Олег, получив свою порцию профессиональной безразличной заботы со стороны медработников, одурело сел на лавку на детской площадке и наблюдал, как спасатели достают из-под обломков людей, которых он знал. Три трупа и пять раненых. Что случилось? Взрыв газа.

Что-то копошилось в душе, но привычное уже равнодушие не давало развиться мысли. Что-то не сходилось. Было не так.

Он медленно поднялся с лавки и подошел к развороченному подъезду.

Что-то отчаянно рвалось в душу, но он не слышал.

- Эй, парень, - чья-то крепкая рука уперлась ему в плечо, - ушел бы ты подальше. Тут небезопасно.

- Там еще кто-то есть, - тихо проговорил Олег, чутко прислушиваясь к себе.

- Уже нет, - парень покачал головой. - Всех жильцов вытащили. Больше собаки никого не нашли.

Но Олег не слушал. Давно забытое

ощущение чужой боли прорвало надежную крепость равнодушия, так старательно выстраиваемую им последнее время. Олег зажмурился и вжал голову, словно от удара. Чья-то боль билась в его груди, чей-то ужас и паника заставляли трястись его руки.

- Там ребенок! - Олег оттолкнул руку спасателя и кинулся к разрушенному подъезду.

- Слышь, парень, не дури! - Заорал спасатель, кидаясь за ним вдогонку. - Говорят тебе, нет там никого, все прочесали, собаки никого не нашли!

Олег замер, вслушиваясь в пульсирующую боль в голове.

- Он в подвале, - прошептал он, чувствуя как из носа потекла струйка крови.

Спасатель неуверенно повел головой, но достал рацию.

Бездомного пацана с переломанными ногами достали через несколько часов. Олег, борясь с тошнотой, подошел к машине скорой помощи и глянул на бледное лицо. Большие карие глаза отупело смотрели на

него, с пересохших губ не срывалось ни звука. Олег прижал руку к виску, снова задохнувшись от боли.

- Откуда ты узнал? - спасатель заставил его оторваться от вида паренька, которого грузили в машину скорой помощи, накрывая на ходу покрывалом и проводя осмотр.

Олег не ответил. Все насмарку. Столько месяцев работы рухнули, как картонный домик, снова оголив нервы и выместив с таким трудом построенную отстраненность.

- Судьба, видно, такая. Дурацкая.

Но, вопреки словам, незнакомое чувство удовлетворения и обретенного смысла пролило свет на изуродованный внутренний мир.

Он ненавидел свой дар. Он боялся его больше всего на свете.

Но в этот момент он знал, что все, что вело его в жизни, вело к этому моменту. Он знал, зачем мир открыл ему все карты.

Автор: Елена Косилова

проза

Пенан

Над номером работали:

Р **свобода**

Александр Маяков — главный редактор

Надежда Леонычева — старший редактор

Елизавета Панчишина — редактор

Расима Ахмедова — редактор

Максим Гайер — редактор

Элина Ким — редактор-корректор

юмор

религия

эпопея

видения

PS. рассказ

стих

литературное
интернет
издание

2015 2009

сказка

поэзия

Мансёнг

хокку

рок

антиутопия

сарказм

драма

рубай

новелла

киберпанк

поэма

скетч

и
я

пародия

фельетон

повесть

песня

п
в
е
с
а

лирика

п
о
э
м

сонеты

шансон

литература

стимпанк

Ф
э
н
т
е
з
и

мемуары

п
р
и
к
л
ю

фантастика

роман сюрреализм

Рубай

драматургия

критика

философия

и
я